

Редакционный совет:

Н. С. БОНДАРЬ
В. А. СИВИЦКИЙ
Н. В. СТРУННИКОВА
О. С. ХОХРЯКОВА (председатель)

Главный редактор —
Н. В. Струнникова
Адрес редакции: 190000, Санкт-Петербург,
Сенатская площадь, дом 1
Телефон: 404-32-51

Номер подготовили:
И. В. Андреева
И. А. Бойцов
М. В. Бухаркина
И. А. Михайлова
Н. А. Сергеева
Н. Ю. Сильваненок
Е. В. Скалон

Художник А. Б. Бобров

Сдано в набор 07.04.2017.
Подписано в печать 19.05.2017.
Формат 70 × 108^{1/16}. Печать офсетная.
Бумага офсетная № 1. Печ. л. 8.
Тир. 590 экз.

Издательство «Спарк».
117630, г. Москва,
Старокалужское ш., д. 62. БЦ «Валлекс».
Тел. (495) 784-72-18.

Отпечатано в ГУП МО «Коломенская типография»,
140400, Московская область, г. Коломна,
ул. III Интернационала, д. 2а.
Тел./факс: 8(496) 618-62-87, 618-69-33.
Заказ № 629

Издательство «Спарк»

© Вестник Конституционного Суда РФ, 2017
Официальное издание

В НОМЕРЕ

Постановление по делу о проверке конституционности пункта 1 части 8 статьи 14 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» и статьи 227 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кировского областного суда **от 30 ноября 2016 года № 27-П** 3

Постановление по делу о проверке конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края **от 13 декабря 2016 года № 28-П** 11

Постановление по делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации **от 19 января 2017 года № 1-П** 24

Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации В. Г. Ярославцева 43
Мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации К. В. Арановского 48

Постановление по делу о проверке конституционности положений статьи 212¹ Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина **от 10 февраля 2017 года № 2-П** 59

2'2017

Определение по запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности пункта 1 статьи 30 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»

от 7 июля 2016 года № 1422-О 83

Определение об отказе в принятии к рассмотрению жалобы религиозной организации «Церковь евангельских христиан «Назарет»» на нарушение конституционных прав и свобод подпунктом 2 пункта 4 статьи 181² Гражданского кодекса Российской Федерации

от 7 июля 2016 года № 1423-О 93

Определение об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Журавлева Сергея Валентиновича на нарушение его конституционных прав пунктом «м» части первой статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации

от 7 июля 2016 года № 1424-О 99

Определение об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Столбова Максима Сергеевича на нарушение его конституционных прав пунктом «м» части первой статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации

от 7 июля 2016 года № 1425-О 103

Определение об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гомзина Алексея Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 222 Уголовного кодекса Российской Федерации

от 7 июля 2016 года № 1426-О 107

Определение по жалобе граждан Анохиной Анастасии Владимировны, Бадова Дениса Владимировича и других на нарушение их конституционных прав положениями пункта 1 части 4 статьи 6, части 1 статьи 7 и части 1¹ статьи 8 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», а также части 5 статьи 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

от 7 июля 2016 года № 1428-О 114

Определение по ходатайству гражданина Мошкина Михаила Игоревича о разъяснении Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 2016 года № 186-О

от 7 июля 2016 года № 1435-О-Р 124

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**30 ноября
2016 года,
город Санкт-
Петербург**

№ 27-П

по делу о проверке конституционности пункта 1 части 8 статьи 14 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» и статьи 227 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кировского областного суда

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, С. М. Казанцева, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева, руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности пункта 1 части 8 статьи 14 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» и статьи 227 Налогового кодекса Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явился запрос Кировского областного суда. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Г. А. Гаджиева, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Согласно пункту 1 части 8 статьи 14 Федерального закона от 24 июля 2009 года № 212-ФЗ «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» в целях применения положений части 1¹ данной статьи, устанавливающей порядок определения размера страховых взносов на обязательное пенсионное страхование, подлежащих уплате плательщиками страховых взносов, не производящими выплаты и иные вознаграждения физическим лицам, доход для плательщиков страховых взносов, уплачивающих налог на доходы физи-

ческих лиц, учитывается в соответствии со статьей 227 Налогового кодекса Российской Федерации, которая, устанавливая особенности исчисления сумм налога отдельными категориями физических лиц, предусматривает в том числе, что физические лица, зарегистрированные в установленном действующим законодательством порядке и осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, производят исчисление и уплату налога по суммам доходов, полученных от осуществления такой деятельности (подпункт 1 пункта 1).

1.1. В производстве Кировского областного суда находится дело о взыскании государственным учреждением – Управлением Пенсионного фонда Российской Федерации в Юрьянском районе Кировской области с гражданина В. В. Тищенко, зарегистрированного с 23 апреля 2013 года по 26 августа 2014 года в качестве индивидуального предпринимателя, недоимки по страховым взносам в размере 117 872,07 рубля (с учетом частичной оплаты) за неполный 2014 год. За указанный отчетный период индивидуальный предприниматель получил доход в размере 16 586 507 рублей и произвел расходы на сумму 16 547 872 рубля. Исходя из размера рассчитанной им чистой прибыли он уплатил страховые взносы в размере фиксированного платежа, установленного для случаев, когда величина дохода плательщика за расчетный период не превышает 300 000 рублей, которые составили 38 635 рублей. По мнению указанного территориального управления Пенсионного фонда Российской Федерации, страховые взносы подлежали уплате исходя из общей суммы полученного плательщиком дохода, превысившего 300 000 рублей, и составили, с учетом максимального размера взносов, установленного законом, 138 627,84 рубля (без учета частичной оплаты).

Решением Юрьянского районного суда Кировской области от 7 сентября 2015 года в удовлетворении исковых требований государственного учреждения – Управления Пенсионного фонда Российской Федерации в Юрьянском районе Кировской области о взыскании указанной недоимки по страховым взносам отказано; при этом суд пришел к выводу о недопустимости исчисления страховых взносов исходя из всей суммы доходов индивидуального предпринимателя (выразившихся в разнице между ценой векселей с дисконтом при их предъявлении на оплату в банк и расходами предпринимателя на их приобретение), поскольку это привело бы к несоразмерному ограничению его прав, противоречило бы природе социального страхования. Апелляционным определением судебной коллегии по административным делам Кировского областного суда от 17 декабря 2015 года данное решение отменено; суд указал, что закон предусматривает уплату страховых взносов исходя из всей суммы доходов, полученных индивидуальным предпринимателем, без учета произведенных им в связи с осуществлением хозяйственной деятельности расходов.

В ходе рассмотрения кассационной жалобы В. В. Тищенко на указанное апелляционное определение Кировский областной суд пришел к выводу о том, что пункт 1 части 8 статьи 14 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» во взаимосвязи со статьей 227 Налогового кодекса Российской Федерации, как являющиеся недостаточно определенными, не содержащими понятия дохода для целей исчисления и уплаты страховых взносов, приводят к возложению на индивидуального предпринимателя бремени уплаты обязательных публичных платежей, несоразмерного результатам его экономической деятельности и не учитывающего его фактическую способность к их уплате, поскольку сумма страховых взносов превышает сумму заработанных им денежных средств в отчетном периоде, в ре-

зультате чего он фактически неправомерно лишается собственности. Приостановив производство по делу, Кировский областной суд направил запрос в Конституционный Суд Российской Федерации.

Кировский областной суд просит проверить пункт 1 части 8 статьи 14 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» во взаимосвязи со статьей 227 Налогового кодекса Российской Федерации на соответствие статьям 7, 18, 19, 35, 39, 55 и 57 Конституции Российской Федерации.

1.2. В силу статей 74, 101 и 102 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации по запросу суда проверяет конституционность оспариваемых нормативных положений в той части, в какой они подлежат применению в находящемся в производстве суда деле, оценивая как буквальный смысл этих положений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием, а также сложившейся правоприменительной практикой, и учитывая их место в системе норм.

Соответственно, взаимосвязанные положения пункта 1 части 8 статьи 14 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» и статьи 227 Налогового кодекса Российской Федерации являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку на их основании решается вопрос о размере дохода, учитываемого для определения размера страховых взносов на обязательное пенсионное страхование, подлежащих уплате индивидуальным предпринимателем, уплачивающим налог на доходы физических лиц и не производящим выплаты и иные вознаграждения физическим лицам.

2. Конституция Российской Федерации, провозглашая целью политики Российской Федерации как правового демократического государства с социально ориентированной рыночной экономикой создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (статья 1, часть 1; статья 7, часть 1), гарантирует гражданам не только свободу труда и право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности (включая организационно-правовую форму ее осуществления) и профессию, но и право каждого на социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом, в том числе посредством создания пенсионной системы (статья 7, часть 2; статья 39, части 1 и 2). Одним из важнейших элементов этой системы является обязательное пенсионное страхование.

Страховые взносы на обязательное пенсионное страхование, как это прямо следует из статьи 9 Федерального закона от 15 декабря 2001 года № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации», служат основой для формирования финансовой базы (финансовых источников), предназначенной для осуществления страховщиком – Пенсионным фондом Российской Федерации гарантируемой государством выплаты застрахованным лицам обязательного страхового обеспечения при наступлении соответствующих страховых случаев (достижение пенсионного возраста, наступление инвалидности, потеря кормильца).

Таким образом, они выступают материальной гарантией предоставления застрахованным лицам надлежащего страхового обеспечения. Начисление и уплата страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации обес-

печивают реализацию в обязательном пенсионном страховании таких принципов социального страхования, как устойчивость и автономность финансовой системы, государственная гарантированность соблюдения прав застрахованных лиц на защиту от социальных рисков и исполнения обязательств по данному виду обязательного социального страхования.

2.1. Система обязательного пенсионного страхования охватывает в том числе индивидуальных предпринимателей, которые обязаны уплачивать страховые взносы в Пенсионный фонд Российской Федерации в период с начала предпринимательской деятельности и до ее прекращения (подпункт 2 пункта 1 статьи 6, абзац третий пункта 1 статьи 7, статья 28 Федерального закона «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации»; пункт 2 части 1 статьи 5, статья 14, часть 1 статьи 18 и пункт 1 части 2 статьи 28 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования»). Индивидуальные предприниматели в данной системе выступают одновременно в качестве застрахованных лиц и в качестве страхователей.

Отнесение индивидуальных предпринимателей к числу лиц, которые подлежат обязательному пенсионному страхованию, и возложение на них обязанности по уплате за себя страховых взносов — с учетом цели обязательного пенсионного страхования, социально-правовой природы и предназначения страховых взносов — само по себе не может расцениваться как не согласующееся с требованиями Конституции Российской Федерации. Напротив, оно направлено на реализацию принципа всеобщности пенсионного обеспечения, вытекающего из статьи 39 (часть 1) Конституции Российской Федерации, тем более что индивидуальные предприниматели подвержены такому же социальному страховому риску в связи с наступлением страхового случая, как и лица, работающие по трудовому договору.

Уплата индивидуальными предпринимателями страховых взносов обеспечивает формирование их пенсионных прав, приобретение права на получение трудовой пенсии.

2.2. Признав индивидуальных предпринимателей участниками системы обязательного пенсионного страхования и предоставив им возможность самостоятельно формировать свои пенсионные права, федеральный законодатель — исходя из того что они осуществляют предпринимательскую деятельность на свой риск, как это вытекает из статьи 2 ГК Российской Федерации, а, следовательно, их доход не является постоянным и гарантированным в отличие от заработной платы работающих по трудовому договору — предусмотрел для индивидуальных предпринимателей, уплачивающих налог на доходы физических лиц и не производящих выплаты и иные вознаграждения физическим лицам, особый порядок исчисления страховых взносов с учетом минимального размера оплаты труда, установленного федеральным законом (статья 14 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования»).

Принимая во внимание указанные особенности правового положения индивидуального предпринимателя, уплачивающего налог на доходы физических лиц и не производящего выплаты и иные вознаграждения физическим лицам, а также правовой природы страховых взносов на обязательное пенсионное страхование, с 1 января 2014 года федеральный законодатель установил два способа определения размера страховых взносов в зависимости от уровня его дохода: в фиксированном размере (исходя из одного минимального размера оплаты труда) при доходе до 300 000 рублей

за расчетный период либо в повышенном (не более восьмикратного минимального размера оплаты труда) – при доходе свыше 300 000 рублей за расчетный период (часть 1¹ статьи 14 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования»).

Как указывалось в пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменения в статью 14 Федерального закона “О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования”», устанавливая дифференцированный механизм определения размера страховых взносов по обязательному пенсионному страхованию, учитывающий величину получаемого дохода, федеральный законодатель преследовал цель нивелировать негативные последствия повышения размера страховых взносов в государственные внебюджетные фонды для малого предпринимательства, и в особенности для индивидуальных предпринимателей, осуществляющих низкодоходные виды деятельности, предоставить им возможность продолжать осуществлять хозяйственную деятельность в пределах правового поля, а представителям бизнеса с большим доходом – позволить формировать свои пенсионные права в большем объеме.

При этом размер облагаемого страховыми взносами дохода определяется в зависимости от установленного плательщику страховых взносов режима налогообложения, в том числе с учетом его волеизъявления (часть 8 статьи 14 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования»).

Соответственно, предусмотренная федеральным законодателем дифференциация размера страховых взносов на обязательное пенсионное страхование в зависимости от величины полученного за расчетный период дохода и определения размера облагаемого взносами дохода в зависимости от установленного налогового режима сама по себе не может рассматриваться как нарушающая конституционные требования, поскольку основана на объективных критериях и обеспечивает увеличение размера пенсий при увеличении размера страховых взносов или увеличении объема облагаемого страховыми взносами дохода.

3. Согласно пункту 1 части 8 статьи 14 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» для плательщиков страховых взносов, уплачивающих налог на доходы физических лиц, доход учитывается в соответствии со статьей 227 Налогового кодекса Российской Федерации, подпунктом 1 пункта 1 которой определено, что исчисление и уплату налога в соответствии с данной статьей физические лица, зарегистрированные в установленном действующим законодательством порядке и осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, производят по суммам доходов, полученных от осуществления такой деятельности.

При этом при исчислении налоговой базы и суммы налога на доходы физических лиц федеральный законодатель предусмотрел право индивидуальных предпринимателей на уменьшение полученного ими дохода на сумму фактически произведенных ими и документально подтвержденных расходов, непосредственно связанных с извлечением доходов (профессиональный налоговый вычет); состав расходов определяется в порядке, аналогичном порядку определения расходов для целей налогообложения, установленному главой «Налог на прибыль организаций» Налогового кодекса

Российской Федерации (пункт 1 статьи 221 Налогового кодекса Российской Федерации).

Соответственно, хотя налоговое законодательство Российской Федерации и не использует понятие «прибыль» применительно к налоговой базе для расчета налога на доходы физических лиц, доход для целей исчисления и уплаты налога на доходы физических лиц для индивидуальных предпринимателей в силу взаимосвязанных положений статей 210, 221 и 227 Налогового кодекса Российской Федерации подлежит уменьшению на сумму расходов, непосредственно связанных с извлечением доходов, что аналогично определению прибыли в целях исчисления налога на прибыль организаций, под которой, по общему правилу, понимаются полученные доходы, уменьшенные на величину расходов.

Само указание в пункте 1 части 8 статьи 14 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» на необходимость учета дохода в соответствии со статьей 227 Налогового кодекса Российской Федерации, которая может применяться только в системной связи с пунктом 1 статьи 221 данного Кодекса, свидетельствует о намерении федерального законодателя определять для целей установления размера страховых взносов доход индивидуального предпринимателя, уплачивающего налог на доходы физических лиц и не производящего выплаты и иные вознаграждения физическим лицам, как валовой доход за минусом документально подтвержденных расходов, непосредственно связанных с извлечением доходов.

Данный подход демонстрирует преемственность правового регулирования при определении размера страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации в зависимости от доходов. Так, Федеральный закон от 20 ноября 1999 года № 197-ФЗ «О тарифах страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Государственный фонд занятости населения Российской Федерации и в фонды обязательного медицинского страхования на 2000 год» предусматривал для индивидуальных предпринимателей уплату страхового взноса в размере 20,6 процента с дохода от предпринимательской либо иной деятельности за вычетом расходов, связанных с его извлечением (пункт «б» статьи 1). Налоговый кодекс Российской Федерации (в редакции, действовавшей до 1 января 2001 года) также устанавливал, что налоговая база единого социального налога (взноса), зачислявшегося в том числе в Пенсионный фонд Российской Федерации, для налогоплательщиков, указанных в подпункте 2 пункта 1 статьи 235 данного Кодекса (индивидуальные предприниматели, адвокаты, нотариусы, занимающиеся частной практикой), определяется как сумма доходов, полученных от предпринимательской либо иной профессиональной деятельности за вычетом расходов, связанных с их извлечением (пункт 3 статьи 237). Кроме того, аналогичный по существу механизм определения базы для обложения страховыми взносами предусмотрен и главой 34 «Страховые взносы» Налогового кодекса Российской Федерации, вступающей в силу с 1 января 2017 года согласно Федеральному закону от 3 июля 2016 года № 243-ФЗ, причем пункт 9 статьи 430 данного Кодекса предписывает учитывать доход именно в соответствии с его статьей 210, которая прямо предусматривает применение профессиональных налоговых вычетов при определении налоговой базы.

Такое понимание взаимосвязанных положений пункта 1 части 8 статьи 14 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» и статьи 227

Налогового кодекса Российской Федерации согласуется и с ранее выраженными правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации.

Как следует из сформулированной Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 24 февраля 1998 года № 7-П правовой позиции, в соответствии с которой обеспечение неформального равенства граждан требует учета фактической способности гражданина (в зависимости от его заработка, дохода) к уплате публично-правовых обязательных платежей в соответствующем размере, возложенное на налогоплательщика бремя уплаты такого платежа, как налог на доходы физических лиц, — исходя из сущности данного вида налога и императивов, вытекающих непосредственно из Конституции Российской Федерации, — должно определяться таким образом, чтобы валовый доход уменьшался на установленные законом налоговые вычеты, а налогом облагался бы так называемый чистый доход. Доходом применительно к налогу на доходы физических лиц Налоговый кодекс Российской Федерации признает экономическую выгоду в денежной или натуральной форме, учитываемую в случае возможности ее оценки и в той мере, в которой такую выгоду можно оценить, и определяемую в соответствии с положениями Налогового кодекса Российской Федерации (Постановление от 13 марта 2008 года № 5-П).

Хотя Конституционный Суд Российской Федерации отметил отличительные признаки налогов и страховых взносов, обуславливающие их разное целевое предназначение и различную социально-правовую природу и не позволяющие рассматривать страховой взнос на обязательное пенсионное страхование, учитывающийся на индивидуально-возмездной основе, как налоговый платеж, который не имеет адресной основы и характеризуется признаками индивидуальной безвозмездности и безвозвратности (Определение от 5 февраля 2004 года № 28-О), отдельные правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, касающиеся налогообложения, применимы и в отношении страховых взносов по обязательному пенсионному страхованию (Определение от 15 января 2009 года № 242-О-П).

Это во всяком случае относится и к требованию экономической обоснованности установления расчетной базы для обложения страховыми взносами по обязательному пенсионному страхованию, зависящей от размера доходов индивидуального предпринимателя и предполагающей при определении их размера учет документально подтвержденных расходов, непосредственно связанных с извлечением доходов. В противном случае не исключена ситуация (как в деле заявителя), когда размер страховых взносов, подлежащих уплате, исказит смысл и назначение предусмотренной федеральным законодателем его дифференциации в зависимости от доходов индивидуального предпринимателя, повлечет избыточное финансовое обременение индивидуальных предпринимателей, уплачивающих налог на доходы физических лиц и не производящих выплаты и иные вознаграждения физическим лицам, а следовательно — нарушение баланса публичных интересов и интересов субъектов предпринимательской деятельности. Тем самым нарушались бы гарантированные Конституцией Российской Федерации свобода экономической деятельности и принцип неприкосновенности частной собственности (статья 8; статья 34, часть 1; статья 35, часть 1).

4. Таким образом, взаимосвязанные положения пункта 1 части 8 статьи 14 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» и статьи 227 Налогового кодекса Российской Федерации в той мере, в какой на их основании решается вопрос о размере дохода, учитываемого для определения

размера страховых взносов на обязательное пенсионное страхование, подлежащих уплате индивидуальным предпринимателем, уплачивающим налог на доходы физических лиц и не производящим выплаты и иные вознаграждения физическим лицам, не противоречат Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования они предполагают, что для данной цели доход индивидуального предпринимателя, уплачивающего налог на доходы физических лиц и не производящего выплаты и иные вознаграждения физическим лицам, подлежит уменьшению на величину фактически произведенных им и документально подтвержденных расходов, непосредственно связанных с извлечением дохода, в соответствии с установленными Налоговым кодексом Российской Федерации правилами учета таких расходов для целей исчисления и уплаты налога на доходы физических лиц.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать взаимосвязанные положения пункта 1 части 8 статьи 14 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» и статьи 227 Налогового кодекса Российской Федерации в той мере, в какой на их основании решается вопрос о размере дохода, учитываемого для определения размера страховых взносов на обязательное пенсионное страхование, подлежащих уплате индивидуальным предпринимателем, уплачивающим налог на доходы физических лиц и не производящим выплаты и иные вознаграждения физическим лицам, не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования они предполагают, что для данной цели доход индивидуального предпринимателя, уплачивающего налог на доходы физических лиц и не производящего выплаты и иные вознаграждения физическим лицам, подлежит уменьшению на величину фактически произведенных им и документально подтвержденных расходов, непосредственно связанных с извлечением дохода, в соответствии с установленными Налоговым кодексом Российской Федерации правилами учета таких расходов для целей исчисления и уплаты налога на доходы физических лиц.

2. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

3. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

---

13 декабря
2016 года,
город Санкт-
Петербург

№ 28-П

по делу о проверке конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, С. М. Казанцева, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева, с участием представителя Арбитражного суда Алтайского края – судьи Арбитражного суда Алтайского края М. А. Кулика, полномочного представителя Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации Т. В. Касаевой, представителя Совета Федерации – доктора юридических наук П. А. Кучеренко, полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М. В. Кротова,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3¹ части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 74, 86, 101, 102 и 104 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 ГК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явились запросы Арбитражного суда Алтайского края. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Поскольку оба запроса касаются одного и того же предмета, Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь статьей 48 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», соединил дела по этим запросам в одном производстве.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Г. А. Гаджиева, объяснения представителей сторон, выступления приглашенных в заседание полномочного представителя Правительства Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М. Ю. Барщевского, а также представителей: от Верховного Суда Российской Федерации – судьи Верховного Суда Российской Федерации В. В. Попова, от Министерства юстиции Российской Федерации – М. А. Мельниковой, от Генерального прокурора Российской Федерации – Т. А. Васильевой, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Арбитражный суд Алтайского края, в производстве которого находятся два дела по искам правообладателей о взыскании компенсации за нарушение исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации, обратился в Конституционный Суд Российской Федерации с запросами о проверке конституционности положений Гражданского кодекса Российской Федерации, регулирующих соответствующие правоотношения, а именно:

подпункта 1 статьи 1301 и подпункта 1 статьи 1311, согласно которым в случаях нарушения исключительного права на произведение автор или иной правообладатель, а в случаях нарушения исключительного права на объект смежных прав – обладатель исключительного права наряду с использованием других применимых способов защиты и мер ответственности, установленных данным Кодексом (статьи 1250, 1252 и 1253), вправе в соответствии с пунктом 3 статьи 1252 данного Кодекса требовать по своему выбору от нарушителя вместо возмещения убытков выплаты компенсации в размере от десяти тысяч рублей до пяти миллионов рублей, определяемом по усмотрению суда исходя из характера нарушения;

подпункта 1 пункта 4 статьи 1515, согласно которому за незаконное использование товарного знака правообладатель вправе требовать по своему выбору от нарушителя вместо возмещения убытков выплаты компенсации в размере от десяти тысяч до пяти миллионов рублей, определяемом по усмотрению суда исходя из характера нарушения.

1.1. При первоначальном рассмотрении гражданского дела по иску ООО «Квадро-Паблицинг» к индивидуальному предпринимателю Ю. В. Любимой Арбитражный суд Алтайского края частично удовлетворил требования истца о взыскании компенсации за нарушение принадлежащих ему исключительных прав на музыкальные произведения, автором и исполнителем которых является С. В. Михайлов, а также на фонограммы этих музыкальных произведений. Расценив продажу ответчиком контрафактного компакт-диска, содержащего фонограммы нескольких десятков музыкальных произведений, исполняемых С. В. Михайловым, как продажу одной партии однотипных товаров, т. е. как один случай правонарушения, и учитывая обстоятельства дела, в частности тяжелое материальное положение ответчика, Арбитражный суд Алтайского края исходя из требований разумности, справедливости и соразмерности решением от 8 июня 2015 года (оставлено без изменения постановлением Седьмого арбитражного апелляционного суда от 28 августа 2015 года) снизил уточненную истцом сумму компенсации с 859 000 рублей до 15 000 рублей.

С выводами арбитражных судов первой и апелляционной инстанций не согласился Суд по интеллектуальным правам, который отменил принятые ими судебные акты и направил дело на новое рассмотрение в Арбитражный суд Алтайского края, указав в постановлении от 28 января 2016 года, что каждое из музыкальных произведений и фонограмм, содержащихся на компакт-диске, является самостоятельным объектом авторских и смежных прав, подлежащим защите, и что пункт 3 статьи 1252 ГК Российской Федерации в действующей редакции, введенной Федеральным законом от 12 марта 2014 года № 35-ФЗ, в данном деле применен ошибочно, поскольку договор розничной купли-продажи контрафактного компакт-диска был заключен ранее – 19 июня 2013 года. Кроме того, Суд по интеллектуальным правам посчитал недостаточно обоснованными выводы о злоупотреблении правом со стороны истца и о том, что истцом не утрачена возможность предъявления требований не только к продавцу товара, но и к его производителю и перепродавцам.

27 апреля 2016 года Арбитражный суд Алтайского края направил в Конституционный Суд Российской Федерации запрос о проверке конституционности подлежащих применению в деле по иску ООО «Квадро-Паблишинг» положений статей 1301 и 1311 ГК Российской Федерации и определением от 6 мая 2016 года приостановил производство по данному делу до разрешения поставленного им вопроса Конституционным Судом Российской Федерации.

1.2. На рассмотрении Арбитражного суда Алтайского края находится также гражданское дело по объединенным в одно производство искам ЗАО «Аэроплан» (в лице представителя по доверенности – некоммерческого партнерства «Красноярск против пиратства») к девяти индивидуальным предпринимателям о взыскании компенсации (в размере от 49 980 рублей до 60 000 рублей с каждого) за незаконное использование товарных знаков, обладателем исключительных прав на которые оно является. Как утверждает истец, этими товарными знаками, воспроизводящими персонажей и символы мультсериала «Фиксики», были маркированы DVD-диск, наборы игрушек и рюкзаки, что подтверждено закупками, произведенными в торговых точках, принадлежащих ответчикам. В своих отзывах на иски заявители индивидуальные предприниматели утверждают, что суммы предъявленных к ним требований несоразмерны вреду, причиненному правообладателю вследствие продажи данных товаров, и указывают на свое тяжелое материальное положение и иные заслуживающие внимания обстоятельства, которые, по их мнению, следует учитывать суду при определении размера ответственности.

Придя к выводу о наличии неопределенности в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации подлежащее применению в данном деле положение пункта 4 статьи 1515 ГК Российской Федерации, Арбитражный суд Алтайского края обратился в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке его конституционности и производство по делу приостановил (определения от 22 июня 2016 года).

1.3. По мнению Арбитражного суда Алтайского края, положения подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 ГК Российской Федерации, как предоставляющие правообладателю возможность в случае нарушения его исключительных прав на произведение и на объекты смежных прав, а также в случае незаконного использования товарного знака требовать от нарушителя – по своему выбору – вместо возмещения убытков выплаты компенсации в размере не менее десяти тысяч рублей, противоречат статьям 2, 7, 8 (часть 1), 18, 21 (часть 1), 34 (часть 1), 39 (часть 1), 46 (часть 1) и 55 (часть 2) Конституции Российской Федерации. Согласно доводам заявителя, приведенным в обоснование своей позиции и нашедшим отражение в обоих запросах, оспариваемые законоположения в системной связи с пунктом 3 статьи 1252 ГК Российской Федерации, освобождающим правообладателя от доказывания размера причиненных ему убытков и предписывающим суду определять размер компенсации за каждый случай неправомерного использования результатов интеллектуальной деятельности или приравненных к ним средств индивидуализации в пределах, предусмотренных данным Кодексом, не позволяют суду при совершении лицом единого противоправного действия, выразившегося в нарушении исключительных прав на значительное число результатов интеллектуальной деятельности или приравненных к ним средств индивидуализации, учитывать не только степень его вины и материальную возможность нести ответственность в установленном размере, но и размер причиненных правообладателю убытков, равно как и факт принятия самим правообладателем мер, направленных на предупреждение и пресечение нарушений его прав, а также иные обстоятельства, имеющие значение для

определения справедливого и пропорционального допущенному нарушению общего размера компенсации, в том числе путем его установления ниже предусмотренного законом минимального предела.

1.4. Как следует из статей 74, 101 и 102 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации по запросам судов проверяет конституционность оспариваемых нормативных положений в порядке конкретного нормоконтроля в той части, в какой они подлежат применению в находящемся в производстве суда деле, и принимает постановление только по предмету, указанному в запросе, оценивая как буквальный смысл проверяемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм; при принятии решения Конституционный Суд Российской Федерации не связан основаниями и доводами, изложенными в запросе.

Таким образом, положения подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 ГК Российской Федерации являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку ими определяются полномочия суда при применении мер ответственности за нарушение индивидуальным предпринимателем при осуществлении им предпринимательской деятельности исключительных прав на произведение или на объект смежных прав, а также на товарный знак в случае, если обладатель нарушенных интеллектуальных прав в соответствии с пунктом 3 статьи 1252 данного Кодекса использует в качестве способа защиты право требовать по своему выбору от нарушителя вместо возмещения убытков выплаты компенсации в размере от десяти тысяч рублей до пяти миллионов рублей за каждый неправомерно используемый результат интеллектуальной деятельности или приравненное к нему средство индивидуализации.

2. Согласно Конституции Российской Федерации каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества; интеллектуальная собственность охраняется законом (статья 44, часть 1); каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (статья 34, часть 1), в том числе связанной с использованием результатов творческой деятельности; названные права наряду с другими правами и свободами человека и гражданина признаются и гарантируются в Российской Федерации согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации (статья 17, часть 1).

Гарантируя государственную, в том числе судебную, защиту прав и свобод человека и гражданина, Конституция Российской Федерации закрепляет при этом, что их осуществление не должно нарушать права и свободы других лиц и что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (статья 17, часть 3; статья 45, часть 1; статья 46, часть 1; статья 55, часть 3).

Приведенные положения Конституции Российской Федерации составляют основу политики государства в области охраны интеллектуальной собственности, правовое регулирование которой находится в ведении Российской Федерации (статья 71, пункт «о», Конституции Российской Федерации). В этих целях Российская Федерация участвует также в международных

договорах, регулирующих соответствующие отношения, – Конвенции, учреждающей Всемирную организацию интеллектуальной собственности (подписана в Стокгольме 14 июля 1967 года), Конвенции по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 года, Договоре о патентной кооперации от 19 июня 1970 года, Мадридском соглашении о международной регистрации знаков от 14 апреля 1891 года, Договоре о законах по товарным знакам от 27 октября 1994 года, Конвенции об охране интересов производителей фонограмм от незаконного воспроизводства их фонограмм от 29 октября 1971 года и др. На необходимость эффективных механизмов, обеспечивающих соблюдение прав интеллектуальной собственности, в том числе средств правовой защиты, которые представляют собой правовую санкцию для удержания от дальнейших нарушений, указывается и в Соглашении по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности от 15 апреля 1994 года, участником которого является Российская Федерация.

3. В соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации произведения науки, литературы и искусства, фонограммы, товарные знаки и знаки обслуживания являются результатами интеллектуальной деятельности и приравненными к ним средствами индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, которым предоставляется правовая охрана (интеллектуальной собственностью) (статья 1225); на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации) признаются интеллектуальные права, которые включают исключительное право, являющееся имущественным правом, а в случаях, предусмотренных данным Кодексом, также личные неимущественные права и иные права (статья 1226).

Гражданин или юридическое лицо, обладающие исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации (правообладатель), вправе использовать такой результат или такое средство по своему усмотрению любым не противоречащим закону способом; использование результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, если такое использование осуществляется без согласия правообладателя, является незаконным и влечет ответственность, установленную законом, за исключением случаев, когда использование результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации лицами иными, чем правообладатель, без его согласия допускается законом (пункт 1 статьи 1229 ГК Российской Федерации).

3.1. В соответствии с пунктом 1 статьи 1250 ГК Российской Федерации интеллектуальные права защищаются – с учетом существа нарушенного права и последствий нарушения этого права – общими способами, предусмотренными данным Кодексом, перечень которых, как следует из его статьи 12, не является исчерпывающим: согласно абзацу четырнадцатому данной статьи защита гражданских прав может осуществляться и иными способами, предусмотренными законом.

Исходя из предписаний статей 17 (часть 3), 19 (часть 1), 45 и 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации Гражданский кодекс Российской Федерации в целях обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты как одного из основных начал гражданского законодательства (пункт 1 статьи 1) закрепляет в качестве общего принципа правило о возмещении убытков (реального ущерба и упущенной выгоды), причиненных лицу, право которого нарушено, в полном объеме лицом, их причинившим (статья 15). Размер подлежащих возмещению убытков должен быть установлен с разумной степенью достоверности с учетом всех обстоятельств дела, исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственно-

сти допущенному нарушению; при этом, по смыслу пункта 1 статьи 15 ГК Российской Федерации, в удовлетворении требования о возмещении убытков не может быть отказано только на том основании, что их точный размер установить невозможно (пункт 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

В силу значительной специфики объектов интеллектуальной собственности, обусловленной их нематериальной природой, правообладатели ограничены как в возможности контролировать соблюдение принадлежащих им исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации третьими лицами и выявлять допущенные нарушения, так и в возможности установить точную или по крайней мере приблизительную величину понесенных ими убытков (особенно в виде упущенной выгоды), в том числе если правонарушение совершено в сфере предпринимательской деятельности.

С учетом указанной специфики, предопределяющей необходимость установления специальных способов защиты нарушенных исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности, Гражданский кодекс Российской Федерации предоставляет правообладателю право в случаях, предусмотренных данным Кодексом для отдельных видов результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации, требовать от нарушителя вместо возмещения убытков выплаты соответствующей компенсации и освобождает его от доказывания в суде размера причиненных убытков. Размер компенсации, которая подлежит взысканию при доказанности факта нарушения, как следует из пункта 3 статьи 1252 ГК Российской Федерации, определяется судом в пределах, установленных данным Кодексом (в том числе статьями 1301, 1311 и 1515), в зависимости от характера нарушения и иных обстоятельств дела с учетом требований разумности и справедливости; если же одним действием нарушены права на несколько результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации, размер компенсации определяется судом за каждый неправомерно используемый результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации.

Тем самым приведенное правовое регулирование позволяет взыскивать в пользу лица, чье исключительное право на объект интеллектуальной собственности было нарушено, компенсацию в размере, который может и превышать размер фактически причиненных ему убытков. Допущение законом такой возможности — тем более принимая во внимание затруднительность определения размера убытков в каждом конкретном случае правонарушения — нельзя признать мерой, несовместимой с основными началами гражданского законодательства, не исключаящего, в частности, при определении ответственности за нарушение обязательств взыскание с должника убытков в полной сумме сверх неустойки (пункт 1 статьи 394 ГК Российской Федерации) и предусматривающего в качестве одного из способов защиты нарушенных гражданских прав, помимо возмещения убытков, возможность установления законом или договором обязанности причинителя вреда выплатить потерпевшим компенсацию сверх возмещения вреда (пункт 1 статьи 1064 ГК Российской Федерации).

Вводя штрафную по своей природе ответственность за нарушение прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, федеральный законодатель не только учитывал объективные трудности в оценке причиненных правообладателю убытков, но и руководствовался необходимостью — в контексте правовой политики государства по охране

интеллектуальной собственности — общей превенции соответствующих правонарушений. Наряду с мерами публично-правовой ответственности, предусмотренными уголовным законодательством и законодательством об административных правонарушениях, предоставление частным лицам — правообладателям возможности требовать взыскания с правонарушителей компенсации за незаконное использование исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности, размер которой может превышать размер понесенных ими убытков, имеет целью реализацию предписаний статьи 44 (часть 1) Конституции Российской Федерации и выполнение Российской Федерацией принятых на себя международных обязательств.

3.2. В исключение из общего правила, согласно которому предусмотренные Гражданским кодексом Российской Федерации меры ответственности за нарушение интеллектуальных прав подлежат применению при наличии вины нарушителя, меры ответственности за нарушение интеллектуальных прав, допущенное при осуществлении предпринимательской деятельности, предусмотренные пунктом 3 статьи 1252 данного Кодекса и, соответственно, его статьями 1301 и 1311, а также пунктом 4 статьи 1515, подлежат применению независимо от вины нарушителя, если только он не докажет, что нарушение произошло вследствие непреодолимой силы, т. е. чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств (пункт 3 статьи 1250 ГК Российской Федерации).

Такой подход, используемый федеральным законодателем и при регулировании ответственности за неисполнение обязательств, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности (пункт 3 статьи 401 ГК Российской Федерации), согласуется с понятием предпринимательской деятельности как самостоятельной, осуществляемой на свой риск деятельности, направленной на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке (пункт 1 статьи 2 ГК Российской Федерации). При этом к лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность, связанную с использованием результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, права на которые им не принадлежат, предъявляются повышенные требования, невыполнение которых рассматривается как виновное поведение. В частности, Правила продажи отдельных видов товаров (утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 19 января 1998 года № 55) обязывают продавца предоставить покупателю экземпляры аудиовизуальных произведений, фонограмм сведения об обладателе авторского права и (или) смежных прав на аудиовизуальное произведение, фонограмму. Соответственно, лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность по продаже товаров, в которых содержатся объекты интеллектуальной собственности, — с тем чтобы удостовериться в отсутствии нарушения прав третьих лиц на эти объекты — должно получить необходимую информацию от своих контрагентов.

При этом нет оснований полагать, что статьями 1301, 1311 и пунктом 4 статьи 1515 ГК Российской Федерации, равно как и другими, связанными с ними нормами гражданского законодательства не учитывается принцип соразмерности ответственности совершенному правонарушению: абзац второй пункта 3 статьи 1252 ГК Российской Федерации обязывает суд определять размер подлежащей взысканию компенсации за нарушение соответствующих интеллектуальных прав в пределах, установленных данным Кодексом, в зависимости от характера нарушения и иных обстоятельств дела с учетом требований разумности и справедливости. Тем самым суд, следуя данному указанию и исходя из общих начал гражданского законода-

тельства, не лишен возможности принять во внимание материальное положение ответчика — индивидуального предпринимателя, факт совершения им правонарушения впервые, степень разумности и добросовестности, проявленные им при совершении действия, квалифицируемого как правонарушение, и другие обстоятельства, например наличие у него несовершеннолетних детей. Данный вывод соотносится с неоднократно выраженной Конституционным Судом Российской Федерации правовой позицией, в силу которой суды при рассмотрении дел обязаны исследовать по существу фактические обстоятельства и не вправе ограничиваться установлением формальных условий применения нормы, поскольку иное приводило бы к тому, что право на судебную защиту оказывалось бы ущемленным (постановления от 6 июня 1995 года № 7-П, от 13 июня 1996 года № 14-П, от 27 октября 2015 года № 28-П и др.).

Кроме того, Гражданский кодекс Российской Федерации, как следует из абзаца третьего пункта 3 его статьи 1252, допускает — при наличии определенных условий и с учетом характера и последствий нарушения — возможность снижения размера компенсации ниже предела, установленного подпунктом 1 статьи 1301, подпунктом 1 статьи 1311 и подпунктом 1 пункта 4 статьи 1515 данного Кодекса, но не более чем до пятидесяти процентов суммы минимальных размеров всех компенсаций за допущенные нарушения.

3.3. Таким образом, положения подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 ГК Российской Федерации, как предусматривающие в качестве специального способа защиты исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности предоставление правообладателю возможности в соответствии с пунктом 3 статьи 1252 данного Кодекса требовать по своему выбору от нарушителя вместо возмещения убытков выплаты соответствующей компенсации в случае нарушения прав на несколько результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации в результате совершения индивидуальным предпринимателем при осуществлении им предпринимательской деятельности одного противоправного действия, не противоречат Конституции Российской Федерации.

4. Пункт 3 статьи 1252 ГК Российской Федерации во взаимосвязи с другими положениями данного Кодекса, включая его статьи 1301, 1311 и 1515, закрепляет в числе прочего правила, которыми должен руководствоваться суд при определении размера компенсации в случае, если одним действием нарушены права на несколько результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации: в таких случаях размер компенсации определяется судом — в пределах, установленных данным Кодексом, в зависимости от характера нарушения и иных обстоятельств дела с учетом требований разумности и справедливости — за каждый неправомерно используемый результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации; если же права на соответствующие результаты или средства индивидуализации принадлежат одному правообладателю, общий размер компенсации может быть снижен судом ниже пределов, установленных данным Кодексом.

Поскольку, как следует из абзаца третьего пункта 3 статьи 1252 ГК Российской Федерации, общий размер компенсации при этом все равно не должен составлять менее пятидесяти процентов суммы минимальных размеров всех компенсаций за допущенные нарушения, не исключаются ситуации, при которых определяемая на основании указанных норм Гражданского кодекса Российской Федерации мера ответственности за однократное нарушение исключительных прав на несколько результатов интеллектуаль-

ной деятельности или средств индивидуализации — даже принимая во внимание его характер и последствия, а также другие обстоятельства дела — может оказаться чрезмерной, не отвечающей требованиям разумности и справедливости. Причем, если применение подобной санкции к нарушителю — юридическому лицу обычно не приводит к непропорциональному вторжению в имущественную сферу его участников — физических лиц, то в отношении индивидуального предпринимателя оно не исключает возложение на нарушителя столь серьезных имущественных обязательств, что их исполнение, в свою очередь, может не только поставить под сомнение продолжение им предпринимательской деятельности (что само по себе можно рассматривать как конституционно допустимое следствие совершенного правонарушения), но и крайне негативно отразиться на его жизненной ситуации. При этом — учитывая, что в силу статьи 24 ГК Российской Федерации гражданин отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим ему имуществом, за исключением имущества, на которое в соответствии с законом не может быть обращено взыскание, — последствия применения данной санкции сохраняются для нарушителя даже после прекращения им предпринимательской деятельности.

Между тем, как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, вводимые федеральным законодателем ограничения должны обеспечивать достижение конституционно значимых целей и не быть чрезмерными; принцип соразмерности (пропорциональности) санкции совершенному правонарушению, относящийся к числу общепризнанных принципов права, нашедших отражение в Конституции Российской Федерации, предполагает дифференциацию ответственности в зависимости от тяжести содеянного, размера и характера причиненного ущерба, учет степени вины правонарушителя и иных существенных обстоятельств, обуславливающих индивидуализацию при применении взыскания.

Из приведенной правовой позиции следует, что если использование индивидуальным предпринимателем при осуществлении предпринимательской деятельности результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации, права на которые принадлежат другим лицам, в нарушение этих прав носит очевидно грубый характер либо размер подлежащей выплате компенсации, исчисленной по установленным правилам, сопоставим с размером причиненных правообладателю убытков, то тяжесть последствий применения данной меры ответственности, как обусловленная целями охраны интеллектуальной собственности, должна презюмироваться соразмерной содеянному и не может влечь негативную конституционную оценку.

Вместе с тем нельзя исключать, что при некоторых обстоятельствах размер ответственности, к которой привлекается нарушитель прав на объекты интеллектуальной собственности, в сопоставлении с совершенным им деянием может превысить допустимый с точки зрения принципов равенства и справедливости предел и тем самым привести к нарушению статей 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, а в конечном счете — к нарушению ее статьи 21, гарантирующей охрану государством достоинства личности и не допускающей наказаний, унижающих человеческое достоинство.

4.1. В Постановлении от 17 января 2013 года № 1-П Конституционный Суд Российской Федерации, опираясь на ранее выраженные им правовые позиции (постановления от 12 мая 1998 года № 14-П, от 14 мая 1999 года № 8-П, от 15 июля 1999 года № 11-П, от 27 мая 2003 года № 9-П, от 18 июля 2003 года № 14-П, от 30 октября 2003 года № 15-П, от 14 ноября 2005 года № 10-П, от 24 июня 2009 года № 11-П и от 28 января 2010 года № 2-П), пришел к следующим выводам:

правовое регулирование ответственности за конкретные виды правонарушений, как следует из Конституции Российской Федерации, ее статей 71 (пункты «в», «о»), 72 (пункт «к» части 1) и 76 (части 1 и 2), возложено на законодателя, который в пределах своих правотворческих полномочий вправе вводить и изменять меры ответственности, в том числе их вид и размер, будучи вместе с тем связан предписаниями статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, которые во взаимосвязи с ее статьями 8, 17, 19, 34 и 35 применительно к праву собственности физических и юридических лиц, свободе экономической деятельности допускают возможность их ограниченный федеральным законом, если такие ограничения базируются на общих принципах права, отвечают требованиям равенства и справедливости, являются адекватными, соразмерными конституционно значимым целям и ценностям и необходимы для их защиты; имея своим предназначением воспрепятствование злоупотреблению правом, такое правовое регулирование не должно посягать на само существо того или иного права и приводить к утрате его реального содержания;

конституционными требованиями справедливости и соразмерности предопределяется дифференциация публично-правовой ответственности в зависимости от тяжести содеянного, размера и характера причиненного ущерба, степени вины правонарушителя и иных существенных обстоятельств, обуславливающих индивидуализацию при применении тех или иных мер государственного принуждения; соответственно, уголовно-правовые и административно-правовые санкции, устанавливаемые в целях защиты конституционно значимых ценностей, должны определяться исходя из требования адекватности порождаемых ими последствий (в том числе для лица, в отношении которого они применяются) тому вреду, который причинен в результате противоправного деяния, с тем чтобы обеспечивались соразмерность мер уголовного и административного наказания совершенному правонарушению, а также баланс основных прав индивида и общего интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от противоправных посягательств.

Приведенные правовые позиции, сформулированные Конституционным Судом Российской Федерации в отношении публично-правовой ответственности, применимы и к регулированию гражданско-правовой ответственности в той мере, в какой устанавливаемые законодателем штрафные по своему характеру санкции выполняют и публичную функцию превенции.

4.2. Взыскание предусмотренной подпунктом 1 статьи 1301, подпунктом 1 статьи 1311 и подпунктом 1 пункта 4 статьи 1515 ГК Российской Федерации компенсации за нарушение интеллектуальных прав, будучи штрафной санкцией, преследующей в том числе публичные цели пресечения нарушений в сфере интеллектуальной собственности, является, тем не менее, частноправовым институтом, который основывается на признании равенства участников регулируемых им отношений (пункт 1 статьи 1 ГК Российской Федерации), а именно правообладателя и нарушителя его исключительного права на объект интеллектуальной собственности, и в рамках которого защита имущественных прав правообладателя должна осуществляться с соблюдением вытекающих из Конституции Российской Федерации требований справедливости, равенства и соразмерности, а также запрета на осуществление прав и свобод человека и гражданина с нарушением прав и свобод других лиц, т. е., как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 12 июля 2007 года № 10-П, таким образом, чтобы обеспечивался баланс прав и законных интересов участников гражданского оборота.

Соответственно, лицо, нарушившее исключительное право на объект интеллектуальной собственности при осуществлении предпринимательской деятельности, — исходя из общих принципов гражданско-правовой ответственности и с учетом того, что обладатель нарушенного права в целях реализации предписаний статьи 44 (часть 1) Конституции Российской Федерации освобождается от доказывания размера причиненных ему убытков, а санкция в виде выплаты компенсации подлежит применению независимо от вины нарушителя (пункт 3 статьи 1250 и пункт 3 статьи 1252 ГК Российской Федерации), — должно иметь возможность доказать, что им были приняты все необходимые меры и проявлена разумная осмотрительность с тем, чтобы избежать незаконного использования права, принадлежащего другому лицу — правообладателю.

Принимая во внимание высокую динамику отношений в сфере охраны интеллектуальной собственности и развитие регулирующих эти отношения законодательства, а также учитывая, что при рассмотрении дела о защите интеллектуальных прав на стороне истца может выступать экономически более сильное, нежели ответчик, лицо, отсутствие у суда правомочия при наличии определенных обстоятельств снижать размер компенсации за однократное неправомерное использование нескольких результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации ниже установленных законом пределов может привести — вопреки конституционным требованиям справедливости и равенства — к явной несоразмерности налагаемой на ответчика имущественной санкции ущербу, причиненному правообладателю, и тем самым — к нарушению баланса их прав и законных интересов, которые защищаются статьями 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации и соблюдение которых гарантируется основанными на этих статьях принципами гражданско-правовой ответственности в сфере предпринимательской деятельности.

Отступление от требований справедливости, равенства и соразмерности при взыскании с индивидуального предпринимателя компенсации в пределах, установленных подпунктом 1 статьи 1301, подпунктом 1 статьи 1311 и подпунктом 1 пункта 4 статьи 1515 ГК Российской Федерации во взаимосвязи с абзацем третьим пункта 3 статьи 1252 данного Кодекса, за нарушение одним действием прав на несколько результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации может иметь место, если размер подлежащей выплате компенсации, исчисленной по установленным данными законоположениями правилам даже с учетом возможности ее снижения, многократно превышает размер причиненных правообладателю убытков (притом что эти убытки поддаются исчислению с разумной степенью достоверности, а их превышение должно быть доказано ответчиком) и если обстоятельства конкретного дела свидетельствуют, в частности, о том, что правонарушение совершено индивидуальным предпринимателем впервые и что использование объектов интеллектуальной собственности, права на которые принадлежат другим лицам, с нарушением этих прав не являлось существенной частью его предпринимательской деятельности и не носило грубый характер (например, если продавцу не было заведомо известно о контрафактном характере реализуемой им продукции). Кроме того, отсутствие у суда, столкнувшегося с необходимостью применения на основании прямого указания закона санкции, являющейся — с учетом обстоятельств конкретного дела — явно несправедливой и несоразмерной допущенному нарушению, возможности снизить ее размер ниже установленного законом предела подрывает доверие граждан как к закону, так и к суду.

В связи с этим федеральному законодателю надлежит — исходя из требований Конституции Российской Федерации и основанных на них право-

вых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, — внести в гражданское законодательство необходимые изменения, вытекающие из настоящего Постановления, с тем чтобы обеспечить возможность снижения размера компенсации за нарушение одним действием прав на несколько результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации ниже установленных в законе пределов в случае, если рассматривающий дело суд — на основании критериев, которые также должны быть определены в законе в соответствии с конституционными принципами справедливости и равенства и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, — придет к выводу о явной несоразмерности компенсации, даже исчисленной в минимально допустимом общими правилами размере, характеру совершенного правонарушения.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 71, 72, 74, 75, 78, 79, 80, 100 и 104 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать положения подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 ГК Российской Федерации, как предусматривающие в качестве специального способа защиты исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности предоставление правообладателю возможности в соответствии с пунктом 3 статьи 1252 данного Кодекса требовать по своему выбору от нарушителя вместо возмещения убытков выплаты соответствующей компенсации в случае нарушения прав на несколько результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации в результате совершения индивидуальным предпринимателем при осуществлении им предпринимательской деятельности одного противоправного действия, не противоречащими Конституции Российской Федерации.

2. Признать положения подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 ГК Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2), 34 (часть 1) и 55 (часть 3), в той мере, в какой в системной связи с пунктом 3 статьи 1252 данного Кодекса и другими его положениями они не позволяют суду при определении размера компенсации, подлежащей выплате правообладателю в случае нарушения индивидуальным предпринимателем при осуществлении им предпринимательской деятельности одним действием прав на несколько объектов интеллектуальной собственности, определить с учетом фактических обстоятельств конкретного дела общий размер компенсации ниже минимального предела, установленного данными законоположениями, если размер подлежащей выплате компенсации, исчисленной по установленным данными законоположениями правилам с учетом возможности ее снижения, многократно превышает размер причиненных правообладателю убытков (притом что эти убытки поддаются исчислению с разумной степенью достоверности, а их превышение должно быть доказано ответчиком) и если при этом обстоятельства конкретного дела свидетельствуют, в частности, о том, что правонарушение совершено индивидуальным предпринимателем впервые и что использование объектов интеллектуальной собственности, права на которые принадлежат другим лицам, с нарушением этих прав не являлось существенной частью его предпринимательской деятельности и не носило грубый характер.

3. Федеральному законодателю надлежит — исходя из требований Конституции Российской Федерации и основанных на них правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, — внести в гражданское законодательство необходимые изменения, вытекающие из настоящего Постановления.

Впредь до внесения в гражданское законодательство надлежащих изменений суды при рассмотрении исковых требований, заявленных в порядке подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 или подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 ГК Российской Федерации, применяют данные законоположения, руководствуясь настоящим Постановлением.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

19 января
2017 года,
город Санкт-
Петербург

№ 1-П

по делу о разрешении вопроса
о возможности исполнения в соответствии
с Конституцией Российской Федерации
постановления Европейского Суда
по правам человека от 31 июля 2014 года
по делу «ОАО «Нефтяная компания
«ЮКОС» против России» в связи
с запросом Министерства юстиции
Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, С. М. Казанцева, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева, с участием представителей Министерства юстиции Российской Федерации как стороны, обратившейся в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом, – Г. О. Матюшкина, П. Ю. Ултургашева и М. А. Мельниковой,

руководствуясь статьей 125 Конституции Российской Федерации, пунктом 3² части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, статьями 36, 74, 104¹–104⁴ Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в открытом заседании дело о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России».

Поводом к рассмотрению дела явился запрос Министерства юстиции Российской Федерации. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России».

Заслушав сообщение судьи-докладчика Л. М. Жарковой, объяснения представителя Министерства юстиции Российской Федерации Г. О. Матюшкина, выступления приглашенных в заседание полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М. В. Кротова, полномочного представителя Совета Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации А. А. Клишаса, полномочного представителя Правительства Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М. Ю. Барщевского, полномочного представителя Генерального прокурора Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации Т. А. Васильевой, оглашенные в заседании письменные замечания приглашенного в заседание адвоката Дж. П. Гарднера (*J.P. Gardner*), представлявшего интересы ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС»» в Европейском Суде по правам человека, а также

выступления представителей: от Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека – И. Г. Шаблинского, от автономной некоммерческой организации «Институт права и публичной политики», подготовившей заключение по делу, – Г. В. Вайпана, от Санкт-Петербургского государственного университета, подготовившего заключение по делу, – Н. А. Шевелевой, исследовав представленные документы и иные материалы, в том числе письменные замечания бывших акционеров ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС»» – компаний «*Hulley Enterprises Limited*» и «*Yukos Universal Limited*», подписанные директором этих компаний Т. Осборном (*T. Osborne*), Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Европейский Суд по правам человека в постановлении от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» (жалоба № 14902/04) (вступило в силу 15 декабря 2014 года), вынесенном по вопросу о справедливой компенсации в дополнение к основному постановлению по данному делу от 20 сентября 2011 года (вступило в силу 8 марта 2012 года), обязал Россию, как признанную нарушившей статью 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, выплатить акционерам компании-заявительницы в возмещение материального ущерба, включая компенсацию понесенных ею инфляционных потерь, 1 866 104 634 (один миллиард восемьсот шестьдесят шесть миллионов сто четыре тысячи шестьсот тридцать четыре) евро, в том числе 1 299 324 198 (один миллиард двести девяносто девять миллионов триста двадцать четыре тысячи сто девяносто восемь) евро – за нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, выразившееся в ретроактивном применении судами в отношении компании-заявительницы статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации о трехлетнем сроке давности привлечения к ответственности за совершение налоговых правонарушений, что повлекло взыскание с нее штрафов за 2000 и 2001 годы и сумм исполнительского сбора по этим штрафам, и 566 780 436 (пятьсот шестьдесят шесть миллионов семьсот восемьдесят тысяч четыреста тридцать шесть) евро – за нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, выразившееся во взыскании в ходе исполнительного производства, возбужденного в отношении компании-заявительницы, сумм исполнительского сбора, составившего семь процентов от общей суммы ее задолженности по уплате налогов, пеней и штрафов, что, с точки зрения Европейского Суда по правам человека, несоразмерно объему расходов, необходимых для обеспечения исполнительного производства (пункты 20–26, 27–35 и 36).

По мнению Министерства юстиции Российской Федерации, постановление Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года в части, обязывающей Россию выплатить присужденную компенсацию материального ущерба, не может быть исполнено, поскольку содержащаяся в нем оценка обоснованности определения срока давности привлечения к налоговой ответственности и размера исполнительского сбора опирается на статью 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод в истолковании, приводящем – в том числе с учетом постановлений Конституционного Суда Российской Федерации от 30 июля 2001 года № 13-П и от 14 июля 2005 года № 9-П – к ее расхождению со статьями 6 (часть 2), 19 (часть 1), 35 (части 1 и 3), 55 (части 2 и 3) и 57 Конституции Российской Федерации, а присуждение сумм компенсации неопределенному кругу лиц (акционерам компании-заявительницы) противоречит статьям 17 (часть 3), 19 (часть 1), 46 (часть 3) и 55 (часть 1) Конституции Российской Федера-

ции, поскольку эти лица в постановлении Европейского Суда по правам человека не конкретизированы, стороной в деле «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» не являлись и жертвами конвенционных нарушений не признавались.

В ходе слушания представитель Министерства юстиции Российской Федерации также указывал на недопустимость выплаты компенсации судебных расходов и издержек, определенных в постановлении Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года, ссылаясь на то, что адвокат, защищавший интересы компании-заявительницы, не является надлежащим представителем в деле «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России». Однако приведенная им аргументация, по существу, не относится к вопросу о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации указанного постановления Европейского Суда по правам человека в этой части, а потому Конституционный Суд Российской Федерации от рассмотрения данного вопроса воздерживается.

Таким образом, исходя из предписаний пункта 3² части первой статьи 3 и статей 104¹–104³ Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», регулирующих право на обращение с запросом о разрешении вопроса о возможности исполнения решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека, определяющих критерии допустимости запроса и пределы проверки такой возможности, предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу является вопрос о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России», вынесенного на основании статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод в ее истолковании Европейским Судом по правам человека.

2. Конституционный Суд Российской Федерации уже обращался к вопросу о возможности исполнения постановлений Европейского Суда по правам человека в рамках российской правовой системы. С учетом сформулированных им в постановлениях от 27 марта 2012 года № 8-П, от 14 июля 2015 года № 21-П и от 19 апреля 2016 года № 12-П правовых позиций Конституционный Суд Российской Федерации применительно к настоящему делу считает необходимым отметить следующее.

В силу статьи 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации Конвенция о защите прав человека и основных свобод как международный договор Российской Федерации является составной частью ее правовой системы, что обязывает государство исполнять основанные на данной Конвенции постановления Европейского Суда по правам человека, вынесенные по жалобам против России, в отношении участвующих в деле лиц. Конституционный Суд Российской Федерации в своей практике придерживается подхода, направленного на неуклонное исполнение постановлений Европейского Суда по правам человека, даже если они основаны на применении методов «эволютивного толкования», «приоритета существа над формой» и др., которые могут повлечь за собой отступление от ранее выработанных им же позиций. О признании Конституционным Судом Российской Федерации того, что Конвенция о защите прав человека и основных свобод является, по выражению Европейского Суда по правам человека, «живым инструментом», призванным учитывать объективные изменения в сфере защиты прав и свобод, свидетельствует поиск вариантов исполнения постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2016 года № 12-П), а также фактический

пересмотр Конституционным Судом Российской Федерации правовых позиций о невозможности предоставления длительных свиданий лицам, осужденным к пожизненному лишению свободы (Постановление от 15 ноября 2016 года № 24-П).

Вместе с тем взаимодействие европейского конвенционного и российского конституционного правопорядков невозможно в условиях субординации, поскольку только диалог между различными правовыми системами служит основой их надлежащего равновесия, и от уважения Европейским Судом по правам человека национальной конституционной идентичности во многом зависит эффективность норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод в российском конституционном правопорядке. Признавая фундаментальное значение европейской системы защиты прав и свобод человека, частью которой являются постановления Европейского Суда по правам человека, Конституционный Суд Российской Федерации готов к поиску правомерного компромисса ради поддержания этой системы, оставляя за собой определение степени своей готовности к нему, поскольку границы компромисса в данном вопросе очерчивает именно Конституция Российской Федерации.

Как следует из статей 4 (части 1 и 2), 15 (части 1 и 4), 16 (часть 2) и 79 Конституции Российской Федерации, закрепляющих суверенитет России, верховенство и высшую юридическую силу Конституции Российской Федерации, приоритет основ российского конституционного строя и устанавливающих запрет на передачу Россией в соответствии с международными договорами своих суверенных полномочий, если это влечет за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина и противоречит основам ее конституционного строя, постановления Европейского Суда по правам человека, основанные на интерпретации Конвенции о защите прав человека и основных свобод, не отменяют для российской правовой системы приоритет Конституции Российской Федерации. В качестве международного договора Российской Федерации Конвенция о защите прав человека и основных свобод обладает в правоприменительном процессе большей юридической силой, чем федеральный закон, но не равной и не большей, чем юридическая сила Конституции Российской Федерации.

Разрешая вопрос о возможности исполнения постановления Европейского Суда по правам человека как межгосударственного субсидиарного органа по защите прав и свобод человека, Конституционный Суд Российской Федерации должен в соответствии с международными обязательствами России находить разумный баланс, с тем чтобы принятое им решение, с одной стороны, отвечало бы букве и духу постановления Европейского Суда по правам человека, а с другой – не вступало бы в противоречие с основами конституционного строя Российской Федерации и установленным Конституцией Российской Федерации правовым регулированием прав и свобод человека и гражданина.

При разрешении конституционно-правовых коллизий, которые могут возникнуть в связи с толкованием Конвенции о защите прав человека и основных свобод как международного договора Российской Федерации, необходимо учитывать Венскую конвенцию о праве международных договоров, участником которой является Россия и которая, также будучи составной частью ее правовой системы, обеспечивает пределы действия международных договоров России в контексте верховенства и высшей юридической силы Конституции Российской Федерации.

Так, статьей 26 Венской конвенции о праве международных договоров закреплен фундаментальный принцип международного права *pacta sunt servanda* (каждый действующий договор обязателен для его участников и

должен ими добросовестно выполняться). Вместе с тем не исключается, что международный договор, который при присоединении к нему государства как по своему буквальному смыслу, так и по смыслу, придаваемому ему в процессе применения межгосударственным органом, уполномоченным на это самим международным договором, соответствовал основному закону (конституции) данного государства, впоследствии посредством одного лишь толкования межгосударственным органом был содержательно конкретизирован, причем таким образом, что его положениям был придан смысл, расходящийся с общеобязательными нормами, относящимися к международному публичному порядку (*jus cogens*), в число которых, безусловно, входят принципы государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела государств.

С учетом пункта 1 статьи 31 и пункта 1 статьи 46 Венской конвенции о праве международных договоров это означает, что если Европейский Суд по правам человека, толкуя в процессе рассмотрения конкретного дела Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, нормам которой присуща высокая степень абстрактности, придал какому-либо используемому в ней понятию другое, нежели его обычное, значение либо осуществил толкование вопреки объекту и целям самой Конвенции о защите прав человека и основных свобод, несовместимое с национальным конституционным правопорядком, то государство, в отношении которого вынесено постановление по данному делу, вправе отказаться от его исполнения, как выходящего за пределы обязательств, добровольно принятых на себя этим государством при ратификации Конвенции.

Соответственно, постановление Европейского Суда по правам человека не может считаться обязательным для исполнения Российской Федерацией, если конкретное положение Конвенции о защите прав человека и основных свобод, на которое опирается это постановление, в результате толкования, осуществленного в нарушение общего правила толкования договоров, по своему смыслу вступает в противоречие с имеющими свои основания в международном публичном порядке и формирующими национальный публичный порядок положениями Конституции Российской Федерации, прежде всего относящимися к правам и свободам человека и гражданина и к основам конституционного строя России.

Обязанностью органов государственной власти Российской Федерации при имплементации международных договоров, базирующейся на верховенстве ее Конституции и предполагающей соотнесение законодательства Российской Федерации с ее обязательствами по международным договорам, являются признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, как они определены Конституцией Российской Федерации, и недопущение нарушений основ конституционного строя. В контексте указанных положений Венской конвенции о праве международных договоров это означает, что в ситуации, когда самим содержанием решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека, в том числе в части обращенных к России как государству-ответчику предписаний, основанных на положениях соответствующего международного договора, интерпретированном в рамках конкретного дела, неправомерно — с конституционно-правовой точки зрения — затрагиваются основополагающие принципы и нормы Конституции Российской Федерации, Россия в порядке исключения вправе отступить от выполнения возлагаемых на нее этим решением обязанностей, если такое отступление является единственно возможным способом избежать нарушения Конституции Российской Федерации.

Исходя из приведенных правовых позиций Конституционный Суд Российской Федерации не может поддержать данное Европейским Судом по

правам человека толкование положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, если именно Конституция Российской Федерации (в том числе в ее истолковании Конституционным Судом Российской Федерации) как правовой акт, обладающий высшей юридической силой в правовой системе России, более полно по сравнению с соответствующими положениями Конвенции в их понимании Европейским Судом по правам человека обеспечивает защиту прав и свобод человека и гражданина, в том числе в балансе с правами и свободами иных лиц (статья 17, часть 3, Конституции Российской Федерации). Подобное отступление может иметь место в исключительных случаях и при наличии достаточно веских причин, а именно при выявлении конвенционно-конституционных коллизий, которые, как правило, касаются не столько основного содержания (существа) тех или иных прав и свобод как таковых, сколько их конкретизации посредством толкования в постановлениях Европейского Суда по правам человека, в том числе если результатом такого толкования является не мотивированное буквальным содержанием Конвенции о защите прав человека и основных свобод отрицание правовых конструкций, сложившихся в российской правовой системе в результате осуществления федеральным законодателем своих прерогатив, правомерность реализации которых подтверждена актами конституционного правосудия.

Таким образом, в силу статей 4 (части 1 и 2), 15 (части 1 и 4), 16 и 79 Конституции Российской Федерации и основанных на них правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации постановление Европейского Суда по правам человека не может быть исполнено Россией в части возлагаемых на нее мер индивидуального и общего характера и в части присужденной компенсации, если толкование Конвенции о защите прав человека и основных свобод, на котором основано такое постановление, нарушает соответствующие положения Конституции Российской Федерации, относящиеся к правам и свободам человека и гражданина, а также к основам конституционного строя России.

3. Конституция Российской Федерации, закрепляя гарантии защиты права собственности и свободы предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (статьи 8, 34 и 35), вместе с тем возлагает на каждого обязанность платить законно установленные налоги и сборы и не допускает придание обратной силы законам, устанавливающим новые налоги или ухудшающим положение налогоплательщиков (статья 57).

Конкретизируя предписания статьи 57 Конституции Российской Федерации, федеральный законодатель на основании ее статей 71 (пункты «в», «ж», «з», «о»), 72 (пункты «б», «и» части 1), 75 (часть 3) и 76 (части 1 и 2) определяет общие принципы налогообложения и систему налогов, взимаемых в бюджет, а в целях обеспечения исполнения налогоплательщиками конституционной обязанности платить законно установленные налоги и сборы предусматривает также меры ответственности за совершение налоговых правонарушений, в том числе связанные с необходимостью возмещения ущерба, понесенного казной.

Приведенные положения Конституции Российской Федерации корреспондируют статье 1 «Защита собственности» Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно которой каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности; никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права; предыдущие положения не умаляют право государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собствен-

ности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов либо других сборов или штрафов.

Как следует из правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированных в постановлениях от 17 декабря 1996 года № 20-П, от 23 декабря 1997 года № 21-П и от 16 июля 2004 года № 14-П, налоги, будучи необходимой экономической основой существования и деятельности Российской Федерации как правового, демократического и социального государства, условием реализации им соответствующих публичных функций, имеют, таким образом, публичное предназначение, а обязанность их уплаты распространяется на всех налогоплательщиков в качестве непосредственного требования Конституции Российской Федерации; за счет налогов, являющихся важнейшим источником доходов бюджета, обеспечивается осуществление социальной политики государства, которое обязано при регулировании налоговых отношений исходить из необходимости защиты прав и законных интересов всех членов общества на основе принципов справедливости, юридического равенства и равноправия.

Соответственно, по смыслу статей 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2) и 55 (части 2 и 3) Конституции Российской Федерации, меры ответственности за совершение налоговых правонарушений — как возможное ограничение того или иного права, вводимое федеральным законом в конституционно значимых целях, — должны отвечать указанным принципам, а также вытекающим из них критериям необходимости и соразмерности, не затрагивая само существо, основное содержание этого права.

4. Рассматривая дело «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России», Европейский Суд по правам человека пришел к выводу, что взыскание с компании-заявительницы штрафов за 2000 и 2001 годы и сумм исполнительского сбора по этим штрафам было незаконным и нарушающим статью 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, поскольку в отношении нее имело место ретроактивное применение статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации в истолковании, данном в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2005 года № 9-П (пункты 563–575 постановления от 20 сентября 2011 года, пункты 20–26 постановления от 31 июля 2014 года).

4.1. Постановлением от 14 июля 2005 года № 9-П, принятым в том числе в связи с запросом Федерального арбитражного суда Московского округа, в производстве которого находилось дело о взыскании с ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС»» штрафа за умышленную неуплату ряда налогов, Конституционный Суд Российской Федерации признал положения статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации о трехлетнем сроке давности привлечения к ответственности за совершение налогового правонарушения не противоречащими Конституции Российской Федерации.

Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что эти положения по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования не могут служить основанием для прерывания течения срока давности привлечения к ответственности за совершение налоговых правонарушений и означают, что течение данного срока прекращается с момента оформления акта налоговой проверки, в котором указаны документально подтвержденные факты налоговых правонарушений, выявленные в ходе проверки, и содержатся ссылки на статьи Налогового кодекса Российской Федерации, предусматривающие ответственность за эти правонарушения, а в случае отсутствия необходимости в составлении такого акта — с момента вынесения соответствующего решения руководителя (заместителя руководителя) налогового органа о привлечении налогоплательщика к налоговой ответственности; в случае воспрепятствования

налогоплательщиком осуществлению налогового контроля и проведению налоговой проверки суд вправе признать уважительными причины пропуска налоговым органом срока давности привлечения к налоговой ответственности и взыскать с налогоплательщика налоговые санкции за правонарушения, совершенные в период, на который распространялась налоговая проверка.

Принимая такое решение, Конституционный Суд Российской Федерации опирался на следующие правовые позиции:

выраженные в статьях 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации принципы юридического равенства и справедливости и вытекающий из них принцип соразмерности (пропорциональности, пропорционального равенства), обуславливая обеспечение одинакового объема юридических гарантий всем налогоплательщикам, применительно к действию нормы о сроках давности привлечения к ответственности за совершение налоговых правонарушений по кругу лиц предполагают необходимость дифференцированного подхода к тем налогоплательщикам, которые, противодействуя налоговому контролю и налоговой проверке, использовали бы положение о сроках давности вопреки его предназначению, в ущерб правам других налогоплательщиков и правомерным публичным интересам;

если в случае противодействия налогоплательщика осуществлению налогового контроля и проведению налоговой проверки налоговые санкции не могли бы быть наложены по одной лишь причине истечения трехлетнего срока давности, предусмотренного статьей 113 Налогового кодекса Российской Федерации, притом что не допускается его прерывание или приостановление, то возникала бы – вопреки предназначению этой нормы – возможность злоупотребления правом не быть привлеченным к налоговой ответственности за пределами этого срока;

налогоплательщик, который не представил необходимые документы своевременно и противодействовал проведению налоговой проверки и к которому при этом норма о сроке давности привлечения к налоговой ответственности была бы применена лишь по ее буквальному смыслу, получил бы неправомерное преимущество перед тем налогоплательщиком, который совершил такие же деяния, однако не препятствовал проведению налоговой проверки и был с соблюдением срока давности привлечен к налоговой ответственности; в результате при привлечении к юридической ответственности были бы – в противоречии со статьей 57 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 6 (часть 2), 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) – нарушены принципы равенства и справедливости, соразмерности и неотвратимости ответственности и в конечном счете относящиеся к основам конституционного строя России верховенство и высшая юридическая сила Конституции Российской Федерации.

Признав статью 113 Налогового кодекса Российской Федерации не противоречащей Конституции Российской Федерации в данном им истолковании и сохранив ее, таким образом, в действующем правовом регулировании, Конституционный Суд Российской Федерации фактически внес основанную непосредственно на положениях Конституции Российской Федерации ясность относительно определения момента окончания срока давности привлечения к ответственности за совершение налоговых правонарушений. Тем самым Конституционный Суд Российской Федерации подтвердил необходимость только такого применения данной статьи, которое, как адекватное существу налогового правонарушения, отвечает требованиям Конституции Российской Федерации и исключает возможность любой иной, неконститу-

ционной, интерпретации ее положений, влекущей нарушение баланса публичных и частных интересов и, соответственно, принципов равенства и справедливости при назначении мер юридической ответственности за налоговые правонарушения.

4.2. Выявляя конституционно-правовой смысл статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации, как следует из правовых позиций, сформулированных им в Постановлении от 14 июля 2005 года № 9-П, конкретизировал предписания статьи 57 Конституции Российской Федерации по их смыслу в системной связи с другими базовыми конституционными нормами о правах и свободах, имеющими прямое действие. Исходя из этого ссылки налогоплательщиков на то, что они не могли предвидеть, какое именно истолкование данной статьи предпримет Конституционный Суд Российской Федерации, по существу, означали бы отстаивание неконституционной трактовки ее положений, основанной на сугубо формальном понимании нормы о сроке давности привлечения к ответственности за совершение налоговых правонарушений, вопреки ее действительному конституционно-правовому смыслу.

Подобного рода ссылки фактически используются для обоснования допустимости недобросовестного поведения налогоплательщика, имевшего целью сокрытие недоимки как в ходе проведения мероприятий налогового контроля, так и в проверяемый период налогообложения в целом. Между тем данное Конституционным Судом Российской Федерации истолкование статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации не могло привести (что признается и самим Европейским Судом по правам человека в постановлении от 20 сентября 2011 года) к непредсказуемости толкования материально-правовых условий налогообложения применительно к прошедшему времени (например, не расширился перечень операций, подлежащих налогообложению), оно не изменило суть налогового правонарушения и не расширило круг деяний, которые могли повлечь преследование за уклонение от уплаты налогов и применение штрафов.

По существу, не отменяя правила о сроках применения санкций в связи с уклонением от уплаты налогов, Конституционный Суд Российской Федерации только выявил единственно возможный с точки зрения Конституции Российской Федерации смысл этих правил с целью обеспечения их разумного и справедливого применения к налогоплательщикам, которые действовали ненадлежащим образом. Соответственно, нет оснований для утверждения о наличии коллизии с конституционным запретом на действие с обратной силой закона, устанавливающего новые налоги или ухудшающего положение налогоплательщиков. По смыслу статьи 57 Конституции Российской Федерации, этот запрет распространяется на законы, которые изменяют имущественное положение налогоплательщика и непосредственно влияют на порядок исполнения им налоговой обязанности. Порядок же действия во времени законов, устанавливающих ответственность за налоговые правонарушения и регламентирующих производство по делам о таких нарушениях, данной конституционной нормой не охватывается — они подчиняются универсальным для публичной юридической ответственности предписаниям статьи 54 Конституции Российской Федерации, согласно которой закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет (часть 1); никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением; если после совершения правонарушения ответственность за него устранена или смягчена, применяется новый закон (часть 2). Эти предписания также имеют ограниченное предметное действие.

Само же по себе уточнение (посредством толкования в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2005 года № 9-П) смысла статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации – применительно к конкретным делам недобросовестных налогоплательщиков – не может рассматриваться и как новая норма, вводящая санкцию за воспрепятствование проведению налоговой проверки. Так, в случае составления в пределах срока давности привлечения к налоговой ответственности акта проверки, которым установлен факт нарушения налогового законодательства и сформирована воля государства на дальнейшее взыскание налоговых санкций, налогоплательщик может предвидеть, что государство примет меры по взысканию с него налоговых санкций, поскольку наличие предпосылок для этого было определено и зафиксировано явным образом и в срок, в течение которого налогоплательщик объективно мог ожидать применения к нему государственного принуждения в связи с неисполнением налоговой обязанности.

Что касается ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС»», то выявление Конституционным Судом Российской Федерации конституционно-правового смысла статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации не повлекло пересмотра вынесенных в отношении компании окончательных вступивших в законную силу судебных актов и, соответственно, не затронуло данный аспект гарантий правовой определенности.

4.3. При рассмотрении вопроса о применении судами в деле ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС»» статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации в истолковании, данном Конституционным Судом Российской Федерации, следует учитывать и конкретно-исторический контекст развития регулирования налоговых отношений.

В условиях политической и экономической нестабильности 90-х годов прошедшего века нестабильными были и налоговое законодательство и правоприменительная практика. Государство вынуждено было многократно повышать меры ответственности за совершение налоговых правонарушений и усиливать контроль за налогоплательщиками с помощью новой специальной силовой структуры – налоговой полиции и в то же время изыскивать способы, стимулирующие налогоплательщиков к исполнению обязанности по уплате налогов в рамках налоговой амнистии и легализации своего имущества и доходов (Указ Президента Российской Федерации от 27 октября 1993 года № 1773 «О проведении налоговой амнистии в 1993 году»).

Только в начале 2000-х годов Россия смогла приступить к полномасштабной налоговой реформе, которая ознаменовалась принятием Налогового кодекса Российской Федерации и задачами которой стали, с одной стороны, уменьшение налоговой нагрузки на добросовестных налогоплательщиков и снижение издержек, связанных с исполнением налогового законодательства, а с другой – обеспечение более высокого уровня прозрачности налоговых операций для государства, повышение эффективности налогового администрирования и сужение возможностей для уклонения от налогообложения. В конечном итоге речь шла о приближении российской налоговой системы к лучшим международным образцам. Поэтому особо важным в этот период было создание правовых механизмов взимания налогов и контроля за их уплатой, которые позволили бы добиться исполнения налоговой обязанности равным образом всеми категориями налогоплательщиков, включая крупнейших налогоплательщиков, играющих системообразующую роль в наполнении бюджетов.

Специфика налогового регулирования, многообразие способов ведения предпринимательской деятельности, постоянное появление новых вариантов уклонения от уплаты налогов серьезно затрудняют создание законода-

тельных правил, способных эффективно противостоять всем возможным случаям их нарушения. Как показывает опыт государств, имеющих многолетнюю практику противодействия уклонению от уплаты налогов, одними только законодательными средствами решить данную проблему не всегда возможно, что обуславливает особую роль судебных доктрин. В российской судебной системе толкование закона высшими судебными органами также призвано оказывать существенное воздействие на формирование судебной практики, в том числе по налоговым спорам.

4.4. Выявленный Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 14 июля 2005 года № 9-П конституционно-правовой смысл статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации, предполагающий в случае пропуска срока давности привлечения к ответственности за совершение налоговых правонарушений необходимость учета судом последствий неправомερных действий налогоплательщика при проведении мероприятий налогового контроля, основывается на ранее неоднократно подтвержденном Конституционным Судом Российской Федерации истолковании статьи 57 Конституции Российской Федерации, как предполагающей такую необходимость.

В Постановлении от 12 октября 1998 года № 24-П и Определении от 25 июля 2001 года № 138-О, принятом по ходатайству Министерства Российской Федерации по налогам и сборам о разъяснении данного Постановления, Конституционный Суд Российской Федерации опирался на принцип добросовестности налогоплательщиков как один из важнейших элементов конституционно-правового режима регулирования налоговых отношений и публичного правопорядка в целом. Применительно к вопросу о том, может ли считаться уплаченным списанный банком налог, реально не перечисленный в бюджет, — при отсутствии соответствующих денежных средств на корреспондентском счете банка, если они были формально зачислены банком на счета налогоплательщика, а также при отсутствии денежных средств на расчетном счете налогоплательщика — Конституционный Суд Российской Федерации пояснил, что в таком случае налоговые органы обязаны доказывать обнаруживающуюся недобросовестность налогоплательщиков и банков в порядке, установленном Налоговым кодексом Российской Федерации; из признания банков и налогоплательщиков недобросовестными вытекает, что на них не распространяется правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации, в соответствии с которой конституционная обязанность каждого налогоплательщика считается исполненной в момент списания банком с расчетного счета налогоплательщика средств в уплату налога, поскольку, по существу, они от исполнения данной обязанности уклонились; государство в лице своих налоговых и других органов должно осуществлять контроль за порядком исполнения банками публично-правовой функции по перечислению налоговых платежей в бюджет; в связи с этим в случае непоступления в бюджет соответствующих денежных средств для установления недобросовестности налогоплательщиков налоговые органы вправе — в целях обеспечения баланса государственных и частных интересов — осуществлять необходимую проверку и предъявлять в арбитражных судах требования, обеспечивающие поступление налогов в бюджет, включая иски о признании сделок недействительными и о взыскании в доход государства всего полученного по таким сделкам.

Приведенная правовая позиция, как отмечено в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 10 января 2002 года № 4-О, носит общий характер и касается всех норм, определяющих момент исполнения юридическим лицом налогового обязательства. С учетом этого вывода Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 8 апре-

ля 2004 года № 168-О указал, что введение такого условия принятия налогоплательщиком к вычету сумм налога на добавленную стоимость при расчете подлежащей уплате в бюджет итоговой суммы налога, как обязательность оплаты использованных им в расчетах с поставщиками векселей денежными средствами, направлено на создание прямой зависимости реализации налогоплательщиком права на вычет сумм налога на добавленную стоимость от выполнения им обязанности произвести фактические, имеющие реальный характер затраты на оплату вычитаемых сумм налога; отсутствие у налогоплательщика обязанности обеспечить – в целях принятия к вычету начисленных сумм налога – реальными встречными платежами векселя, которые передаются в счет оплаты приобретенных у поставщиков товаров (работ, услуг), означало бы отсутствие оснований для самого вычета начисленных сумм налога и, кроме того, позволяло бы недобросовестным налогоплательщикам с помощью инструментов, используемых в гражданско-правовых отношениях, создавать схемы незаконного обогащения за счет бюджетных средств, что приводило бы к нарушению публичных интересов в сфере налогообложения и к нарушению конституционных прав и свобод других налогоплательщиков.

Таким образом, уже с начала 2000-х годов налогоплательщики – профессиональные участники предпринимательской деятельности могли и должны были осознавать возможность такого подхода к пониманию статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации, который нашел отражение в ее конституционно-правовом истолковании, данном Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 14 июля 2005 года № 9-П и предполагающем учет судом неправомерного поведения налогоплательщика при определении последствий пропуска налоговым органом срока давности привлечения к ответственности за совершение налогового правонарушения.

4.5. Европейский Суд по правам человека постановлением от 31 июля 2014 года признал нарушение Россией имущественных прав ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС»», выразившееся в причинении компании-заявительнице материального ущерба. Между тем принципиальное значение имеет обстоятельство, что материальные потери явились следствием незаконных действий самой компании, государство же было вынуждено применять меры ответственности, в том числе административной, с тем чтобы компенсировать причиненный ему имущественный вред.

ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС»», как следует из вынесенных в отношении него судебных актов, используя изощренные незаконные схемы, проявило себя в качестве злостного неплательщика налогов и прекратило свое существование, оставив серьезную непогашенную задолженность. Деятельность компании, с учетом занимаемого ею места в экономике страны – даже если оставить вне правового анализа вопрос о справедливости способов формирования активов компании в стратегически важной и одной из наиболее доходных отраслей российской экономики, благодаря которым она вошла в число крупнейших хозяйствующих субъектов (и, соответственно, крупнейших потенциальных налогоплательщиков) в России, – имела праворазрушающий эффект, препятствуя стабилизации конституционно-правового режима и публичного правопорядка. Не отрицал наличия в деятельности компании масштабных схем уклонения от уплаты налогов и Европейский Суд по правам человека, принимая постановление от 20 сентября 2011 года.

В этом контексте сама по себе выплата присужденной Европейским Судом по правам человека бывшим акционерам компании, выстроившей незаконные схемы уклонения от налогообложения, их наследникам и право-

преемникам столь значительной денежной компенсации из той бюджетной системы, которая регулярно не получала от нее в должном объеме огромные суммы налоговых платежей, необходимые в том числе для выполнения публичных обязательств перед всеми гражданами, преодоления финансового и экономического кризиса, противоречит конституционным принципам равенства и справедливости в налоговых правоотношениях (статья 17, часть 3; статья 19, части 1 и 2; статья 55, части 2 и 3; статья 57 Конституции Российской Федерации).

Именно существо деятельности ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС»» как юридического лица (а не только установленные в порядке уголовного преследования факты мошеннического поведения членов руководящих органов компании и некоторых ее акционеров и наличие на момент ликвидации неисполненных обязательств, в том числе перед бюджетом, на сумму, значительно превышающую размер присужденной компенсации, которые также привносят кумулятивный эффект в оценку возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года) обуславливает несоответствие присуждения компенсации конституционным принципам равенства и справедливости и, следовательно, невозможность ее выплаты с точки зрения Конституции Российской Федерации.

Нарушение этих принципов очевидным образом выражается и в том, что Европейский Суд по правам человека постановил выплатить компенсацию бывшим акционерам ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС»», их правопреемникам и наследникам. Между тем мажоритарные акционеры, которые, если следовать логике Европейского Суда по правам человека, имеют право на большую часть присужденной компенсации, являются именно теми лицами, которые участвовали в незаконной деятельности компании. Но даже если акционеры и не принимали непосредственного участия в выстраивании незаконных схем, приведших к негативным для компании последствиям и в итоге к прекращению ее деятельности, они получали дивиденды, сформированные в том числе за счет средств, подлежащих, при честной уплате налогов, перечислению в бюджет. Понесенные акционерами потери (если признавать таковые с точки зрения общих результатов деятельности компании, игнорируя при этом факт долга перед публичными и частными кредиторами на момент ее ликвидации) являются, таким образом, следствием неосуществления ими корпоративных прав разумно и добросовестно, в собственных интересах и интересах юридического лица, притом что применительно к участию в акционерном капитале — исходя из правовой природы такого рода хозяйственных обществ как элемента публичного правопорядка, имеющего конституционную основу в принципах неприкосновенности собственности и свободы договора (статья 8, 34 и 35 Конституции Российской Федерации), — к обычному деловому (предпринимательскому) риску присоединяются также риски неразумного и недобросовестного поведения лиц, осуществляющих функции органов управления юридического лица, действующих от его имени и формирующих его волю.

Неприменение же статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации в ее конституционно-правовом смысле, выявленном Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 14 июля 2005 года № 9-П, в деле ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС»» на этапе ее привлечения к ответственности за налоговые правонарушения — особенно в конкретной ситуации беспрецедентного по своим масштабам уклонения от налогообложения в условиях острой потребности государства в бюджетных средствах для выхода из экономического кризиса и осуществления крайне необходимых мер социальной защиты и поддержки значительной части граж-

дан — означало бы, по сути, не только приостановление действия статьи 57 Конституции Российской Федерации, но и нарушение принципов равенства и справедливости, вытекающих из ее статей 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2) и 55 (части 2 и 3).

В конкретно-исторических условиях, требовавших от государства оптимизации налогового законодательства и правоприменительной практики в целях сужения возможностей для уклонения от налогообложения, ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС»» (имевшее в своем распоряжении высокопрофессиональных юристов) не могло рассчитывать на применение отраслевой нормы о сроке давности привлечения к ответственности за совершение налоговых правонарушений в понимании, удобном для реализации противоправных целей, но расходящемся с ее конституционно-правовым смыслом. Тем более что данное Конституционным Судом Российской Федерации конституционно-правовое истолкование этой нормы (предполагающее прекращение течения трехлетнего срока давности с момента оформления акта налоговой проверки и возможность признания судом уважительными причин пропуска налоговыми органами срока давности в случае воспрепятствования налогоплательщиком осуществлению налогового контроля) корреспондировало аутентичной воле федерального законодателя обеспечить неукоснительное исполнение налоговой обязанности в контексте оформившегося конституционно-правового режима налогообложения. Конституционно-правовой смысл статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации — в части, предопределяющей в соответствующих случаях необходимость ретроактивного применения штрафов и уплаты исполнительского сбора по этим штрафам (в деле ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС»» — за 2000 и 2001 годы), — как основанный непосредственно на положениях Конституции Российской Федерации, не допускает для правоприменителей, в том числе судов, иного подхода.

Следовательно, наступление для ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС»» неблагоприятных последствий конституционно-правового истолкования статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации — с учетом принципа добросовестности налогоплательщика — не может рассматриваться как непрогнозируемое и произвольное. Соответственно, отказ России от взыскания с компании налоговых санкций за налоговые правонарушения, совершенные до вступления в силу Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2005 года № 9-П, на чем настаивает Европейский Суд по правам человека в постановлении от 20 сентября 2011 года, противоречил бы Конституции Российской Федерации, статья 57 которой во взаимосвязи с ее статьями 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2) и 55 (части 2 и 3) возлагает на государство обязанность обеспечить уплату налогов каждым налогоплательщиком на основе принципов равенства и справедливости.

Таким образом, исполнение в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России», принятого на основании статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод в ее истолковании Европейским Судом по правам человека, — в части, обязывающей Россию выплатить бывшим акционерам компании-заявительницы в качестве компенсации за взыскание с нее штрафов за 2000 и 2001 годы и уплату сумм исполнительского сбора по этим штрафам 1 299 324 198 (один миллиард двести девяносто девять миллионов триста двадцать четыре тысячи сто девяносто восемь) евро, — невозможно.

5. В постановлении от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» Европейский Суд по правам человека кон-

статировал также нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод в части исполнительного производства, осуществлявшегося в отношении компании-заявительницы. Ссылаясь на свои выводы, содержащиеся в основном постановлении по данному делу от 20 сентября 2011 года, Европейский Суд по правам человека отметил: национальные власти не достигли справедливого равновесия между законной целью исполнительного производства и примененными средствами, не проявив гибкость относительно его сроков, обязав компанию-заявительницу уплачивать чрезмерные сборы и не учтя надлежащим образом все необходимые факторы (пункт 27); даже если нельзя утверждать, что сами по себе указанные недостатки повлекли ликвидацию компании-заявительницы, они тем не менее серьезно этому способствовали, прямо обусловив причинение материального ущерба, удовлетворяющего критерию причинной связи для целей справедливой компенсации в соответствии со статьей 41 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (пункт 29); исполнительский сбор в размере семи процентов от общей суммы налоговых обязательств компании-заявительницы по своей природе не был связан с фактическими расходами на исполнение, понесенными судебными приставами-исполнителями, а потому полученная сумма была совершенно непропорциональной сумме расходов на исполнение, несения которых можно было ожидать или которые были действительно понесены судебными приставами-исполнителями; из-за негибкого применения данный сбор вместо того, чтобы стимулировать к добровольному исполнению, оказал весьма серьезное влияние на ликвидацию компании-заявительницы (пункты 30 и 31).

Полагая, что приемлемым был бы исполнительский сбор в размере четырех процентов от общей суммы налоговых обязательств, Европейский Суд по правам человека оценил материальный ущерб, вызванный нарушением в отношении компании-заявительницы статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в 566 780 436 (пятьсот шестьдесят шесть миллионов семьсот восемьдесят тысяч четыреста тридцать шесть) евро (с учетом уровня инфляции).

5.1. Разрешая в Постановлении от 30 июля 2001 года № 13-П вопрос о конституционности установленного пунктом 1 статьи 81 Федерального закона от 21 июля 1997 года № 119-ФЗ «Об исполнительном производстве» и примененного в деле ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС»» предписания об исполнительском сборе в размере семи процентов от взыскиваемой суммы или стоимости имущества должника, Конституционный Суд Российской Федерации сформулировал следующие правовые позиции:

по буквальному смыслу данной нормы, названная денежная сумма определяется именно как исполнительский сбор. Между тем в перечне налогов и сборов, которые устанавливаются, изменяются или отменяются Налоговым кодексом Российской Федерации или в соответствии с ним, такой сбор не указан, а потому не относится к налогам и сборам в смысле статьи 57 Конституции Российской Федерации, не является он также государственной пошлиной. Вместе с тем исполнительский сбор отнесен к административным платежам и сборам;

по смыслу статьи 81 Федерального закона «Об исполнительном производстве» в системной связи с другими его статьями, предусмотренная в данной норме сумма сбора, исчисляемая в размере семи процентов от взыскиваемых по исполнительному документу денежных средств, относится, по сути, к мерам административного принуждения в связи с несоблюдением законных требований государства. Причем указанная мера является не правовосстановительной санкцией, которая обеспечивает исполнение должником его обязанности возместить расходы по совершению исполнительных

действий в порядке принудительного исполнения судебных и иных актов (как это имеет место при взыскании с должника расходов по совершению именно исполнительных действий), а представляет собой санкцию штрафного характера, т. е. возложение на должника обязанности произвести определенную дополнительную выплату в качестве меры его публично-правовой ответственности, возникающей в связи с совершенным им в процессе исполнительного производства правонарушением;

исполнительскому сбору как штрафной санкции присущи признаки административной штрафной санкции: он имеет фиксированное, установленное законом денежное выражение, взыскивается принудительно, оформляется постановлением уполномоченного должностного лица, взимается в случае совершения правонарушения, а также зачисляется в бюджет и во внебюджетный фонд, средства которых находятся в государственной собственности.

Конституционный Суд Российской Федерации также отметил, что к моменту принятия Федерального закона «Об исполнительном производстве» эффективность исполнительного производства в Российской Федерации снизилась; неисполнение и несвоевременное исполнение решений судов и иных уполномоченных органов создавало угрозу гарантиям государственной защиты конституционных прав и свобод, законности и правопорядка в целом; при таких обстоятельствах федеральный законодатель — по смыслу статей 55 (часть 3) и 57 Конституции Российской Федерации — был правомочен установить специальную норму, на основании которой на должника в случае виновного неисполнения им исполнительного документа имущественного характера в срок, предусмотренный для его добровольного исполнения, налагается взыскание в виде штрафных санкций; определение конкретных размеров штрафных санкций за нарушение правил принудительного исполнения судебных и иных актов является прерогативой федерального законодателя, однако они — поскольку штрафное взыскание связано с ограничением конституционного права собственности — во всяком случае должны отвечать критерию соразмерности (пропорциональности), вытекающему из статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

Исходя из этого Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что пункт 1 статьи 81 Федерального закона «Об исполнительном производстве» содержит, по сути, специальную норму об административной ответственности за нарушение законодательства об исполнительном производстве; данная статья — по ее смыслу во взаимосвязи со статьями 85 и 87 названного Федерального закона — должна применяться с соблюдением вытекающих из Конституции Российской Федерации принципов справедливости наказания, его индивидуализации и дифференцированности; следовательно, установленный в данной статье размер санкции (семь процентов от взыскиваемой суммы) представляет собой лишь допустимый ее максимум, верхнюю границу, и с учетом характера совершенного правонарушения, размера причиненного вреда, степени вины правонарушителя, его имущественного положения и иных существенных обстоятельств может быть снижен правоприменителем; в противном случае несоизмеримо большой штраф может превратиться из меры воздействия в инструмент подавления экономической самостоятельности и инициативы, чрезмерного ограничения свободы предпринимательства и права собственности, что в силу статей 34 (часть 1), 35 (части 1–3) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации недопустимо.

Таким образом, согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в Постановлении от 30 июля 2001 года № 13-П, исполнительский сбор является административной санкцией, к

которой в полной мере применимы требования соразмерности (пропорциональности) и справедливости. При этом данная санкция, как основанная на статье 57 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2) и 55 (части 2 и 3), по ее смыслу в российской правовой системе преследует штрафные цели, и, соответственно, ее размер, не увязываясь с расходами на принудительное исполнение, должен определяться исходя из обстоятельств конкретного дела, степени вины должника и иных имеющих значение для привлечения к налоговой ответственности обстоятельств.

В связи с принятием Федерального закона от 2 октября 2007 года № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» законоположения, бывшие предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации в Постановлении от 30 июля 2001 года № 13-П, утратили силу, однако с содержащимися в нем выводами, как отмечается в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 2 апреля 2015 года № 654-О, согласуются и ныне действующие положения статьи 112 названного Федерального закона, предусматривающие, в частности, что должник вправе в установленном порядке обратиться в суд с заявлением об оспаривании постановления судебного пристава-исполнителя о взыскании исполнительского сбора, с иском об отсрочке или о рассрочке его взыскания, об уменьшении его размера или освобождении от взыскания исполнительского сбора (часть 6), а суд вправе с учетом степени вины должника в неисполнении в срок исполнительного документа, имущественного положения должника, иных существенных обстоятельств отсрочить или рассрочить взыскание исполнительского сбора, а также уменьшить его размер, но не более чем на одну четверть от размера, установленного в соответствии с частью 3 данной статьи; при отсутствии установленных Гражданским кодексом Российской Федерации оснований ответственности за нарушение обязательства суд вправе освободить должника от взыскания исполнительского сбора (часть 7).

5.2. Пункт 1 статьи 81 Федерального закона от 21 июля 1997 года № 119-ФЗ «Об исполнительном производстве» был применен в деле ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС»» в истолковании, данном Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 30 июля 2001 года № 13-П. Следовательно, суды, если бы усмотрели для этого основания с учетом обстоятельств дела, могли определить сумму исполнительского сбора в размере менее семи процентов от общей суммы налоговых обязательств (притом что в отличие от ныне действующего регулирования предел снижения размера исполнительского сбора прежде не был обозначен), поскольку имели для этого надлежащую нормативную основу, позволявшую исходя из установленных фактических обстоятельств и оценки представленных им доказательств принять решение, отвечающее конституционным критериям справедливости и соразмерности.

Назначение суммы исполнительского сбора в максимально допустимом размере, равно как и ход исполнительного производства по делу о взыскании с ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС»» неуплаченных налогов, пеней и штрафов в целом могли быть обусловлены в том числе выявленными системными, масштабными и длительными правонарушениями со стороны компании, сопряженными с регулярным использованием схем, которые позволяли ей соответствующим образом перераспределять денежные средства и имущество, и с активным воспрепятствованием налоговым проверкам, что порождало риск утраты имущественной базы исполнения судебных актов. Уклонение ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС»» от уплаты налогов в таком беспрецедентном масштабе непосредственно угрожало принципам правового, демократического и социального государства, что

обязывало правоприменителя принимать в рамках исполнительного производства как можно более эффективные меры, с тем чтобы противодействовать недобросовестному поведению налогоплательщиков.

Соответственно, вывод о невозможности — в силу конституционных принципов равенства и справедливости — исполнения постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» в части выплаты компании-заявительнице компенсации за взыскание с нее штрафов за 2000 и 2001 годы и уплату сумм исполнительского сбора по этим штрафам распространяется и на выплату компенсации за взыскание с компании-заявительницы несоразмерной (непропорциональной), как посчитал Европейский Суд по правам человека, суммы исполнительского сбора.

6. Гарантируя государственную, в том числе судебную, защиту прав и свобод человека и гражданина, Конституция Российской Федерации одновременно закрепляет право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (статьи 45 и 46). Реализуя право на судебную защиту в налоговых спорах, заинтересованное лицо самостоятельно выражает свою волю на возбуждение судебного рассмотрения дела путем обращения с соответствующим заявлением либо на отказ от такого рассмотрения.

Согласно статье 46 (часть 3) Конституции Российской Федерации каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты. Данная конституционная норма корреспондирует статье 35 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно которой Европейский Суд по правам человека может принимать дело к рассмотрению только после того, как были исчерпаны все внутренние средства правовой защиты.

Поскольку ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» отказалось от требований по снижению суммы исполнительского сбора (определение Арбитражного суда города Москвы от 3 февраля 2005 года), Министерство юстиции Российской Федерации полагает, что условие, дающее право на обращение в соответствии с Конституцией Российской Федерации и Конвенцией о защите прав человека и основных свобод в Европейский Суд по правам человека, компанией соблюдено не было, а значит, Европейский Суд по правам человека не должен был рассматривать вопрос о соразмерности примененного в отношении нее исполнительского сбора. Кроме того, по мнению Министерства юстиции Российской Федерации, поскольку акционеры компании-заявительницы как получатели присужденной компенсации в постановлении Европейского Суда по правам человека не конкретизированы, не являлись стороной в деле «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» и не признавались жертвами конвенционных нарушений, а лицо, представлявшее компанию-заявительницу в Европейском Суде по правам человека, не обладало надлежащими полномочиями, выплата сумм компенсации материального ущерба неопределенному кругу лиц (бывшим акционерам компании-заявительницы) привела бы к прямому нарушению конституционных принципов равенства и справедливости, а также права на обращение в межгосударственный орган по защите прав и свобод человека, как оно определено в Конституции Российской Федерации (статья 46, часть 3) и Конвенции о защите прав человека и основных свобод (статьи 34 и 35).

Однако Конституционный Суд Российской Федерации полагает возможным воздержаться от рассмотрения этих и других процессуальных аспектов дела «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России», на которые об-

ращало внимание Министерство юстиции Российской Федерации, – иное означало бы оценку постановления Европейского Суда по правам человека с точки зрения обоснованности примененных при его принятии процедурных правил и вынесенных на их основе процессуальных решений.

Что касается имеющейся, по мнению Министерства юстиции Российской Федерации, неопределенности относительно порядка и пропорций выплаты, круга получателей присужденной постановлением Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года компенсации, равно как и ее юридической природы, то – поскольку данная выплата в соответствии с Конституцией Российской Федерации невозможна в принципе – разрешения этих вопросов Конституционным Судом Российской Федерации в производстве по настоящему делу не требуется.

7. Конституционный Суд Российской Федерации – исходя из фундаментального значения европейской системы защиты прав и свобод человека, частью которой являются постановления Европейского Суда по правам человека, – считает необходимым поиск правомерного компромисса ради поддержания этой системы (Постановление от 14 июля 2015 года № 21-П).

Не признавая соответствующей Конституции Российской Федерации императивную обязанность исполнения постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года, Конституционный Суд Российской Федерации тем не менее не исключает возможности проявления Россией доброй воли в определении пределов такого компромисса и механизмов его достижения в отношении акционеров ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС»», пострадавших от неправомерных действий компании и ее менеджмента.

В связи с этим Правительство Российской Федерации правомочно инициировать рассмотрение вопроса о выплате соответствующих сумм в предусмотренной российским и зарубежным законодательством процедуре распределения вновь выявленного имущества ликвидированного юридического лица, что может быть осуществлено только после расчетов с кредиторами и принятия мер по выявлению иного имущества (например, сокрытого на зарубежных счетах). Однако такая выплата – исходя из выраженных в настоящем Постановлении правовых позиций – в любом случае не должна затрагивать доходы и расходы бюджета, а также имущество Российской Федерации.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 104⁴ Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать невозможным исполнение в соответствии с Конституцией Российской Федерации, ее статьей 57 во взаимосвязи со статьями 15 (части 1, 2 и 4), 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2), 55 (части 2 и 3) и 79, постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России», вынесенного на основании статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод в ее истолковании Европейским Судом по правам человека, согласно которому вследствие нарушения Россией статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции – в части ретроактивного применения в отношении компании-заявительницы штрафных санкций за 2000 и 2001 годы и исполнительского сбора по этим санкциям, а также в части исполнительного производства, в ходе которого с компании-заявительницы был взыскан непропорциональный по своему характеру исполнительский сбор в размере семи процентов от общей суммы ее задолженности по уплате налогов, пеней и штрафов, – компании-

заявительнице был причинен материальный ущерб на общую сумму, включая компенсацию инфляционных потерь, в 1 866 104 634 (один миллиард восемьсот шестьдесят шесть миллионов сто четыре тысячи шестьсот тридцать четыре) евро, которую Россия должна выплатить акционерам данной компании, их правопреемникам и наследникам.

2. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

3. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации **В. Г. Ярославцева**

Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 19 января 2017 года № 1-П признано невозможным исполнение в соответствии с Конституцией Российской Федерации, ее статьей 57 во взаимосвязи со статьями 15 (части 1, 2 и 4), 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2), 55 (часть 3), постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС»» (вступило в силу 15 декабря 2014 года), вынесенного на основании статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод в ее истолковании Европейским Судом по правам человека, согласно которому вследствие нарушения Россией статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции — в части ретроактивного применения в отношении компании-заявительницы штрафных санкций за 2000 и 2001 годы и исполнительского сбора по этим санкциям, а также в части исполнительского производства, в ходе которого с компании-заявительницы был взыскан непропорциональный по своему характеру исполнительский сбор в размере 7 % от общей суммы ее задолженности по уплате налогов, пеней и штрафов, — компании-заявительнице был причинен материальный ущерб на

общую сумму, включая компенсацию инфляционных потерь, в 1 866 104 634 евро, которую Россия должна выплатить акционерам данной компании, их правопреемникам и наследникам.

Полагаю, что запрос Министерства юстиции Российской Федерации не является допустимым и производство по делу подлежит прекращению по следующим основаниям.

1. Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2005 года положения статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации были признаны не противоречащими Конституции Российской Федерации, так как эти положения не могут служить основанием для прерывания течения срока давности привлечения налогоплательщика к налоговой ответственности, в том числе в случае совершения лицом нового налогового правонарушения или иного нарушения законодательства о налогах и сборах.

Вместе с тем Конституционный Суд Российской Федерации признал, что положения статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования не исключают для суда

возможность — впредь до внесения изменений в законодательство — в случае воспрепятствования налогоплательщиком осуществлению налогового контроля и проведению налоговой проверки признать уважительными причины пропуска налоговым органом срока давности привлечения налогоплательщика к налоговой ответственности и взыскать с него налоговые санкции за те правонарушения, которые выявлены в пределах сроков глубины охвата налоговой проверки на основе анализа имеющейся у налогоплательщика документации.

На данное Постановление Конституционного Суда Российской Федерации мною было представлено особое мнение, согласно которому положения статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации в их конституционно-правовом истолковании противоречат статьям 10, 45 (часть 1) и 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации.

Разумеется, мною не ставится под сомнение обязательная сила указанного Постановления. Вместе с тем, с учетом последующих фактических обстоятельств все больше убеждаюсь в правильности положений, изложенных в особом мнении. В частности, в особом мнении было отмечено, что только законодатель, исходя из конституционно значимых целей и самостоятельных конституционно защищаемых ценностей, вправе устанавливать и изменять сроки давности привлечения к ответственности. Срок давности является пресекательным, поэтому истечение срока давности является императивным и безусловным основанием освобождения лица от ответственности. Предусмотрел законодатель и ситуации, связанные с воспрепятствованием налогоплательщиком осуществлению деятельности налоговых органов. Так, действующее законодательство не только защищает, но и обязывает налоговые органы совершать активные действия в установленном законом порядке. Например, для ситуаций, связанных с отказом налогоплательщика допустить должностных лиц налогового органа к осмотру (обследованию) производственных, складских, торговых и иных помещений и территорий, используемых налогоплательщиком для извлечения дохода либо связанных с содержанием объектов налогообложения, непредставлением в течение более 2 месяцев налоговому органу необходимых для расчета налоговых документов, подпунктом 7 пункта 1 статьи 31 На-

логового кодекса Российской Федерации предусмотрено право налоговых органов использовать на основании имеющейся у них информации о налогоплательщике или данных об иных аналогичных налогоплательщиках расчетный метод определения сумм налогов, подлежащих уплате в бюджет.

Вступая в противоречие с принципом законности, Конституционный Суд Российской Федерации посредством конституционно-правового истолкования предоставил суду возможность восстанавливать срок давности привлечения к ответственности, т. е. Конституционный Суд Российской Федерации вышел за пределы своей компетенции и осуществил функцию законодателя. Более того, Конституционный Суд Российской Федерации в нарушение принципа законности, по существу, признал срок давности привлечения к ответственности разновидностью процессуальных сроков и в то же самое время не определил, в какой установленной законом процедуре может быть восстановлен «процессуальный» срок давности привлечения к ответственности в случае его пропуска по уважительным причинам. Отсюда с необходимостью следует, что суд будет сам вместо законодателя устанавливать для себя процессуальные нормы, что несовместимо с конституционным принципом законности и тем самым лишает налогоплательщика права на надлежащее отправление правосудия¹.

Как известно, текст статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации был изменен Федеральным законом от 27 июля 2006 года № 137-ФЗ, вступившим в силу 1 января 2007 года. Согласно новой редакции «течение срока давности привлечения к ответственности приостанавливается, если лицо, привлекаемое к ответственности за налоговое правонарушение, активно противодействовало проведению выездной налоговой проверки, что стало непреодолимым препятствием для ее проведения и определения налоговыми органами сумм налогов, подлежащих уплате в бюджетную систему Российской Федерации.

Течение срока давности привлечения к ответственности считается приостановленным со дня составления акта (указывающего обстоятельства, при которых налогоплательщик препятствует доступу налоговых органов к соответ-

¹ См. подробнее: Особое мнение В. Г. Ярославцева.

ствующим документам). В этом случае течение срока давности привлечения к ответственности возобновляется со дня, когда прекратили действие обстоятельства, препятствующие проведению выездной налоговой проверки, и вынесено решение о возобновлении выездной налоговой проверки».

Тем самым именно федеральный законодатель реализовал свое конституционное право по принятию нового закона в виде изменения редакции статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации, введя условие, при котором течение срока привлечения к ответственности приостанавливается. Как известно, законы, устанавливающие новые налоги или ухудшающие положение налогоплательщиков, обратной силы не имеют (статья 57 Конституции Российской Федерации). Следовательно, положения статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации в новой редакции могли применяться только с 1 января 2007 года.

2. В своем постановлении от 20 сентября 2011 года ЕСПЧ отметил, что Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2005 года изменило трактовку нормы о сроке давности. Следовательно, у Суда возник вопрос о соответствии данного изменения требованиям законности — статье 1 Протокола № 1 (пункт 565), так как в указанном Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации было определено условие, согласно которому в случае, если налогоплательщик противодействует проведению налоговой проверки и, таким образом, затягивает принятие соответствующего решения, течение срока давности может быть приостановлено составлением акта, т. е., как мною было указано выше, Конституционный Суд Российской Федерации вышел за пределы своей компетенции и, по сути, создал новую норму закона, придав ей обратную силу (ретроактивное применение статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации). На это обстоятельство указывает и ЕСПЧ, который отмечает, что Постановление от 14 июля 2005 года изменило правила, применимые в рассматриваемый период, создав исключение из правила, которое ранее не имело никаких исключений (см. пункты 86 и 88). Далее Суд отмечает, что Постановление Конституционного Суда Российской Федерации представляет собой пересмотр и отступление от твердо установившихся руководящих разъяснений Высшего Арбитражного Суда Российской Феде-

рации (пункт 52). Суд не находит никаких указаний в делах, указанных сторонами, предполагающих существование противоречивой практики или ранее существовавших трудностей в связи с применением статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации в российских судах (пункты 407–408).

В целом, несмотря на широкие пределы усмотрения государства в этой сфере, Суд устанавливает, что имело место нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции в связи с изменением в толкование положений о сроке давности, вытекающем из Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2005 года, и влиянием этого Постановления на исход судебных разбирательств о взыскании налоговых санкций за 2000 и 2001 годы (пункты 573–575).

Кроме того, Суд далее отмечает еще один факт, который сильно повлиял на положение компании во время процедуры исполнительного производства. Компания-заявитель была обязана уплатить 7-процентный исполнительский сбор от взыскиваемой суммы налогового долга компании, сумма сбора составляла крупную сумму — более 43 миллиардов рублей. В целом, учитывая скорость проведения исполнительного производства, обязательство уплаты полной суммы исполнительского сбора и неспособность властей надлежаще оценить последствия своих действий, Суд приходит к выводу, что национальные власти не смогли соблюсти справедливый баланс между стремлением добиться законной цели и примененными мерами, чем нарушили права компании-заявителя, гарантированные статьей 1 Протокола № 1.

В итоге в постановлении, принятом 20 сентября 2011 года, Суд пришел к выводу о том, что в нарушение статьи 6 Конвенции компании-заявителю было предоставлено недостаточно времени для подготовки к судебным разбирательствам о привлечении к налоговой ответственности за 2000 год (пункты 534–551 основного постановления), взыскание штрафов за 2000 год и удваивание штрафов за 2001 год было незаконным в нарушение статьи 1 Протокола № 1 (пункты 563–575), в исполнительных производствах в отношении компании-заявителя национальным властям не удалось соблюсти справедливый баланс между законной целью этих производств и примененными мерами в отношении того же положения Конвенции (пункты 645–658).

Казалось бы, по закону жанра в случае несогласия с указанным постановлением Суда российские власти обязаны были в соответствии с правом, предоставленным Конвенцией, обжаловать это постановление в 3-месячный срок в Большую Палату Суда (статья 43 Конвенции). Однако они не реализовали своего права на обжалование и тем самым формально-юридически признали законность и обоснованность указанных Судом нарушений Конвенции. Более того, в подтверждение данного обстоятельства свидетельствует и тот факт, что 15 мая 2013 года Российская Федерация представила в Комитет Министров Совета Европы — орган, осуществляющий надзор за исполнением постановлений Суда, — план мероприятий по проведению к исполнению постановления Европейского Суда по правам человека по делу № 14902/04 «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» (постановление от 20 сентября 2011 года), в котором были изложены меры общего характера.

Не могу отказать себе в удовольствии привести почти дословно эти меры. Так, в частности, в соответствии с пунктом 1 Плана (Меры по распространению постановления ЕСПЧ и имплементации содержащихся там позиций в правовую систему Российской Федерации) постановление ЕСПЧ по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» было направлено в компетентные государственные органы (Высший Арбитражный Суд Российской Федерации, Генеральная прокуратура Российской Федерации, Федеральная служба судебных приставов Российской Федерации, Федеральная налоговая служба Российской Федерации) для реализации на практике, а также для принятия мер общего характера по ликвидации и предотвращению установленных ЕСПЧ дальнейших нарушений Конвенции.

Согласно пункту 2 Плана (Меры по устранению нарушений, связанных с непредоставлением компании-заявителю достаточного времени для подготовки дела в суде первой инстанции и в апелляции) Федеральным законом от 30 апреля 2010 года № 69-ФЗ в АПК Российской Федерации внесены изменения, направленные на увеличение сроков для рассмотрения дела. При этом подчеркивается, что принятые меры соответствуют выводам ЕСПЧ и служат дополнительной гарантией, обеспечивающей права участников дела.

Далее, согласно пункту 3 Плана (Меры по ликвидации и недопущению нарушений, связанных с применением с обратной силой разъяснений, представленных Конституционным Судом Российской Федерации) после вынесения Конституционным Судом Российской Федерации Постановления от 14 июля 2005 года, с учетом содержащихся в нем правовых позиций, статья 113 Налогового кодекса Российской Федерации была изложена в новой редакции Федеральным законом от 27 июля 2005 года № 137-ФЗ². При этом указывается, что их применение с обратной силой абсолютно исключено.

Кроме того, были представлены и меры по совершенствованию государственного контроля и надзора, действенные внутригосударственные меры правовой защиты. В связи с этим российские власти полагают, что принятые и планируемые законодательные организационные меры позволят исключить любые дальнейшие нарушения, установленные в постановлении ЕСПЧ по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России».

Небезынтересным представляется факт участия российских властей в обсуждении вопроса о справедливой компенсации. В частности, они дали согласие на уменьшение исполнительского сбора. Так, из постановления Суда усматривается, что, производя разумную оценку исполнительского сбора и принимая во внимание замечания сторон в этой связи, Суд соглашается с обозначением властями подхода № 4 ставки 4 % в их замечаниях от 30 марта 2013 г. Соответственно, Суд решает, что в порядке удовлетворения требований пропорциональности исполнительский сбор должен быть снижен до 4 % (пункт 32 постановления Суда от 31 июля 2014 года).

Таким образом, указанная непоследовательная и весьма противоречивая позиция российских властей фактически поставила в «правовой тупик» решение вопроса по данному делу. В связи с этим Министерство юстиции Российской Федерации нашло «упрощенный»

² Обращаю внимание, что в данном абзаце Плана была допущена ошибка. Статья 113 Налогового кодекса Российской Федерации была изменена Федеральным законом № 137-ФЗ от 27 июля 2006 года, а не от 27 июля 2005 года, тем самым Комитет Министров был введен в заблуждение относительно срока принятия нового закона.

выход из создавшегося положения путем обращения в Конституционный Суд Российской Федерации о невозможности исполнения постановления ЕСПЧ. Однако такое обращение не может быть допустимым и в силу действия принципа *neto iudex in propria causa* (никто не может быть судьей в собственном деле), поскольку вывод ЕСПЧ о нарушении Конвенции во многом был обусловлен установлением нарушения принципа законности Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2005 года.

Каков же выход из создавшегося положения? Полагаю, что Минюсту Российской Федерации не следует искать легких путей разрешения вопроса посредством обращения в Конституционный Суд Российской Федерации, а необходимо продолжить диалог с межгосударственным органом — Комитетом Министров Совета Европы, используя механизм обращения в этот орган, предусмотренный статьей 46 Конвенции.

3. Согласно статье 46 Конвенции Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять окончательные постановления Суда по любому делу, в котором они выступают сторонами, при этом окончательное постановление Суда направляется Комитету Министров, который осуществляет надзор за его исполнением (части 1–2 статьи 46 Конвенции).

Для нас представляют особый интерес положения части 3 статьи 46 Конвенции, согласно которой, «если Комитет Министров считает, что надзору за исполнением окончательного постановления препятствует проблема толкования этого постановления, он вправе передать данный вопрос на рассмотрение Суда для вынесения им постановления по вопросу толкования. Решение о передаче вопроса на рассмотрение Суда требует большинства голосов в две трети от числа представителей, уполномоченных принимать участие в работе Комитета». Данные положения не содержат запрета на обращение Высокой Договаривающейся Стороны — в данном случае Российской Федерации — в Комитет в связи с реальной и наличной угрозой неисполнения постановления Суда, т. е. эти положения имплицитно содержат механизм разрешения возникшей проблемы неисполнения постановления Суда и Комитет в этом случае имеет подразумеваемые полномочия, так как именно он осуществляет надзор за исполнением постановления Суда. Так, например, согласно Правилу 7 (Времен-

ные резолюции) в ходе надзора за исполнением постановления Комитет Министров может принимать промежуточные резолюции, в особенности для того, чтобы поддерживать информацию в состоянии прогресса выполнения или, насколько возможно, выразить заинтересованность и/или внести существенные предложения, касающиеся исполнения (Правила применения пункта 2 статьи 46 Европейской конвенции о правах человека (принятые Комитетом Министров Совета Европы 19 января 2001 года на 736-м заседании заместителей министров). В случае признания существования проблемы в исполнении постановления Суда Комитет вправе направить это обращение на рассмотрение Большой Палаты для принятия окончательного постановления по делу (статья 31, пункт «b», Конвенции).

При этом, как неоднократно подчеркивал Суд, в статье 44 Конвенции закреплён принцип, согласно которому постановления Суда являются окончательными. В связи с этим возможность пересмотра должна рассматриваться как исключительная мера, поэтому заявления о пересмотре требуют тщательного рассмотрения (*McGinly & Egan*).

Таким образом, используя потенциал статьи 46 Конвенции, полагаю возможным достойно выйти из создавшегося «правового тупика», что, в свою очередь, усилит взаимодействие Суда и национальных органов государственной власти, усилит имплементацию Конвенции в соответствии с принципом субсидиарности и ни в коей мере не нанесет ущерб государственному суверенитету Российской Федерации.

В заключение хотелось бы сказать следующее. В недавно опубликованной книге известного российского синолога В. Малявина «Тайный канон Китая» я обратил внимание на следующее положение: «Искусство улаживания дел заключено в следующих словах: “Не отвергай не разобравшись, и не принимай не разобравшись”» (древний трактат «Гуань-Цзы»)³. К сожалению, мудрость китайских мудрецов своевременно не была востребована, в результате чего и сложилась указанная выше сложная правовая ситуация, которая с нетерпением ожидает своего законного и справедливого разрешения.

³ См. подробнее: *Малявин В.* Тайный канон Китая. М., 2015. С. 85.

Мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации К. В. Арановского

Запрос не отвечает законным условиям допустимости, а Россия не имеет оснований считать, что в ее отношении состоялось решение ЕСПЧ по делу с участием акционеров ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС»», которые в ее деле не участвовали.

1. Российский Минюст прямо не оспаривает постановление от 20 сентября 2011 года (далее — «первое постановление») по делу «ЮКОС против России» (далее — «дело ЮКОСа»), которым ЕСПЧ признал нарушение пункта 1 и подпункта «b» пункта 3 статьи 6 Конвенции, а также статьи 1 Протокола № 1. Судебный акт не обязывает соглашаться со всеми его основаниями, но его правовые последствия положено признавать, даже те, которые сторона не одобряет. Это касается и констатаций, занесенных в решающую часть судебного акта. Они связывают сторону и не позволяют формально их отрицать.

1.1. Минюст России и не отрицает во всем объеме правоту решений ЕСПЧ по делу ЮКОСа, и вряд ли отклонил бы в первом постановлении замечания о незаконности «низкокачественных схем» оптимизации налогообложения «самой грубой формы» (§ 580) и о позициях российской стороны в части «приоритета существа по отношению к форме товарно-финансовых операций» или «теории недобросовестности» (§ 584). Полагаясь на «выводы национальных судов и объяснения сторон», ЕСПЧ установил, что схемы «состояли в переложении налогового бремени от компании-заявителя... на фиктивные компании» со «снижением налогов... за счет совместного использования и одновременного применения не менее чем двух схем» (§ 591). Суд не поддержал компанию-заявителя в том, что ее фиктивные организации имели будто бы право налоговой льготы, и посчитал, что «схема была очевидно направлена на уклонение от исполнения общих норм Налогового кодекса» (§§ 592, 593). Он признал «достаточно ясной правовую основу для вывода о привлечении компании-заявителя к начислению налогов за 2000–2003 годы» (§ 599), и ему не показалось, в отличие от ЮКОСа, что власти знали его «схемы» с «использованием мошенническим образом зарегистрированных тор-

гующих организаций» и «поощряли» эти злоупотребления (§ 614). Суд не согласился с тем, что другим налогоплательщикам власти позволяли использовать те же схемы, т. е. избирательно преследовали компанию ЮКОС, чтобы «завладеть ее активами», и не дал себя убедить в «замаскированной экспроприации имущества» с «умышленной ликвидацией» компании, поскольку она «не доказала, что иные компании находились в относительно сходном положении» (§§ 615, 666).

В постановлении от 31 июня 2014 года (далее — «второе постановление») ЕСПЧ вменил ЮКОСу строгий стандарт доказывания и отказался «гадать, каков мог быть исход разбирательства» по исчислению налога за 2000 год, не будь оно поспешным. Суд заключил, что для присуждения компенсации ему «недостаточно доказательств причинно-следственной связи между установленным нарушением и материальным ущербом, предположительно понесенным компанией-заявителем» (§§ 18, 19).

В итоге Суд отказал ЮКОСу в основных притязаниях и в решающей части первого постановления оставил за Россией нарушения в трех позициях: а) «недостаточности времени для подготовки компании-заявителя к рассмотрению дела в суде первой и апелляционной инстанций» по налогам за 2000 год (пункт 2); б) «разбирательстве о начислении налогов за 2000–2001 годы в части применения и расчета санкций» (пункт 3) и в) «уклонении от установления справедливого равновесия между законной целью и примененными мерами» в исполнительном производстве (пункт 7). Это определенно не злонамеренные нарушения. Заметна и разница между 81 млрд евро компенсации, которую требовал ЮКОС с процентами по 29,6 млн евро в день до ее уплаты, и тем, что присудил ЕСПЧ (в 43 раза меньше без начисления процентов до уплаты).

1.2. Однако и в тех выводах, с которыми российский Минюст не согласен, Суд полагался во многом на его позиции. Из второго постановления следует, например, что Суд «предложил властям России представить» и получил от них письменные объяснения о справедливой компенсации от 13 июня 2012 года,

а в июле того же года и на другой год (в марте и мае) стороны письменно объяснялись между собой (§§ 4–5). Не исключено, что участие Минюста в обсуждении размеров компенсации внушило Суду предположение о готовности ее платить. Из второго постановления следует, что Суд получил от Минюста материал для «разумной оценки исполнительского сбора» и учел «указанную государством-ответчиком в его представлениях от 30 марта 2013 года уместную (надлежащую) ставку в размере 4 %». В заседании Конституционного Суда заявитель объяснил, что 4 % прозвучали в судебной полемике и были неверно поняты, но полемика имела последствия, и Суд принял эти проценты за ориентир в корректировке сбора с «выводом, что... сбор следует снизить до 4 %». Он положил их в основание исчислений, с тем чтобы вычесть 75 477 284 евро (сбор по 7 %, «уплаченный компанией-заявительницей в отношении незаконного наложения штрафов за 2000 и 2001 годы») из общей суммы исполнительского сбора (1 252 725 582 евро) и получить 1 177 070 056 евро как разницу между «очевидным материальным ущербом и суммой сбора, исчисленного по ставке 4 %». В итоге Суд насчитал 503 268 013 евро ущерба, «обусловленного нарушением статьи 1 Протокола № 1 в части способа ведения властями исполнительного производства», и начислил сверху процент инфляции до 566 780 436 евро (§§ 32–35). Таким образом, из предположения, которое Минюст сделал, может быть, не всерьез, Суд вывел России примерно треть «справедливой компенсации».

Минюст не согласен с тем, что Суд назначил ее в пользу акционеров ликвидированной компании, но в решениях ЕСПЧ нет следов спора о доступности актуального их реестра, и Суд без видимых колебаний предписал платить компенсацию так, будто существует их достоверный перечень. Содействовать правосудию, в общем, правильно, но сторона не обязана упрощать позиции оппонента, а правила состязательности распределяют бремя доказывания так, что это позволяет стороне в законных пределах оставить Суду его правомерные сомнения в спорных доказательствах, особенно если их относимость спорна, а последствия для дела неочевидны. Иногда суды карают «скрытность», меняя стандарт доказывания в пользу оппонента и восполняя недостающие сведения предположениями. Но не очевидно, что Минюст нарушил бы Конвен-

цию и действовал во вред России, если бы состав «пострадавших» стал пунктом спора и остался в итоге неясным. При серьезных сомнениях присудить «справедливую компенсацию» неопределенной группе посторонних для дела лиц Суду было бы непросто, примерно так же, как присудить ее фонду «ЮКОС интернэшнл», которому и было отказано из сомнения в том, что выгода достанется акционерам (§ 37 второго постановления).

1.3. Не вполне ясно, признает ли заявитель запроса акт правосудия в решениях по делу ЮКОСа, пусть и в частичном с ним несогласии. В публичном слушании представитель Минюста ссылаясь на право Конституционного Суда лишить спорный акт юридической силы, но не очевидно, что он желал бы оставить Россию совсем без решения Суда по этому делу. Там, где ЕСПЧ нашел жалобу ЮКОСа безосновательной, Минюст, видимо, не против признать, что дело решено именно по суду, и предлагает, подобно апеллянту или кассатору, «лишить юридической силы» лишь второе постановление, и только в той части, в какой считает его неконвенционной и необоснованной, чтобы в остальном акты Суда сохранили неопровержимость *res judicata*.

Запрос Минюста позволяет понять себя так, будто Конституционному Суду России предстоит проверить акт европейского правосудия или, подобно арбитру, рассудить разногласия между заявителем и ЕСПЧ. Но для такой ревизии или третейства у конституционной юстиции нет правовых оснований, и она не обязана давать оценку ни европейскому правосудию, ни поведению российского представителя, исправлять их погрешности, решать спор о фактах, квалификациях и ставить свое понимание Конвенции выше интерпретаций ЕСПЧ. В этом Конституционный Суд не обязан исходить из иного, нежели то, что ЕСПЧ объявил установленным, предположительным или недоказанным. Заявителю запроса это известно, и, значит, он ожидал не столько дисквалификации акта ЕСПЧ, сколько признания своей процессуальной позиции со стороны Конституционного Суда.

1.4. Допустимость запроса сомнительна и в том, что Минюст ссылается на законодательство (налоговое, процессуальное, судебное-исполнительное, гражданское, бюджетное), полагая, что Россия нарушит его, если заплатит компенсацию. Правда, Минюст усилил эти доводы, утверждая, что исполнение второго

постановления нарушит российские законы не просто в буквальном их смысле, а в конституционно-правовом истолковании. Однако и такая коллизия представлена как столкновение акта ЕСПЧ с нормами законов и с позициями Конституционного Суда. Ни то, ни другое, при всей значительности, не отвечает условиям статей 104¹ и 104² закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», которые допускают оценку конституционности исполнения наднационального судебного акта лишь ввиду возможного нарушения именно Конституции.

Конституция и Конвенция друг другу близки, но не вполне совпадают по объему, предмету, и конституционность закона не означает, что его применение не нарушит Конвенцию, как и соблюдение Конвенции не гарантирует ему конституционность. Истолкования допускают варианты, и, если закон в надлежащем истолковании отвечает Конституции, это не каждый раз исключает иные конституционно приемлемые интерпретации. И решение международного суда, принятое с отличиями от одной позиции Конституционного Суда, не означает нарушения Конституции при его исполнении, если сама она не преддрекает такое нарушение.

1.5. Конституционный Суд не обязан ни соглашаться, ни опровергать оценки и выводы относительно прав акционеров ЮКОСа, и у него нет оснований квалифицировать их поведение, решая вместо компетентных судов и с ними заодно, кто из акционеров участвовал в «грубых схемах» и не заслужил судебной защиты ввиду злоупотреблений. Отрицая право недобросовестных акционеров на компенсацию, можно допустить, что честным миноритариям ЮКОСа что-нибудь все же причитается. Если же компенсацию по суду считать возможной лишь под условием добросовестности и затем решить, что никому из акционеров ЮКОСа она не положена, то в доброй совести пришлось бы отказать примерно 50 тысячам лиц, т. е. считать виновно-причастным к нарушениям ЮКОСа каждого владельца предосудительных акций.

Впрочем, эти предположения нельзя свободно обсуждать, когда ЕСПЧ уже упредил их своим решением о последствиях «предположительно мошеннического поведения руководства компании-заявительницы и некоторых ее акционеров». Суд не стал их делить на порицаемых и безвинных, но заметил, что

ЮКОС достаточно потерпел от принудительных мер и этим как бы искупил «прегрешения» всех причастных: «Компания-заявительница уже понесла ответственность за указанные действия в различных налоговых и исполнительных процедурах, и Европейский Суд не усматривает оснований к снижению суммы компенсации [акционерам] с учетом поведения, за которое компания-заявительница уже наказана» (пункт 39 второго постановления). ЕСПЧ упредил также довод о том, что за ЮКОСом остались неисполненные долги на 8 млрд долл. (§ 40), как и о том, что в очереди кредиторов акционеры – не первые. Неисполнение обязательств ЮКОСа он связал отчасти с тем, что власти сами «предпочли не добиваться уплаты компанией-заявителем всей суммы долга, предоставляя ей, например, больше времени», предполагая, что «обязательства, которые компания-заявитель могла иметь перед своими кредиторами, удовлетворены или погашены в рамках исполнительного производства и процедуры ликвидации в ноябре 2007 года» (§ 42). Нет смысла обсуждать, насколько верны эти соображения, но, судя по постановлению, стороны, предлагая Суду дискуссию о процентах сбора, не дали ему доказательных поводов исследовать состояние, структуру, величину и основания долгов ЮКОСа, которые объективно бы связывали ЕСПЧ в решении о компенсации акционерам. Суд лишь заметил: «...*Ничто в материалах дела или представлениях сторон* не позволяет предполагать, что по национальному законодательству компания или ее акционеры имеют задолженности по каким-либо выплатам в пользу любых кредиторов» (§ 42).

1.6. Нельзя согласиться с доводами запроса относительно того, что законная защита сроками давности обещана лишь добросовестным, т. е. тем, кого публичная власть согласна считать таковыми. В силу Устава Совета Европы (преамбула, статья 3) государства признают «верховенство Права», с тем чтобы все лица под их юрисдикцией пользовались правами и свободами. Даже преступнику гарантированы закон и суд, и даже ему обещана законная давность, которая, вопреки мнению заявителя, все же пресекает право властей преследовать нарушителя, если срок ее истек по закону.

1.7. Поддержать нельзя доводы заявителя и в той части, в какой он апеллирует к социальной государственности, которая будто бы не позволяет исполнять судебные решения,

если это мешает государству тратить деньги на социальное благоустройство. Члены Совета Европы состоят в Социальной хартии, и в этом смысле все они – социальные государства, а те, кто ратифицировал Европейский кодекс социального обеспечения (21 страна), стали, видимо, еще социальнее. Странно, если бы бремя социальных расходов давало государству иммунитет от Суда.

Столь же необычно отказывать в исполнении решения с тем доводом, что Суд назначил выплату «беспрецедентной» величины. Споры нет, за ненасильственные и бескровные нарушения ЕСПЧ назначил компенсацию в необычном размере, который в двадцать раз превышает, например, компенсацию в пользу многочисленных жертв военных действий, назначенную по делу «Кипр против Турции» (постановление от 12 мая 2014 года № 25781/94). Тем не менее государства – участники Конвенции не оговорили сумм, в которых они согласны платить по решениям Суда, и довод о чрезмерности компенсации по уникальности не уступает ее беспрецедентному размеру. Это небеспочвенный и сильный довод, но его так же трудно совместить с верностью договорам и с европейским «верховенством Права», как и назначение несправедливых компенсаций.

1.8. В целом же заявитель считает исполнение второго постановления невозможным потому, что ЕСПЧ отклонился от Конвенции, неверно понял доказательства, российские законы и разошелся в позициях с Конституционным Судом. Предлагая дезавуировать постановление ЕСПЧ по таким основаниям, заявитель делает свой запрос недопустимым. В отличие от ЕСПЧ, который давал иногда оценку актам конституционного правосудия, российский Конституционный Суд даже при расхождении позиций не берет на себя прав инстанции, проверяющей конвенционность и обоснованность актов Европейского Суда.

1.9. Солидарная или отдельная позиция конституционного правосудия по всем этим поводам вовлекла бы его в оценки и выводы, состоявшиеся в решениях европейской и национальной юстиции, законную силу которых уже не изменить. Такое участие нельзя предпринять юридически безупречно, польза от него небесспорна, а издержки вероятны.

Если члены Совета Европы и его институты решат вменить России нарушение Конвен-

ции, они едва ли учтут акт Конституционного Суда среди простительных причин. Акты конституционного правосудия не связывают Совет Европы – в нем обязательны конвенционные правила. Российская конституционная юстиция может сказать по ним веское, но не решающее слово. Ее акт, мало что меняя в конвенционных последствиях, прибавит к разногласиям в Совете Европы отдельное разногласие между судебными решениями, что вряд ли пойдет на пользу диалогу судов и может ограничить его ресурсы в поддержке верховенства права и защите прав человека в России.

Требовать для России справедливости в Совете Европы – это работа, за которую отвечают ее представители, и если их старания позволят Совету убедиться в том, что второе постановление не готово как судебный акт к исполнению, то объявлять его неконституционным тем более избыточно.

2. У России нет достаточных оснований считать, что по индивидуальной жалобе акционеров ЮКОСа состоялось решение, которое она должна исполнить как судебное постановление по своему делу. Исполнять обязательно судебный акт, принятый по принципам справедливого правосудия, действительным в международном и в конституционном их содержании. Чтобы следовать этим принципам, России не нужно давать оценку обоснованности и конвенционности актов Суда и вменять Совету Европы нормы своей Конституции. Но в отношении себя она вправе и должна как правовое государство представлять конституционный и международно-правовой смысл своего поведения относительно предписаний, обремененных в судебный акт или попутно изложенных.

2.1. Конституция Российской Федерации принята с тем, что многонациональный народ России – часть мирового сообщества (Преамбула), а Российская Федерация – правовое государство (часть 1 статьи 1), где общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры образуют составную часть ее правовой системы (часть 4 статьи 15), что относится и к защите прав и свобод человека, которые признаются и гарантируются в России в соответствии с ее Конституцией и согласно общепризнанным принципам и нормам международного права (часть 1 статьи 17).

Общепризнанным принципам справедливого правосудия Россия должна следовать как нормам *jus cogens*. Согласно статье 53 Венской Конвенции о праве международных договоров это императивные нормы общего международного права, которые признает международное сообщество государств в целом и отклонение от которых недопустимо, пока их не изменит последующая норма такого же характера. Эти принципы действительны безотносительно к тому, как они изложены и в каких источниках — конституционных или международных, основных или вспомогательных. Сила *jus cogens* не обусловлена даже Европейской Конвенцией, и в суждениях по этому праву даже ЕСПЧ не может быть окончательной инстанцией, как по праву Конвенции. Отступление от *jus cogens* может нарушать не только основы международного права, но и конституционные положения, которые эти основы признают.

Правда, суд в деле ЮКОСа формально уже окончен, и остается, кажется, не обсуждая принципы, лишь исполнять решенное. Но принципы справедливого правосудия при исполнении судебных актов действительны так же, как и в состязательной или решающей стадиях суда: в европейском и конституционном правосудии принято считать, что *исполнение судебных актов — часть суда*. «Исполнение решения любого суда — неотъемлемая часть судебного процесса», что следует из решений ЕСПЧ (*Hornsby v. Greece* [1997] ECHR 15, § 40; *Kutić v. Croatia* [2002] ECHR 297, § 25; *Burdov v. Russia* [2002] ECHR 432, § 34; *Multiplex v. Croatia* [2003] ECHR 351, §§ 45, 52; *Jasiūnienė v. Lithuania* [2003] ECHR 122, § 27; *Assanidze v. Georgia* [2004] ECHR 140, § 181; *Pejaković and Others v. Bosnia and Herzegovina* [2007] ECHR 1115 и др.).

2.2. Прежде всего, национальные власти принципиально не вправе присваивать полномочия международных судов, как это следует из договоров, по которым Россия обязуется признавать их юрисдикцию, исполнять решения, но не принимать их вместо суда. Конечно, нельзя присвоить полномочия, которые Суд уже применил. Но решение о том, какие именно лица пострадали от нарушения, кому из них платить и в каком размере, — это часть судебного акта, причем не описание судебного случая и мотивов решения, а само решение, которым суд осуществляет свои решающие права.

Запрет решать вместо суда относится к фундаментальной части конституционного правопорядка и продолжает принципы правосудия, признанные в декларативных, договорно-нормативных и других источниках международного права. Присваивать полномочия законного суда Российской Федерации не позволяет ее Конституция: в силу статьи 118 (часть 1) *правосудие осуществляется только судом*; основы конституционного строя гарантируют суду самостоятельность при разделении властей (статья 10); статья 46 (части 1 и 3) гарантирует каждому право обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод, а часть 1 статьи 47 запрещает лишать кого-либо права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом.

Равным образом Международный пакт о гражданских и политических правах обязывает обеспечить право на правовую защиту для любого лица именно компетентными судебными властями (подпункт «b» пункта 3 статьи 2); в силу пункта 1 статьи 14 Пакта каждый имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. В Замечании общего порядка № 32 (CCPR/C/GC/32, 23 августа 2007 года. Девяностая сессия) Комитет по правам человека применительно к пункту 1 статьи 14 Пакта определил, что понятие «суд», независимо от наименования, означает орган, который создан на основании закона и является независимым от исполнительной и законодательной властей или пользуется в конкретных случаях судебной независимостью в принятии решений *по правовым вопросам в разбирательствах, являющихся судебными по своему характеру* (пункт 18). Согласно статье 6 Европейской Конвенции каждый имеет право на разбирательство его дела судом, созданным на основании закона. Поддерживая неприкосновенность прав компетентного правосудия, пункт «ii» Документа Московского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ от 3 октября 1991 года исключает пересмотр судебных решений административными органами, кроме права смягчать приговоры.

Эти международно-правовые и конституционные положения не позволяют истолковать себя так, чтобы национальные исполнительные власти, тем более стороны-ответчика,

использовали решающие права международно-го суда. Отступая от принципа, отраженного в названных конституционных и международных установлениях, российская исполнительная власть решила бы на международное и конституционное правонарушение, в том числе принципа разделения властей, который сам по себе вряд ли связывает Совет Европы, но явно обязывает Россию.

В делах, которые рассматривает ЕСПЧ по индивидуальным жалобам, решения вправе выносить только он: лишь он вправе признать заявителей жертвами нарушения, назначить каждому компенсацию (если стороны не решат дело миром), и только он определяет ее размер каждой жертве. Европейская Конвенция, ее статьи 32 (пункты 1 и 2), 34, 39, 41, 46 предусматривают и подразумевают право ЕСПЧ на эти решения.

Россия не вправе рассматривать обращения отдельных лиц за конвенционной компенсацией, пока ЕСПЧ не определит их и не присудит им выплату поименно. Такие обращения – часть конвенционной жалобы, и Россия не может решать их судьбу, признавая конкретных лиц жертвами нарушения, и определять, какую сумму следует каждому уплатить. Причастность Комитета Министров к распределению компенсаций ничего принципиально не меняет, потому что заменять собою Суд Россия не вправе даже в консультациях с ним и под его надзором. Она присвоила бы права Суда, если бы принимала решения о процессуальном правопреемстве или решала судьбу неполученной компенсации, когда получатель умер (ликвидирован) или участь его неизвестна. Неполученную и невостребованную часть компенсации она не может по своему усмотрению распределить среди оставшихся «жертв» или оставить себе, если судебный акт не поручает ей это сделать.

Даже национальные суды не могут получить права ЕСПЧ, определяя жертв конвенционного нарушения и назначая конвенционные возмещения.

2.3. Действия, предписанные российским властям по второму постановлению, нарушали бы принцип, в силу которого «*нельзя быть судьей в своем деле*». В постановлении от 15 декабря 2005 года по делу «Киприану (Kyprianou) против Кипра» (жалоба № 73797/01) ЕСПЧ подтвердил силу этого «принципа, проверенного временем» (*time-honoured principle*, пункт 127) со ссылкой на раннее постановление от 27 ав-

густа 1991 года по делу «Демиколи против Мальты» (*Demicoli v. Malta, Series A, № 210, § 18–19, 41–42*). Конвенция не позволяет Стороне определять по своему усмотрению содержание судебного акта по делу, где она участвует в своем интересе, и Россия нарушит бесспорный этот принцип, если позволит своим властям определять конкретных лиц жертвами конвенционного нарушения и назначать им размер возмещения.

2.4. Общим признанием пользуется принцип, в силу которого *каждый вправе быть выслушанным в суде по своему делу*. Лица, которым ЕСПЧ назначил компенсации, не участвовали в деле, где их права определял Суд. Доказывать свои позиции они не могли ни лично, ни силами представителей, и без их участия в деле об их правах Россия не могла получить судебного решения, принятого при *состязательности и равноправии сторон*. В «Итоговом документе Венской встречи 1986 года представителей государств – участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе» «право выдвигать юридическую аргументацию и быть представленным адвокатом по своему выбору» безоговорочно связано с правом на справедливый и беспристрастный суд (пункт 13.9). В приведенном выше Замечании общего порядка Комитет по правам человека отнес к праву на равенство перед судом равный доступ к суду и равенство состязательных возможностей, «чтобы каждая сторона имела возможность оспорить все доводы и доказательства, представленные другой стороной» (пункты 8, 13).

На диспозитивности Конвенция не настаивает, но этот процессуальный принцип связан с фундаментальными началами правосудия и в России имеет конституционные основания. Вместе с процессуальной состязательностью диспозитивность пресекает предвзятость суда тем, что не позволяет принимать к рассмотрению дела по свободной дискреции из предпочтительной целесообразности без процессуального обращения надлежащих заявителей. С этими принципами несовместимо вынесение и, следовательно, исполнение судебного акта, который присуждал бы права в пользу лиц, которые не обращались в суд. В этом смысле отступление от диспозитивности равносильно отказу от состязательности и беспристрастности, особенно если суд от себя меняет состав сторон, вовлекает в дело лиц без формального их согласия, создает в итоге

свой процессуальный сценарий и предрешает по нему исход дела безотносительно к тому, кто и с какими требованиями в него вступил. С таким отклонением от стандартов правосудия решение можно считать неправосудным либо в мягкой трактовке предположить, что попутно с правосудием имели место политический жест, рекомендация и подобные им не вполне судебные акции. Их несостоятельность не обязательно предрешать, но по юридической силе, конечно, они не равноценны акту правосудия.

К состязательности и равенству сторон примыкает столь же принципиальное условие — *audi alteram partem* (выслушать другую сторону). Его обязательность не зависит от того, как и где его изложить, а впрочем, на нем настаивает, например, Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека, причем с опорой на Европейскую Конвенцию: «Принципы справедливого слушания включают в себя правила, именуемые в некоторых правовых системах правилами естественного правосудия, в том числе концепции *audi alteram partem*. ...Необходимость выслушать другую сторону... составляет одну из основ права на справедливое судебное разбирательство, предусмотренного пунктом 1 статьи 14 МПГПП и пунктом 1 статьи 6 ЕКПЧ» (Справедливое судебное разбирательство в международном праве. БДИПЧ, 2013 год).

В этом смысле справедливое правосудие гарантировано и по международному праву, и по Конституции Российской Федерации (часть 1 статьи 48, часть 3 статьи 123), которой связаны национальные власти. Россия не может быть решающей инстанцией в оценке конвенционности актов ЕСПЧ, однако она не может считать состоявшимся решение суда по своему делу, если другая сторона не вступала с нею в спор с правом представить свою позицию.

2.5. Изложенное, впрочем, тесно связано с правами акционеров ЮКОСа, и соображения с российской стороны по поводу их интересов можно неверно понять, имея в виду, что они, по мнению ЕСПЧ, пострадали именно от российских властей. Права России, однако, не меньше задеты тем, что ее дело решено без оппонента. Даже если она уплатит акционерам ЮКОСа, это не обяжет «потерпевшую сторону» считать справедливым полученное возмещение, поскольку дело с их участием, хотя бы заочным, Суд не рассмат-

ривал, а размер компенсации определила им противная сторона (предполагаемый нарушитель).

Если бы Россия получила судебное решение в споре с акционерами, то его исполнением она могла бы исчерпать и обязательства по возмещению вреда, а «пострадавшие» исчерпали свои к ней требования. Но Дж. П. Гарднер небеспопченно заметил, что присуждение компенсации акционерам «никого не лишает возможности при желании подать собственную жалобу в ЕСПЧ». Уплатив компенсацию, Россия осталась бы условно ответственной по жалобам своих «жертв», а те сохранили бы право на требование, по которому Суд ничего еще не решил. Сроки и формальности осложняют, но принципиально не исключают их жалоб и дел, где Россия была бы связана уже установленными фактами и оценками, а те, кого Суд уже объявил «потерпевшей стороной», повели бы свое дело с еще не «истраченным» правом доказывания.

В условия справедливого суда входит «*право получить судебное “определение” спора*» (*Kutić v. Croatia* [2002] ECHR 297, § 25; *Multiplex v. Croatia* [2003] ECHR 351, § 45). Всеобщая декларация прав человека (статья 10) признает право каждого на то, чтобы суд рассмотрел дело об «*определении его прав и обязанностей*». Им и завершается справедливый суд. Но поскольку в деле России нет окончательного определения ее обязанностей перед «жертвами» из числа акционеров ЮКОСа, то и судебное решение о компенсации в споре с ними она не получила.

2.6. Россия, соблюдая свою Конституцию и принципы международного права, не может принять к исполнению второе постановление ЕСПЧ в части компенсации на тех же основаниях, как если бы дело ее завершилось судебным актом в статусе *res judicata*. Предписание об этой уплате имеет отношение к спору о нарушении прав, облечено в процессуальную форму и кому-то кажется правильным в известном смысле. Но принято оно в отношении прав посторонних для дела лиц и поручает условно-виновному нарушителю самому установить пострадавших по своему делу и назначить им размер возмещения. В строгом смысле это не позволяет считать его судебным постановлением, а Россию — обязанной к уплате компенсации по суду, даже если бы она что-то и сделала из уважения к акту, исходящему от ЕСПЧ.

Конечно, такая деятельность со стороны судов непривычна, но требовательную модельность подобного предписания можно даже уважать, поскольку оно не лишено поддержки среди институтов и участников важного международного объединения. Может быть, и не нужно видеть в нем неправосудный ничтожный акт. Ведут же суды диалог между собой и с другими институтами, предписывают «меры общего характера» без конвенционных на то оснований, создают и заявляют на будущее нормативно-доктринальные позиции, инициативы и т. п. Не настаивая на правосудности, в актах такого рода можно предположить нечто обязывающее, но на иных, конечно, условиях, чем обязательность исполнения судебных актов по принципу *res judicata*.

В них можно видеть повод что-то серьезное предпринять ввиду случившихся разногласий, в которых лучше на чем-то сойтись, нежели резко спорить. Не исключено, что Россия свяжет несудебные последствия дела ЮКОСа с успехами или упущениями своего представительства и с прочими обстоятельствами, определяя и корректируя по ним свои целесообразные действия, но не только свои, разумеется. В Совете Европы тоже есть что учесть и обдумать ради справедливости и европейского консенсуса.

2.7. Есть что обсудить и в части судебных издержек (300 тыс. евро), по которым второе постановление решительно отличается в составе получателей и в конвенционных основаниях от предписаний о платежах акционерам ЮКОСа. «В отличие от статьи 41 Конвенции, которая применяется лишь в случае, если Суд объявляет, что имело место нарушение. ...Пункт 4 правила 43 Регламента разрешает Суду присуждать заявителю исключительно возмещение судебных расходов» (Сысоева и др. против Латвии, № 60654/00, § 132; Кафтаилова против Латвии, № 59643/00, § 57).

Издержки Суд назначил в пользу фонда «ЮКОС интернэшнл», который, пусть и в неясном статусе, все же участвовал в деле, в отличие от посторонних для дела акционеров. Распределение (назначение) издержек непосредственно связано с тем, что состоялся судебный акт. Обязанность их платить лишь косвенно обусловлена установленным нарушением и возникает не из того, что оно состоялось, а из того, что Суд объявил его уста-

новленным. Принятое решение само по себе дает основание распределить процессуальные расходы; основание это остается в силе, пока не пересмотрен судебный акт. На российской стороне нет инстанций с правом пересмотреть акт ЕСПЧ, и даже неисполнение формально его не отменит. ЕСПЧ проводит разницу между справедливой компенсацией и компенсацией издержек, например, в постановлении от 22 марта 2016 года (Мохамад Аль-Хадрави против России, № 1807/15, § 19), где Суд исключил жалобу из списка дел, но присудил заявителю возмещение издержек.

3. Не обязательно, но не лишне учесть, что исполнение второго постановления омрачают не только принципиальные, но и конвенционно-процессуальные препятствия с последствиями, которых стоило бы избежать ради Европейской Конвенции, правосудия и верности прецедентам ЕСПЧ.

3.1. Согласно статье 34 Конвенции для принятия Судом индивидуальной жалобы нужно, чтобы сами заявители «утверждали, что явились жертвами нарушения». По «делу ЮКОСа» Суд не принимал жалоб от акционеров, аттестующих жертвами лично себя. Конвенция (подпункт «а» пункта 2 статьи 35) не позволяет принимать анонимные (безымянные) жалобы, тем самым исключая и принятие решений в пользу неизвестных лиц.

Без надлежащего заявителя и представительства Суд не рассматривает дел, и государство-участник вправе ожидать, что решение будет принято на таких условиях. В этих правомерных ожиданиях нельзя отказать, особенно если ЕСПЧ поддерживает их непрерывной практикой. Свою практику ЕСПЧ считает прецедентной и, видимо, обязательной прежде всего для себя. Суд отказывает в рассмотрении дел за отсутствием заявителя по *res personae* и даже в случае смерти предполагаемой жертвы не принимает решения, а исключает жалобу из списка ввиду «отсутствия сведений о возможном наличии родственников, которые могли бы желать продолжения рассмотрения жалобы» (Лем против России, 17 мая 2016 года, № 30411/14). Если заявитель был и не оставил по делу правопреемников, Суд не выясняет, есть ли признаки конвенционного нарушения, и не принимает решения, даже если оставшийся представитель желал бы, чтобы оно состоялось. Так, постановлением от 24 мая 2016 года ЕСПЧ исключил

из списка жалобу ввиду того, что представитель умершего не относится к его родственникам и наследникам (Чиянова против России, № 25085/05).

Обращение с жалобами без решения (согласия) жертвы исключает и Регламент ЕСПЧ: согласно его правилу 45 («Подписи») жалобы на основании статей 33 или 34 Конвенции подаются в письменном виде и скрепляются подписью заявителя или его представителя (пункт 1), а в силу Правила 47 жалобы, поданные на основании статьи 34 Конвенции, должны содержать полное имя, дату рождения, гражданство, пол, род занятий и адрес заявителя (для юридических лиц – наименование, дату создания или регистрации, подпункт «а» пункта 1); анонимность считается «отступлением от правила о публичном доступе к информации о производстве по делу» и возможна лишь по отдельному решению Суда (пункт 3). Таким образом, конвенционное право обязывает определить поименно лиц, которым Суд присуждает выплаты, что делает невозможным присуждение компенсации в пользу безымянных групп.

3.2. Конвенция допускает множественность на стороне заявителей, предусматривая право жалобы группы лиц (статья 34). Она не исключает и процессуального соучастия, как и поручения одному или нескольким заявителям действовать в пользу группы (пункт 2 Правила 45 Регламента Европейского Суда). Это, однако, не меняет качество жалобы в смысле личного обращения, поскольку и при групповом обращении Конвенция позволяет Суду принять решение лишь по индивидуальным жалобам с поименным присуждением компенсаций. Согласно Практическим инструкциям при «более чем пяти заявителях представитель должен предоставить... таблицу, в которой указывается информация о каждом из заявителей» (пункт 15 Раздела «Возбуждение дела, Индивидуальные жалобы на основании статьи 34 Конвенции»). Суд уверенно поддерживает эту практику (см., напр.: постановление от 16 февраля 2016 года «Евдокимов и другие против России»).

В статье 34 «группа частных лиц» записана по-английски как *group of individuals claiming to be a victim of a violation*, что исключает жалобу в защиту неиндивидуализированной общности. Иное позволяло бы энтузиастам жаловаться от лица переменного состава субъек-

тов, образующих, например, муниципальное сообщество, социальное меньшинство или даже большинство граждан, выдавая их за группу. Это делало бы Суд наднациональным ведомством с правом принимать решения в пользу политической нации вместо ее властей и вопреки их демократическому мандату. Россия не вступала в Конвенцию на условиях, которые узаконили бы такую возможность, и не может признавать прецеденты, где она получила бы перспективу.

3.3. В деле может участвовать (вступить в него) «третья сторона» (статья 36), но только если это государство, гражданин которого является заявителем, либо если Председатель Суда пригласит в качестве «третьей стороны» заинтересованное лицо. «Потерпевшую сторону», как именовал акционеров Суд, в дело не приглашали, и стороной она не была – ни третьей, ни основной.

Обращаться с жалобой в интересах третьих лиц Конвенция позволяет лишь Сторонам-государствам в пользу своих граждан (статья 33 «Межгосударственные дела»). Именно в межгосударственном деле Суд уподобил требования Кипра дипломатической защите своих граждан и обязал Турцию выплатить 90 млн евро государству-заявителю, чтобы оно распределило компенсацию среди лиц, потерпевших от военных операций («Кипр против Турции», постановления от 10 мая 2001 года и от 12 мая 2014 года № 25781/94).

Акционеры – участники, а не «граждане» компаний, и те несопоставимы с государством даже по аналогии. За государством конвенционный и конституционный мандат, который дает ему право и обязывает его в рамках отношений гражданства дать гражданам покровительство (защиту), а те вправе его получить. Он и позволяет государству защищать граждан в ЕСПЧ без их отдельного обращения и поручения. Едва ли акционеры согласятся считать компанию покровителем, которому они обязаны верностью как суверену, не исключая наказания за измену. Для акционеров компания – лишь контрагент по отдельным обязательствам, что исключает ее участие в межгосударственном деле за неимением на то правоспособности.

К тому же в межгосударственных делах Суд назначает компенсацию конкретному государству с обязанностью распределить ее среди известных государству-заявителю постра-

давших, но не поручает государству-нарушителю распределять ее своими решениями.

3.4. Исполняя второе постановление, Россия не могла бы следовать правилам рассмотрения открытых (коллективных) жалоб, ибо их нет ни в Конвенции, ни в практике ЕСПЧ, и даже национальное право она не смогла бы применить в опережающей инициативе. Так, по правилам главы 28² Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации рассмотрение дел о защите прав группы лиц, включая корпоративные споры (статья 225¹¹), обусловлено их присоединением, т. е. личным участием (часть 3 статьи 225¹⁰, части 2–5 статьи 225¹², часть 3 статьи 225¹⁶). Это общий стандарт в разрешении открытых исков по праву различных стран, где условия *opt-in* («можно войти») или *opt-out* («возможность выйти») дают группе определенность, чтобы участники дела лично были связаны последствиями решения, включая установленные судом обстоятельства (часть 2 статьи 225¹⁷ АПК Российской Федерации). Иначе судебное решение нельзя ни принять, ни правомерно его исполнить.

3.5. ЕСПЧ не присуждает компенсаций акционерам по жалобе компании и даже по собственному их обращению, пока они не обоснуют причинение вреда лично им. Жалобу акционеров Суд не исключает, только если компания сама не могла обратиться с жалобой, однако компания «ЮКОС» обратилась в Суд сама. Продолжая позицию Европейской комиссии, известную по решению от 5 июля 1993 года («Пиреш да Силва и Перейра против Португалии», № 19157/91), Суд своими решениями напоминал, что лицо не может жаловаться на нарушение его прав в ходе разбирательства, где оно не было стороной, хотя и было акционером и/или исполнительным директором компании, которая являлась стороной разбирательства (решения «Носов против России» от 20 октября 2005 года, № 30877/02; «Ф. Сантуш Лда.» и Фашадас против Португалии» от 19 сентября 2000 года, № 49020/99; «Савенко против России» от 14 июня 2007 года, № 28639/03).

В постановлении от 4 октября 2011 года («Нассау верзекеринг матсхапей Н. В. против Нидерландов», № 57602/09) ЕСПЧ решил, что заявителям следовало обосновать «прямую связь» между собой и причиненным вредом, а в постановлении от 15 ноября 2011 года («Панэ и др.

против Румынии», № 3240/03) признал неприемлемой жалобу тринадцати акционеров, которые утверждали, что принудительная ликвидация Международного банка религий (BIR) была мошеннической, и ссылались на доклад антикоррупционных комитетов палат парламента, связавших ликвидацию BIR с действиями правительства, Национального банка и судей.

Приведенная практика имеет прочные материально-правовые основания в статье 1 Протокола № 1, которая защищает право «на безопасное пользование *своим* имуществом», а не чужим (*right to the peaceful enjoyment of his possessions*). Имущество же акционерного общества принадлежит акционерам.

3.6. В решениях по делу ЮКОСа ничто не говорит о том, что акционеры оспаривали в российских судах нарушение своих прав вследствие ликвидации (банкротства) компании, тогда как пункт 1 статьи 35 Конвенции позволяет рассматривать жалобу и, стало быть, принимать по ней решение, если исчерпаны внутренние средства защиты (*domestic remedies*). Следовательно, в этом смысле Россия не может исходить из того, что ей по приемлемой жалобе акционеров присуждена уплата справедливой компенсации в их пользу.

3.7. В телеологии видят иногда решающий способ трактовать Конвенцию, и на слушании дела эта идея звучала. Но если отвлечься от философских коннотаций, телеология обернется простой целесообразностью, где главное – подчинить решение целям и действовать в заданном направлении по принципу «как лучше». «Лучшее», между тем, существует не само по себе, а в чьих-нибудь предпочтениях, и цель обычно – это чья-нибудь цель. Цели субъективны и оттого подвижны, а при смене и расхождении интересов непременно в чем-то расходятся. Даже в Совете Европы цели участников вряд ли безоговорочно и непрерывно совпадают, а общность Сторон обеспечивает не столько постоянство единых целей, сколько соблюдение правил, в которых все-таки можно сойтись, если не уходить от собственного их смысла чересчур далеко.

Совет Европы, согласно Уставу, учрежден не только в защиту гражданской свободы, но и для «верховенства Права». Верховенство – не только торжественное величие, но и довольно простое отношение, где на одной стороне господство, а на другой – подчинение. При верховенстве Права его правилам подчи-

няются и принимают их последствия, в том числе неприятные, даже если крупная цель велит их переиначить или от них отступить. Верховенство Права неубедительно, когда цель уважают больше правил и простое их соблюдение кажется делом второстепенным и невзрачным. Даже подчиняя правила великим целям самого Права, например конвенционного, можно ненароком примешать к его объективной целесообразности свои благие намерения, которые всегда найдутся, например, ввиду важных социальных расходов. Назначение «справедливой компенсации» тоже можно принять за насущную конвенционную цель и, предопределив ею решение, перетолковать ради нее конвенционные правила либо отложить их на время, пока они мешают этой цели исполниться. В России эффекты правящей целесообразности известны по опыту тяжного социализма, который поставил суд и закон на службу и когда угодно откладывал их в сторону ради целей.

Суду трудно остаться не задетым влиятельной телеологией, но нельзя уходить в эту ориентацию. В ней заметны симптомы безотчетного неприятия правосудия, права которого кажутся бедными, а границы — тесными, и нужно их раздвинуть, добавляя актам суда распорядительной широты, маневра, политического веса, поддержки и полезного смысла. Но в целесообразности суд не найдет верных оснований своим решениям и, смещаясь в ее координаты, ставит себя в общий ряд с политическими, административными, финансовыми инстанциями, с которыми ему не сравняться в части благоусмотрения. В пространстве правил он имеет уверенную опору, а его решения — не имеют равных себе. Полезные и важные цели довлеют над всеми, каждому велят поступать «как лучше», и ни у кого нет от них такой свободы, какую право дает суду, чтобы правосудие совершалось не для чего-нибудь предрешенного и не как «хотелось бы», а «как следует» и по правилам.

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**10 февраля
2017 года,
город Санкт-
Петербург**

№ 2-П

по делу о проверке конституционности положений статьи 212¹ Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, С. М. Казанцева, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева,

с участием представителей гражданина И. И. Дадина – адвокатов С. А. Голубка, К. Л. Костроминой и А. Е. Липцера, полномочного представителя Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации Т. В. Касаевой, полномочного представителя Совета Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации А. А. Клишаса, полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М. В. Кротова,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности положений статьи 212¹ УК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина И. И. Дадина. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика С. Д. Князева, объяснения представителей сторон, выступления приглашенных в заседание полномочного представителя Правительства Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М. Ю. Барщевского, а также представителей: от Министерства юстиции Российской Федерации – М. А. Мельниковой, от Министерства внутренних дел Российской Федерации – Г. В. Марьяна, от Генерального прокурора Российской Федерации – Т. А. Васильевой, от Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации – И. Н. Соловьева, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. В соответствии со статьей 212¹ УК Российской Федерации нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования, если это деяние совершено неоднократно, наказывается штрафом в размере от шестисот тысяч до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух до трех лет, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок от одного года до двух лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на тот же срок. При этом нару-

шением установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования, совершенным лицом неоднократно, признается, согласно примечанию к данной статье, нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования, если это лицо ранее привлекалось к административной ответственности за совершение административных правонарушений, предусмотренных статьей 20.2 КоАП Российской Федерации, более двух раз в течение ста восьмидесяти дней.

1.1. Постановлениями Тверского районного суда города Москвы от 4 сентября 2014 года, от 23 сентября 2014 года и от 26 сентября 2014 года И. И. Дадин за совершение административных правонарушений, выразившихся в участии в публичных мероприятиях, которые без предварительного уведомления органов исполнительной власти города Москвы проводились на Манежной площади, – пикетированиях (23 августа 2014 года и 13 сентября 2014 года) и митинге (6 августа 2014 года), на основании части 5 статьи 20.2 КоАП Российской Федерации был подвергнут административному наказанию в виде административных штрафов в размере 10 тысяч рублей, 15 тысяч рублей и 10 тысяч рублей соответственно. Решениями Московского городского суда от 16 марта 2015 года постановления суда первой инстанции от 4 сентября 2014 года и от 23 сентября 2014 года оставлены без изменения, а поданные в интересах И. И. Дадина жалобы на эти постановления – без удовлетворения. Постановление от 26 сентября 2014 года не обжаловалось и вступило в законную силу 7 октября 2014 года.

5 декабря 2014 года И. И. Дадин в очередной раз принял участие в не согласованном с органами исполнительной власти города Москвы публичном мероприятии в форме шествия, участники которого, развернув баннер размером 3 × 1,5 метра, перекрыли движение транспортных средств и прошли с зажженными файерами по проезжей части Мясницкой улицы от дома № 24 до дома № 20, в связи с чем в отношении заявителя сотрудниками органов внутренних дел был составлен протокол об административном правонарушении, предусмотренном частью 6¹ статьи 20.2 КоАП Российской Федерации. Басманный районный суд города Москвы, исходя из того, что на момент участия в указанном публичном мероприятии И. И. Дадин уже более двух раз привлекался к административной ответственности за совершение административных правонарушений, предусмотренных статьей 20.2 КоАП Российской Федерации, расценил его действия как подпадающие под признаки преступления, предусмотренного статьей 212¹ УК Российской Федерации, и постановлением от 30 января 2015 года производство по делу об административном правонарушении, предусмотренном частью 6¹ статьи 20.2 КоАП Российской Федерации, в отношении него прекратил и направил дело в орган предварительного расследования. 29 апреля 2015 года старшим следователем территориального органа Следственного комитета Российской Федерации в отношении И. И. Дадина было возбуждено уголовное дело (№ 385577) в связи с наличием в его деянии, выразившемся в участии 5 декабря 2014 года в шествии по Мясницкой улице, признаков преступления, предусмотренного статьей 212¹ УК Российской Федерации.

15 января 2015 года И. И. Дадин вновь участвовал в публичном мероприятии в форме митинга, проводившемся без предварительного согласования с органами исполнительной власти города Москвы на Манежной площади, что послужило основанием для составления в отношении него протокола об административном правонарушении и вынесения Тверским районным судом города Москвы постановления от 16 января 2015 года (оставлено без изменения решением Московского городского суда от 12 марта 2015 года), которым он был признан виновным в совершении административного правонарушения.

тивного правонарушения, предусмотренного частью 5 статьи 20.2 КоАП Российской Федерации, с назначением административного наказания в виде административного штрафа в размере 20 тысяч рублей. Наряду с этим в отношении И. И. Дадина по факту его участия в несогласованном митинге, состоявшемся 15 января 2015 года, было возбуждено уголовное дело (№ 385554) по признакам преступления, предусмотренного статьей 212¹ УК Российской Федерации. Принимая такое решение, заместитель руководителя территориального органа Следственного комитета Российской Федерации руководствовался тем, что в течение ста восьмидесяти дней до указанной даты (6 августа, 23 августа и 13 сентября 2014 года) И. И. Дадин уже привлекался к административной ответственности за совершение административных правонарушений, предусмотренных статьей 20.2 КоАП Российской Федерации (постановление от 27 января 2015 года).

В дальнейшем возбужденные в отношении И. И. Дадина уголовные дела (№ 385554 и № 385577) были соединены в одно производство и ему было предъявлено обвинение по двум эпизодам совершения деяния, предусмотренного статьей 212¹ УК Российской Федерации (5 декабря 2014 года и 15 января 2015 года). Однако, учитывая, что за участие в несогласованном митинге, состоявшемся 15 января 2015 года, И. И. Дадин был подвергнут административному наказанию, уголовное преследование в отношении него было частично прекращено в связи с отсутствием в его действиях, имевших место 15 января 2015 года, состава преступления (постановление следователя от 24 июня 2015 года).

Приговором Басманного районного суда города Москвы от 7 декабря 2015 года И. И. Дадин признан виновным в неоднократном нарушении установленного порядка проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия и пикетирования, т. е. в совершении преступления, предусмотренного статьей 212¹ УК Российской Федерации, и ему назначено наказание в виде трех лет лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии общего режима. Апелляционным постановлением Московского городского суда от 31 марта 2016 года приговор был частично изменен в связи с исключением из него указания на осуждение И. И. Дадина за нарушение порядка проведения собрания и демонстрации; назначенное судом первой инстанции наказание снижено до двух лет шести месяцев лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии общего режима; в остальной части приговор оставлен без изменения. Постановлением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2016 года в пересмотре указанных приговора Басманного районного суда города Москвы и апелляционного постановления Московского городского суда отказано.

1.2. Как следует из статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации, проверяя по жалобе гражданина конституционность законоположений, примененных в деле заявителя, рассмотрение которого завершено в суде, и затрагивающих конституционные права и свободы, на нарушение которых он ссылается, принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм; при принятии решения Конституционный Суд Российской Федерации не связан основаниями и доводами, изложенными в жалобе.

Нарушение статьей 212¹ УК Российской Федерации своих прав, гарантированных статьями 1 (часть 1), 15 (часть 4), 17 (часть 1), 18, 19 (часть 1),

29 (части 1 и 3), 31, 48, 49 (часть 1), 50 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, гражданин И. И. Дадин усматривает в том, что ее положения:

предполагают привлечение лица к уголовной ответственности за нарушения установленного порядка организации либо проведения публичных мероприятий, имеющих мирный характер, исключительно на основании неоднократности таких нарушений;

допускают возможность назначения лицу уголовного наказания в виде лишения свободы за действия, не повлекшие причинения вреда здоровью человека или имуществу и не создавшие угрозу безопасности населения и окружающей среде, а также не устанавливают дифференцированный подход к назначению уголовного наказания сообразно степени общественной опасности деяния и неблагоприятных последствий его совершения;

позволяют использовать в качестве доказательств по уголовному делу в отношении лица, привлекаемого к уголовной ответственности, материалы дел об административных правонарушениях, полученные без участия защитника;

допускают возбуждение уголовного дела за неоднократное нарушение лицом порядка организации либо проведения публичных мероприятий до вступления в законную силу всех вынесенных в отношении этого лица судебных актов, которыми он был признан виновным в совершении административных правонарушений, предусмотренных статьей 20.2 КоАП Российской Федерации.

Соответственно, статья 212¹ УК Российской Федерации является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку ее положения в системе действующего правового регулирования служат основанием для решения вопроса о наличии в деянии признаков уголовно-противоправного нарушения установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования и о применении к совершившему это деяние лицу уголовного наказания в виде лишения свободы.

2. Конституция Российской Федерации гарантирует гражданам Российской Федерации право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование (статья 31).

Обращаясь к вопросу о конституционном содержании данного права, являющегося одним из базовых и неотъемлемых элементов правового статуса личности в Российской Федерации как демократическом правовом государстве, в числе основ конституционного строя которого признаются идеологическое и политическое многообразие и многопартийность и на котором лежит обязанность обеспечивать защиту, включая судебную, прав и свобод человека и гражданина (статья 1, часть 1; статья 2; статья 13, части 1 и 3; статья 18; статья 45, часть 1; статья 46, части 1 и 2; статья 64 Конституции Российской Федерации), Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях (постановления от 18 мая 2012 года № 12-П, от 14 февраля 2013 года № 4-П, от 13 мая 2014 года № 14-П и др.) сформулировал следующие правовые позиции:

во взаимосвязи с иными правами и свободами, перечисленными в Конституции Российской Федерации, прежде всего в ее статьях 29, 30, 32 и 33, названное право обеспечивает гражданам реальную возможность посредством проведения публичных мероприятий (собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирования) оказывать влияние на организацию и осуществление публичной власти и тем самым способствовать поддержанию мирного диалога между гражданским обществом и государством, что не исключает протестного характера таких публичных мероприятий,

который может выражаться в критике как отдельных действий и решений органов государственной власти и органов местного самоуправления, так и проводимой ими политики в целом. Соответственно, предполагается, что реагирование публичной власти на подготовку и проведение собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирования должно быть нейтральным и во всяком случае – вне зависимости от политических взглядов их инициаторов и участников – нацеленным на обеспечение условий (как на уровне законодательного регулирования, так и в правоприменительной деятельности) для правомерного осуществления гражданами и их объединениями права на свободу мирных собраний, в том числе путем выработки четких правил их организации и проведения, не выходящих за рамки допустимых ограничений прав и свобод граждан в демократическом правовом государстве;

исходя из провозглашенной в преамбуле Конституции Российской Федерации цели утверждения гражданского мира и согласия и незыблемости демократической основы суверенной государственности России, а также учитывая, что в силу своей природы публичные мероприятия (собрания, митинги, демонстрации, шествия и пикетирование) могут затрагивать права и законные интересы широкого круга лиц – как участников публичных мероприятий, так и лиц, в них непосредственно не участвующих, – государственная защита гарантируется только праву на проведение мирных публичных мероприятий, которое тем не менее может быть ограничено федеральным законом в соответствии с критериями, предопределяемыми требованиями статей 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, на основе принципа юридического равенства и вытекающего из него принципа соразмерности, т. е. в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства;

такой подход согласуется с общепризнанными принципами и нормами международного права, в том числе закрепленными во Всеобщей декларации прав человека, согласно пункту 1 статьи 20 которой каждый человек имеет право на свободу мирных собраний, в Международном пакте о гражданских и политических правах, статья 21 которого, признавая право на мирные собрания, допускает введение обоснованных его ограничений, налагаемых в соответствии с законом и необходимых в демократическом обществе в интересах государственной или общественной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения или защиты прав и свобод других лиц, и в Конвенции о защите прав человека и основных свобод, особо оговаривающей в статье 11, что осуществление права на свободу мирных собраний не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц.

Европейский Суд по правам человека в своей практике применения статьи 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод последовательно руководствуется тем, что в демократическом обществе свобода собраний является фундаментальным правом и наряду со свободой мысли, совести и религии составляет основу такого общества, не подлежащую ограничительному толкованию (постановления от 25 мая 1993 года по делу «Коккинакис (*Kokkinakis*) против Греции», от 20 февраля 2003 года по делу «Джавит Ан (*Djavit An*) против Турции», от 23 октября 2008 года по делу «Сергей Кузнецов против России», от 5 марта 2009 года по делу «Баррако (*Barraco*)

против Франции» и др.); оно касается как закрытых, так и публичных собраний, а равно собраний в определенном месте и публичных шествий и может осуществляться отдельными их участниками и организаторами, а также иными лицами, оказавшимися в месте их проведения (постановления от 31 марта 2005 года по делу «Адали (*Adali*) против Турции», от 15 ноября 2007 года по делу «Галстян (*Galstyan*) против Армении» и др.); государство, в свою очередь, должно воздерживаться от применения произвольных мер, могущих нарушить право на мирные публичные акции, и не обладает полной свободой действий даже в случае нарушения их участниками установленных правил проведения собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирования (постановления от 26 июля 2007 года по делу «Баранкевич против России», от 12 июня 2014 года по делу «Примов и другие против России» и др.); правила, регулирующие порядок публичных собраний, включая требование предварительного уведомления, имеют существенное значение для спокойного проведения публичных мероприятий, позволяя властям минимизировать помехи уличному движению и принять иные меры безопасности, но их исполнение не может быть самоцелью и не должно создавать скрытые препятствия для реализации защищаемой Конвенцией свободы мирных собраний (решение от 17 ноября 2009 года по делу «Раи и Эванс (*Rai and Evans*) против Соединенного Королевства», постановление от 3 октября 2013 года по делу «Каспаров и другие против России» и др.); публичные власти должны проявлять определенную толерантность по отношению к мирным собраниям даже тогда, когда они могут вызвать некоторое нарушение обыденной жизни, включая помехи уличному движению, поскольку иначе свобода собраний лишилась бы своего существа (постановления от 17 мая 2011 года по делу «Акгел и Гел (*Akgol and Gol*) против Турции», от 10 июля 2012 года по делу «Берладир и другие против России» и др.); любые меры, препятствующие свободе собраний и свободе выражения мнений, кроме случаев подстрекательства к насилию или нарушения демократических принципов, оказывают демократии плохую услугу и даже угрожают ей (постановления от 24 июля 2012 года по делу «Фабер (*Faber*) против Венгрии», от 15 мая 2014 года по делу «Тараненко против России» и др.).

Вмешательство публичных властей в свободу мирных собраний, если оно не предусмотрено законом, не преследует одну или несколько законных целей, перечисленных в статье 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, и не является необходимым в демократическом обществе для достижения одной из этих целей, расценивается Европейским Судом по правам человека как нарушение данной статьи (постановления от 14 февраля 2006 года по делу «Христианско-демократическая народная партия (*Christian Democratic People's Party*) против Молдовы», от 27 января 2009 года по делу «Самют Карабулут (*Samut Karabulut*) против Турции» и др.); реальное уважение свободы собраний не может быть сведено к обязанности невмешательства со стороны государства в ее осуществление, — оно должно быть дополнено позитивным обязательством обеспечивать эффективную реализацию этого права, с тем чтобы гарантировать нормальное проведение любого публичного мероприятия политического, культурного или иного характера, которое приобретает особое значение для лиц, придерживающихся непопулярных взглядов или принадлежащих к меньшинствам (постановления от 2 июля 2002 года по делу «Уилсон и Национальный союз журналистов (*Wilson and the National Union of Journalists*) и другие против Соединенного Королевства», от 20 октября 2005 года по делу «Политическая партия «Уранио Токсо» (*Ouranio Toxo*) и другие против Греции», от 21 октября 2010 года по делу «Алексеев против России» и др.); для ограничения поли-

тических выступлений или выступлений по иным важным вопросам общественной жизни необходимы веские причины, при отсутствии которых такие ограничения могут негативно сказаться на общем уважении свободы самовыражения (постановления от 12 июля 2001 года по делу «Фельдек (Feldek) против Словакии», от 14 декабря 2006 года по делу «Карман против России» и др.).

Предпринимаемые органами государственной и муниципальной власти в целях надлежащего обеспечения свободы мирных собраний законодательные, административные, организационные и иные усилия, основное предназначение которых – создание условий для правомерного осуществления соответствующих гражданских инициатив, не должны приводить к установлению чрезмерного контроля за деятельностью организаторов и участников публичных мероприятий, сопряженного с необоснованными ограничениями свободного проведения собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирования. Вместе с тем в случаях, когда организаторы или участники публичного мероприятия ведут себя деструктивно, в частности явно намереваются совершить или, более того, совершают какие-либо действия, угрожающие общественному порядку или общественной безопасности, государство – во исполнение своей конституционной обязанности по защите прав и свобод человека и гражданина и принимая во внимание природу гарантированного статьей 31 Конституции Российской Федерации права, предполагающую исключительно мирный способ выражения гражданами своих взглядов и их доведения до заинтересованных адресатов, – должно использовать для недопущения и пресечения проявлений, не отвечающих существу права на мирные собрания, все законные средства.

Таким образом, находящееся под защитой Конституции Российской Федерации и названных международно-правовых актов, являющихся в силу ее статьи 15 (часть 4) составной частью правовой системы России, право граждан Российской Федерации собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование не обладает абсолютным характером и может быть ограничено федеральным законом в целях охраны конституционно значимых ценностей при обязательном соблюдении принципов необходимости, пропорциональности и соразмерности, с тем чтобы вводимые ограничения не посягали на само существо данного конституционного права и не препятствовали открытому и свободному выражению гражданами своих взглядов, мнений и требований посредством цивилизованной организации и проведения мирных публичных акций. Соответственно, такой федеральный закон должен обеспечивать возможность полноценной реализации права на свободу мирных собраний и одновременно – соблюдение надлежащего общественного порядка и безопасности без ущерба для здоровья и нравственности граждан на основе баланса интересов организаторов и участников публичных мероприятий, с одной стороны, и третьих лиц – с другой, исходя из необходимости государственной защиты прав и свобод всех лиц (как участвующих, так и не участвующих в публичном мероприятии), в том числе путем введения адекватных мер предупреждения и предотвращения нарушений общественного порядка и безопасности, прав и свобод граждан, а также установления эффективной публично-правовой ответственности за действия, их нарушающие или создающие реальную угрозу их нарушения.

3. Определяя порядок реализации гражданами и их объединениями права на свободу собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирования, федеральный законодатель, как это следует из статей 6 (часть 2), 15 (часть 2), 17 (часть 3), 31, 55 (часть 3), 71 (пункты «в», «о») и 76 (часть 1) Конституции Российской Федерации в их взаимосвязи, правомочен уста-

навливать за нарушение правил организации и проведения публичных мероприятий меры уголовного принуждения, соблюдая при этом общие принципы юридической ответственности, которые имеют универсальное значение и по своей сути относятся к основам конституционного порядка.

По смыслу правовых позиций, ранее сформулированных Конституционным Судом Российской Федерации (постановления от 15 июля 1999 года № 11-П, от 19 марта 2003 года № 3-П, от 13 июля 2010 года № 15-П, от 17 января 2013 года № 1-П, от 29 ноября 2016 года № 26-П и др.), при нормативном регулировании оснований, условий и сроков привлечения к юридической ответственности следует учитывать, что:

юридическая ответственность может наступать только за те деяния, которые законом, действующим на момент их совершения, признаются правонарушениями; использование различных видов юридической ответственности должно согласовываться с конституционными принципами демократического правового государства, включая требование справедливости, в его взаимоотношениях с физическими и юридическими лицами как субъектами ответственности; общепризнанным принципом привлечения к ответственности во всех отраслях права является наличие вины — либо доказанной, либо презюмируемой, но опровержимой — как элемента субъективной стороны состава правонарушения, а всякое исключение из него должно быть выражено прямо и недвусмысленно, т. е. предусмотрено непосредственно в законе;

закрепляя и изменяя составы правонарушений и меры ответственности за их совершение, федеральный законодатель связан вытекающими из статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации критериями необходимости, пропорциональности и соразмерности ограничения прав и свобод граждан конституционно значимым целям, а также обязан соблюдать гарантированное статьей 19 (часть 1) Конституции Российской Федерации равенство всех перед законом, означающее, что любое правонарушение и санкции за его совершение должны быть четко определены в законе, причем таким образом, чтобы исходя непосредственно из текста соответствующей нормы — в случае необходимости с помощью толкования, данного ей судами, — каждый мог предвидеть правовые последствия своих действий (бездействия);

конституционные требования справедливости и гуманизма предопределяют необходимость дифференциации юридической ответственности в зависимости от существенных обстоятельств, влияющих на выбор той или иной меры государственного принуждения, а потому, предусматривая для совершивших правонарушение лиц конкретный вид юридической ответственности, федеральный законодатель обязан соотносить его с характером правонарушения, опасностью для находящихся под охраной закона ценностей, личностью и степенью вины правонарушителя, гарантируя тем самым адекватность порождаемых последствий тому вреду, который причинен в результате правонарушения, не допуская избыточного государственного принуждения и обеспечивая баланс прав привлекаемого к ответственности гражданина и публичного интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от противоправных посягательств;

виды юридической ответственности и сопутствующие им наказания должны обладать разумным сдерживающим потенциалом, достаточным для соблюдения соответствующих запретов (ограничений); в противном случае их применение не будет отвечать предназначению государственного принуждения, которое, по смыслу статей 1 (часть 1), 2, 17 (часть 3), 18 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, заключается, главным образом, в превентивном использовании присущих ему юридических средств для защиты

прав и свобод человека и гражданина, иных конституционно признаваемых ценностей гражданского общества и правового государства;

в случаях, когда предусматриваемые законом меры публично-правовой ответственности перестают отвечать социальным реалиям, приводя к ослаблению защиты конституционно значимых ценностей или, напротив, к избыточному применению государственного принуждения, федеральный законодатель вправе обеспечить их приведение в соответствие с новыми социальными реалиями, соблюдая при этом конституционные принципы равенства, справедливости и гуманизма.

В сфере уголовно-правового регулирования — в силу статьи 54 (часть 2) Конституции Российской Федерации, основанной на принципе *nullum crimen, nulla poena sine lege* (нет преступления, нет наказания без указания на то в законе), — особое значение приобретает требование определенности правовых норм, поскольку, как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, уголовное законодательство является по своей природе крайним (исключительным) средством, с помощью которого государство реагирует на факты противоправного поведения в целях охраны общественных отношений, если она не может быть обеспечена должным образом с помощью правовых норм иной отраслевой принадлежности; соответственно, уголовная ответственность может считаться законно установленной лишь при условии, что она соразмерна характеру и степени общественной опасности криминализируемого противоправного деяния, а его составообразующие признаки, наличие которых в совершенном деянии, будучи основанием уголовной ответственности, позволяет отграничивать его от иных противоправных, а тем более законных деяний, точно и недвусмысленно определены в уголовном законе, непротиворечиво вписываемся в общую систему правового регулирования (постановления от 27 мая 2008 года № 8-П, от 13 июля 2010 года № 15-П, от 17 июня 2014 года № 18-П, от 16 июля 2015 года № 22-П и др.).

При установлении уголовно-правовых санкций федеральный законодатель не может игнорировать и предписание статьи 50 (часть 1) Конституции Российской Федерации, которая в соответствии с общепризнанным принципом *non bis in idem* запрещает осуждение кого-либо дважды за одно и то же преступление, что в полной мере согласуется с Международным пактом о гражданских и политических правах, исключающим вторичное осуждение или наказание лица за преступление, за которое оно уже было окончательно осуждено или оправдано в соответствии с законом и уголовно-процессуальным правом каждой страны (пункт 7 статьи 14), и с Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, гарантирующей, что лицо не должно быть повторно судимо или наказано в уголовном порядке в рамках юрисдикции одного и того же государства за преступление, за которое оно уже было окончательно оправдано или осуждено в соответствии с законом и уголовно-процессуальными нормами этого государства (пункт 1 статьи 4 Протокола № 7).

Как указывал Конституционный Суд Российской Федерации, принцип *non bis in idem* — в его конституционно-правовой интерпретации, учитывающей отправные положения Уголовного кодекса Российской Федерации, в частности содержащиеся в его статьях 3, 5, 6, 8 и 14, — означает, что уголовным законом должна быть исключена возможность повторного осуждения и наказания лица за одно и то же преступление, квалификации одного и того же преступного события по нескольким статьям уголовного закона, если содержащиеся в них нормы соотносятся между собой как общая и специальная или как целое и часть, а также двойного учета одного и того же обстоятельства (судимости, совершения преступления лицом, ранее совер-

шившим преступление) одновременно при квалификации содеянного и при определении вида и меры ответственности (Постановление от 19 марта 2003 года № 3-П); повторное привлечение лица к одному и тому же виду ответственности за одно и то же деяние — вопреки принципу *non bis in idem* — приводило бы к ответственности без правонарушения, что недопустимо в правовом государстве (Постановление от 21 марта 2013 года № 6-П).

Таким образом, уголовная ответственность за нарушение порядка организации либо проведения собраний, митингов, демонстраций, шествий или пикетирования может быть признана отвечающей требованиям Конституции Российской Федерации, только если она необходима для защиты прав и свобод человека и гражданина, иных конституционно признаваемых ценностей и адекватна общественной опасности криминализируемого противоправного деяния, признаки которого ясно и четко определены уголовным законом, исключающим повторное привлечение к уголовной ответственности и осуждение лица за одно и то же преступление.

4. В соответствии со статьей 212¹ УК Российской Федерации нарушение лицом установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования является основанием уголовной ответственности, если такое деяние отвечает критерию неоднократности, а именно совершено лицом, ранее привлекавшимся к административной ответственности за административные правонарушения, предусмотренные статьей 20.2 «Нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования» КоАП Российской Федерации, более двух раз в течение ста восьмидесяти дней.

Из содержания данного уголовного запрета следует, что нарушение порядка организации или проведения публичных мероприятий, установленного Федеральным законом от 19 июня 2004 года № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», которое, по общему правилу, влечет наступление административной ответственности, подлежит квалификации в качестве преступления лишь в случаях, когда соответствующее нарушение совершается лицом, ранее уже более двух (т. е. не менее трех) раз в течение ста восьмидесяти дней подвергавшимся административно-деликтному преследованию.

Возможность такого — дуалистического — подхода к использованию административной и уголовной ответственности для борьбы с теми или иными правонарушениями обусловлена тем, что, будучи разновидностями юридической ответственности за совершение деяний, представляющих общественную опасность, они имеют схожие задачи, базируются на рядоположенных принципах, преследуют общую цель защиты прав и свобод человека и гражданина, обеспечения законности и правопорядка и, по сути, во многом дополняют друг друга. Именно этим объясняется наличие в правовом регулировании смежных составов административных правонарушений и преступлений, что — принимая во внимание возможность изменения степени общественной опасности некоторых деяний — не исключает законодательной корректировки их противоправности, предполагающей допустимость преобразования составов отдельных административных правонарушений в составы преступлений и наоборот (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 года № 20-П).

Из относительности и известной условности разграничения административных правонарушений и преступлений исходит и Европейский Суд по правам человека, по мнению которого целый ряд составов административных правонарушений по своей природе и степени тяжести (репрессивности) наказания имеют уголовно-правовой характер; если национальное законо-

дательство не относит соответствующее деяние к уголовно-противоправным, содержащиеся в статье 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод гарантии защиты лица от уголовного преследования не могут быть объектом свободного усмотрения при привлечении к административной ответственности; ответственность за любое деяние, если она характеризуется карательным и сдерживающим эффектом, присущим уголовным наказаниям, подпадает под признаки уголовного преследования (постановления от 10 февраля 2009 года по делу «Сергей Золотухин против России», от 31 июля 2014 года по делу «Немцов против России», от 19 ноября 2015 года по делу «Михайлова против России» и др.).

4.1. При оценке состоявшейся в результате принятия Федерального закона от 21 июля 2014 года № 258-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования законодательства о публичных мероприятиях» криминализации нарушения установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования, если оно совершено лицом неоднократно, важно учитывать, что в правовой системе России преступлению — в отличие от иных правонарушений — должна быть присуща криминальная общественная опасность, при отсутствии которой даже деяние, формально подпадающее под признаки уголовно наказуемого, не может считаться таковым (часть вторая статьи 14 УК Российской Федерации).

Как следствие, федеральный законодатель, определяя, какие опасные для личности, общества и государства деяния признаются преступлениями (часть вторая статьи 2 УК Российской Федерации), обязан избегать избыточного использования уголовно-правовой репрессии, помня о том, что основанием преступности противоправных деяний могут служить лишь обстоятельства, в совокупности объективно подтверждающие криминальную степень их общественной опасности, в том числе масштаб распространенности и динамика роста таких деяний, значимость охраняемых законом ценностей, на которые они посягают, существенность причиняемого ими вреда, а также невозможность их преодоления с помощью иных правовых средств (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2005 года № 7-П).

Криминализация тех или иных правонарушений, неразрывно связанная с конструированием состава преступления, системообразующими элементами которого являются объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона, не предполагает обязательного наличия признаков преступной общественной опасности у каждого из них, — такие признаки могут отражать не все, а лишь отдельные элементы состава преступления. В частности, общественная опасность деяния может быть обусловлена кумулятивным эффектом противоправного посягательства на охраняемые общественные отношения (объект преступления), временем, местом, способом его совершения и наступившими последствиями, в том числе их масштабом (объективная сторона преступления), формой вины, мотивами и целями противоправных действий, бездействия (субъективная сторона преступления).

С учетом этого федеральный законодатель правомочен прибегать к институту уголовной ответственности в интересах надлежащей защиты конституционно значимых ценностей (статья 55, часть 3, Конституции Российской Федерации) и в тех случаях, когда противоправное деяние совершается лицом, ранее уже подвергавшимся административно-деликтному преследованию и наказанию за аналогичные деяния, т. е. имеющим специальную административную наказанность, используя в указанных целях так называемые составы преступлений с административной преюдицией.

4.2. Повторное (многократное) совершение лицом однородных (аналогичных) административных правонарушений объективно свидетельствует о недостаточности имеющихся административно-правовых средств для результативного противодействия таким деяниям, что вкупе с иными факторами может рассматриваться в качестве конституционно значимой причины для криминализации соответствующих действий (бездействия), которые, оставаясь в своей нормативной первооснове административными правонарушениями, по характеру и степени общественной опасности приближаются к уголовно наказуемым деяниям и при определенных условиях способны причинить серьезный вред общественным отношениям, поставленным под охрану уголовного закона.

Данный вывод коррелирует с рядом статей Уголовного кодекса Российской Федерации, который хотя и избегает, по крайней мере в настоящее время, широкого использования составов преступлений с административной преюдицией, но не отказывается от их конструирования в некоторых случаях, связанных с повторным (неоднократным) совершением правонарушений, представляющих собой наиболее вредоносные административно-противоправные посягательства на охраняемые законом общественные отношения (статья 116¹ «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию», статья 158¹ «Мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию», статья 215⁴ «Незаконное проникновение на охраняемый объект» и др.). Упомянутые положения уголовного закона — несмотря на то что сами по себе они не предreshают конституционной обоснованности криминализации соответствующих правонарушений, совершенных лицом, ранее привлекавшимся к административной ответственности за аналогичные деяния, — тем не менее позволяют прийти к выводу, что при установлении уголовной ответственности за повторное (неоднократное) нарушение тех или иных запретов нельзя не учитывать природу таких правонарушений, исключающую отнесение к преступлениям деяний хотя и противоправных, но не обладающих действительной общественной опасностью (*malum prohibitum*).

Соответственно, введение уголовной ответственности за неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования допустимо — если она эквивалентна характеру и степени общественной опасности подпадающего под нее деяния, не влечет избыточного уголовного принуждения и не приводит к отступлению от принципов равенства, соразмерности и справедливости, — а потому с конституционно-правовой точки зрения не может рассматриваться как выходящее за рамки дискреционных полномочий федерального законодателя.

Что касается соотношения диспозиции статьи 212¹ УК Российской Федерации с принципом *non bis in idem* (статья 50, часть 1, Конституции Российской Федерации), то предусмотренный ею состав преступления (равно как и иные составы преступлений, субъектом которых может быть лишь физическое лицо, ранее подвергнутое административному наказанию за аналогичное противоправное деяние) не предполагает — вопреки утверждению заявителя по настоящему делу — возможность наступления уголовной ответственности за те нарушения установленного порядка организации либо проведения публичного мероприятия, за которые лицо уже было подвергнуто административному наказанию. Основанием привлечения к уголовной ответственности в таких случаях является только такое нарушение установленного порядка организации либо проведения публичного мероприятия, которое совершено лицом, ранее привлекавшимся к административной ответственности по статье 20.2 КоАП Российской Федерации более

двух раз в течение ста восьмидесяти дней, в пределах срока, в течение которого это лицо считается подвергнутым административному наказанию за указанные административные правонарушения (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 июня 2012 года № 16-П), и лишь при условии, что за инкриминируемое ему деяние это лицо не было подвергнуто административному наказанию за административное правонарушение, предусмотренное данной статьей.

Таким образом, криминализация неоднократного нарушения установленного порядка организации либо проведения публичного мероприятия не сопряжена с возможностью привлечения совершившего его лица к уголовной ответственности за административные правонарушения, за которые это лицо ранее уже было подвергнуто административному наказанию, поскольку статья 212¹ УК Российской Федерации предусматривает ответственность лишь за такое противоправное деяние, которое не послужило основанием административной ответственности совершившего его лица.

5. По буквальному смыслу положений статьи 212¹ УК Российской Федерации, неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования образует состав преступления безотносительно к тому, какое именно из предусмотренных статьей 20.2 КоАП Российской Федерации нарушение было совершено лицом, ранее привлекавшимся более двух раз в течение ста восьмидесяти дней к административной ответственности на основании той же статьи.

В диспозиции статьи 20.2 КоАП Российской Федерации выделены восемь составов административных правонарушений, которые имеют общий объект посягательства (установленный порядок организации либо проведения публичного мероприятия), но существенно различаются по объективной стороне и по субъекту противоправных деяний, — от организации либо проведения публичного мероприятия без подачи в установленном порядке уведомления о его проведении (часть 2) до организации либо проведения несанкционированного публичного мероприятия в непосредственной близости от территории ядерной установки, радиационного источника или пункта хранения ядерных материалов и радиоактивных веществ либо активного участия в таком публичном мероприятии, если это осложнило выполнение работниками указанных установки, источника или пункта своих служебных обязанностей или создало угрозу безопасности населения и окружающей среды (часть 7), что находит отражение и в предусмотренных за их совершение административных наказаниях, минимальным из которых является административный штраф в размере от десяти до пятнадцати тысяч рублей (части 1 и 5), а максимальным — административный арест на срок до тридцати суток (часть 8).

Дифференциация административной ответственности за совершение перечисленных в частях 1—8 статьи 20.2 КоАП Российской Федерации административных правонарушений предопределена, как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 14 февраля 2013 года № 4-П, сущностью различных нарушений порядка организации или проведения публичных мероприятий. Так, если предусмотренные частями 1, 2 и 5 статьи 20.2 КоАП Российской Федерации составы административных правонарушений не сопряжены с причинением или реальной угрозой причинения вреда здоровью граждан, имуществу физических и юридических лиц, иным охраняемым законом ценностям, то деяния, ответственность за которые предусмотрена ее частями 3, 4, 6, 6¹ и 7, относятся к более серьезным административным правонарушениям и по степени своей общественной опасности тяготеют к уголовно наказуемым деяниям (в качестве повторно-

го нарушения порядка организации либо проведения публичного мероприятия в соответствии с частью 8 данной статьи может рассматриваться любое нарушение из числа предусмотренных ее частями 1–6¹).

Возможность наступления или реальной угрозы наступления вреда конституционно охраняемым ценностям в результате нарушения установленного порядка организации или проведения публичного мероприятия обуславливает допустимость законодательного поиска более строгих, соразмерных актуальным социально-политическим реалиям мер государственного принуждения, отсутствие которых может заметно осложнить надлежащую правовую охрану прав и свобод человека и гражданина и эффективное предупреждение наиболее агрессивных действий, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность; причем достижение соответствующих целей может обеспечиваться не только за счет усиления административной ответственности (повышения размеров административного штрафа, увеличения сроков обязательных работ и административного ареста), но и посредством криминализации отдельных противоправных посягательств на установленный порядок организации или проведения публичного мероприятия, совершаемых лицами, применения к которым мер административной ответственности по статье 20.2 КоАП Российской Федерации оказалось недостаточным для результативного превентивного воздействия и удержания их от неоднократного нарушения такого порядка.

Если же нарушение установленного порядка организации либо проведения публичного мероприятия лицом, ранее не менее трех раз в течение ста восьмидесяти дней привлекавшимся к административной ответственности за совершение административных правонарушений, предусмотренных статьей 20.2 КоАП Российской Федерации, имело формальный характер и не повлекло за собой наступления или реальной угрозы наступления указанных негативных последствий, такое нарушение не может рассматриваться как представляющее криминальную общественную опасность, а потому наступление уголовной ответственности за него, мотивированное одной лишь неоднократностью совершения, выходит за границы конституционно допустимого уголовно-правового ограничения прав и свобод человека и гражданина.

Сопоставимых взглядов на уголовное преследование лиц, нарушающих правила проведения публичных мероприятий, придерживается и Европейский Суд по правам человека, полагающий, что незаконная ситуация, например проведение демонстрации без предварительного согласования, не обязательно оправдывает карательные меры, применяемые властями за участие в публичном мероприятии; мирная демонстрация в принципе не должна подпадать под угрозу уголовной санкции; осуждение в уголовном порядке за одно лишь участие в публичном мероприятии, которое не было связано с актами насилия, невозможно при отсутствии какой-либо оценки внутригосударственными судами его пропорциональности; меры, применяемые к участникам мирных публичных акций на основании их формальной незаконности, не должны иметь целью отвлечь широкую публику от посещения собраний и демонстраций и тем самым – от открытой политической дискуссии (постановления от 20 марта 2012 года по делу «Пекаслан (*Pekaslan*) и другие против Турции», от 14 октября 2014 года по делу «Йылмаз Йылдыз (*Yilmaz Yildiz*) и другие против Турции», от 15 октября 2015 года по делу «Кудревичюс (*Kudrevicius*) и другие против Литвы», от 13 декабря 2016 года по делу «Каспаров и другие против России» (№ 2) и др.).

Следовательно, нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования лицом, ранее не менее трех раз в течение ста восьмидесяти дней привлекавшимся к административной ответственности за совершение административных

тивных правонарушений, предусмотренных статьей 20.2 КоАП Российской Федерации, не является само по себе достаточным основанием для привлечения к уголовной ответственности, которая может наступать только в случае, когда оно повлекло за собой причинение вреда здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, окружающей среде, общественному порядку, общественной безопасности, иным конституционно охраняемым ценностям или содержало реальную угрозу причинения такового. Иное означало бы возможность применения уголовной ответственности за деяния (действия, бездействия), которые не представляют общественной опасности, требующей их криминализации, и тем самым противоречило бы статьям 17 (части 1 и 3), 19 (части 1 и 2), 31 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

5.1. Уголовно-противоправная неоднократность нарушения установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования, как это прямо закреплено в примечании к статье 212¹ УК Российской Федерации, может иметь место только в случае, когда лицо в течение ста восьмидесяти дней, предшествующих нарушению, в связи с которым встает вопрос о привлечении его к уголовной ответственности по данной статье, уже более двух раз привлекалось к административной ответственности за совершение административных правонарушений, предусмотренных статьей 20.2 КоАП Российской Федерации.

Из этого следует, что положенная в основание криминализации неоднократного нарушения установленного порядка организации либо проведения публичного мероприятия законодательная конструкция состава преступления отличается от большинства иных составов преступлений с административной преюдицией (статьи 116¹, 151¹, 157, 158¹, 215⁴ и 264¹ УК Российской Федерации) тем, что увязывает наступление уголовно-правовых последствий соответствующего противоправного деяния не с совершением его лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное правонарушение, а с предшествующим привлечением такого лица к административной ответственности. В результате правоприменительные органы, включая суды, опираясь на формально-догматический подход к уяснению нормативного содержания положений статьи 212¹ УК Российской Федерации без учета их места в системе действующего правового регулирования, могут полагать, что для квалификации противоправного деяния по данной статье вовсе не требуется административной наказанности лица за ранее совершенные административные правонарушения, предусмотренные статьей 20.2 КоАП Российской Федерации, а достаточно установления самих фактов его привлечения к административной ответственности на основании данной статьи более двух раз, подтвержденных соответствующими судебными актами, пусть даже и не вступившими в законную силу (материалы уголовного дела гражданина И. И. Дадина свидетельствуют, что именно такой интерпретации статьи 212¹ УК Российской Федерации придерживались все вовлеченные в него судебные инстанции).

Между тем любое привлечение к уголовной ответственности – по смыслу статьи 54 (часть 2) Конституции Российской Федерации и конкретизирующих ее положений части второй статьи 2, статьи 8 и части первой статьи 14 УК Российской Федерации – безусловно предполагает, что ее основанием может быть лишь обладающее опасностью для личности, общества или государства деяние, содержащее все признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законом, которые должны быть присущи ему в момент совершения. Применительно к составу преступления, закрепленному в статье 212¹ УК Российской Федерации, одним из императивных признаков которого является неоднократность нарушения установленного по-

рядка организации либо проведения публичного мероприятия, это означает, что привлечение к уголовной ответственности за данное преступление возможно лишь в случае, если на момент его совершения обвиняемый ранее в течение ста восьмидесяти дней не менее трех раз был подвергнут административному наказанию за административные правонарушения, предусмотренные статьей 20.2 КоАП Российской Федерации, на основании вступивших в законную силу судебных актов.

5.2. Согласно статье 49 (часть 1) Конституции Российской Федерации каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Хотя текстуально приведенное конституционное правило адресовано лицам, обвиняемым в совершении преступления, его регулятивный смысл выходит за рамки собственно уголовного преследования, а потому должен подлежать учету при применении государственного принуждения карательного (штрафного) характера в сфере публичной ответственности – как уголовной, так и в равной степени административной (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июня 2000 года № 10-П, от 27 апреля 2001 года № 7-П, от 17 июля 2002 года № 13-П; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2015 года № 2732-О, от 24 ноября 2016 года № 2524-О и др.).

Исходя из этого статья 1.5 КоАП Российской Федерации, закрепляя презумпцию невиновности в качестве общего принципа административно-делiktного законодательства, прямо указывает, что лицо подлежит административной ответственности только за те административные правонарушения, в отношении которых установлена его вина (часть 1); лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, считается невиновным, пока его вина не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу постановлением судьи, органа, должностного лица, рассмотревших дело (часть 2).

Соответственно, предшествующие привлечению к уголовной ответственности по статье 212¹ УК Российской Федерации нарушения установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования могут подлежать уголовно-правовому учету лишь в случаях, когда они подтверждены вступившими в законную силу судебными актами о привлечении соответствующего лица к административной ответственности за их совершение. Квалификация же неоднократного нарушения установленного порядка организации либо проведения публичного мероприятия в качестве преступления, основанная на тех судебных актах о привлечении лица к административной ответственности за предусмотренные статьей 20.2 КоАП Российской Федерации административные правонарушения, которые на момент совершения им деяния, в связи с которым встает вопрос о привлечении его к уголовной ответственности по статье 212¹ УК Российской Федерации, не вступили в законную силу и не обладали свойствами *res judicata*, расходится с конституционным запретом уголовного преследования за действия (бездействие), не подпадающие на момент их совершения под признаки преступления, и не согласуется с презумпцией невиновности.

Кроме того, из взаимосвязанных положений статьи 20.2 КоАП Российской Федерации и статьи 212¹ УК Российской Федерации – в контексте конституционно-правовой оценки допустимых параметров преюдициального значения административной ответственности – вытекает, что нарушение установленного порядка организации либо проведения публичного мероприятия может быть простым, повторным или неоднократным, причем

повторное нарушение предполагает более строгую административную ответственность, а неоднократное — влечет уголовную ответственность. Логика такого законодательного регулирования — исходя из целей создания механизма эффективной публично-правовой охраны установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования — заключается в последовательном (поэтапном) усилении ответственности за повторные (административная ответственность) и неоднократные (уголовная ответственность) нарушения установленного порядка организации либо проведения публичного мероприятия, что продиктовано правомерной заботой о надлежащем соблюдении конституционных критериев необходимости, соразмерности (пропорциональности) и справедливости ограничения прав и свобод человека и гражданина.

Согласно Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях совершение однородного административного правонарушения признается повторным, если оно совершено в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию в соответствии со статьей 4.6 данного Кодекса за совершение однородного административного правонарушения (пункт 2 части 1 статьи 4.3); лицо, которому назначено административное наказание за совершение административного правонарушения, считается подвергнутым данному наказанию со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления (статья 4.6).

Совершение подвергнутым административному наказанию, т. е. находящимся в состоянии административной наказанности, лицом однородного или более того, аналогичного правонарушения свидетельствует, что примененные к нему меры административного принуждения не дают должного предупредительного эффекта, а потому отнесение повторности (неоднократности) административных правонарушений к обстоятельствам, отягчающим административную ответственность за их совершение, к признакам квалифицированных составов административных правонарушений, а при необходимости — и к основаниям криминализации соответствующих деяний не лишено разумной целесообразности. Если же новое административное правонарушение совершается лицом, ранее привлеченным к административной ответственности за аналогичное административное правонарушение, но не подвергнутым административному наказанию вступившим в законную силу судебным актом по делу об административном правонарушении, придание данному обстоятельству административно-деликтного или уголовно-правового значения, влекущего усиление публично-правовой ответственности, не согласуется с конституционными принципами пропорционального, соразмерного и справедливого использования мер государственного принуждения.

Таким образом, положения статьи 212¹ УК Российской Федерации — по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования — исключают возможность привлечения к уголовной ответственности за неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования лица, в отношении которого в момент совершения инкриминируемого ему деяния отсутствовали вступившие в законную силу судебные акты о его привлечении не менее трех раз в течение ста восьмидесяти дней к административной ответственности за административные правонарушения, предусмотренные статьей 20.2 КоАП Российской Федерации. Иное означало бы не только отрицание нормативного единства рассматриваемых законоположений с другими положениями административно-деликт-

ного и уголовного законодательства, но и игнорирование конституционно значимых критериев правомерности использования средств уголовного принуждения, вытекающих из статей 19 (части 1 и 2), 31, 49 (часть 1), 54 (часть 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

5.3. В соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только данным Кодексом (часть первая статьи 3); основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного данным Кодексом (статья 8); лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина; объективное вменение, т. е. уголовная ответственность за невиновное причинение вреда, не допускается (статья 5); деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части данного Кодекса (часть вторая статьи 24); преступлением, совершенным умышленно, признается деяние, совершенное с прямым или косвенным умыслом (статья 25).

Статья 212¹ УК Российской Федерации (как в ее диспозиции, так и в примечании к ней) не содержит какого-либо указания на совершение предусмотренного ею преступления по неосторожности, а следовательно, данное преступление – в отличие от административных правонарушений, предусмотренных статьей 20.2 КоАП Российской Федерации, – может быть совершено лишь с умышленной формой вины; если же в ходе расследования и судебного рассмотрения конкретного уголовного дела будет установлено, что соответствующее деяние было совершено лицом по неосторожности, ответственность за него по статье 212¹ УК Российской Федерации наступать не должна, что не исключает возможность привлечения этого лица к административной ответственности за административное правонарушение (в том числе повторное), предусмотренное статьей 20.2 КоАП Российской Федерации.

5.4. Согласно статье 90 УПК Российской Федерации обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором, за исключением приговора, постановленного судом в соответствии со статьями 226⁹, 316 или 317⁷ данного Кодекса, либо иным вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки; при этом такие приговор или решение не могут предрешать виновность лиц, не участвовавших ранее в рассматриваемом уголовном деле.

Выявляя конституционно-правовой смысл статьи 90 УПК Российской Федерации применительно к преюдициальному значению решений, вынесенных в порядке гражданского судопроизводства, Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 21 декабря 2011 года № 30-П пришел к выводу, что пределы действия преюдициальности судебного решения объективно определяются тем, что установленные судом в рамках предмета рассмотрения по делу факты в их правовой сущности могут иметь иное значение в качестве элемента предмета доказывания по другому делу, поскольку предметы доказывания в разных видах судопроизводства не совпадают, а суды в их исследовании ограничены своей компетенцией в рамках конкретного вида судопроизводства; исходя из этого принятые по гражданским делам и вступившие в законную силу решения судов не могут восприниматься как предрешающие выводы суда при осуществлении уголовного судопроизводства относительно того, содержит ли деяние призна-

ки преступления, а также о виновности привлекаемого к уголовной ответственности лица, которые должны опираться на всю совокупность доказательств по уголовному делу.

Приведенная правовая позиция, основанная на статье 118 (часть 2) Конституции Российской Федерации и учитывающая, что каждый вид судопроизводства имеет собственные — не совпадающие с другими — задачи и осуществляется в присущих только ему процедурах с участием соответствующих сторон, может быть распространена и на преюдициальное значение судебных решений, вынесенных в порядке производства по делам об административных правонарушениях. Исходя из этого при применении статьи 212¹ УК Российской Федерации преюдициальность судебных актов о привлечении к административной ответственности за совершение административных правонарушений, предусмотренных статьей 20.2 КоАП Российской Федерации, не может обладать неопровержимым характером, что предполагает необходимость проверки судом — на основе принципов состязательности и равноправия сторон (статья 123, часть 3, Конституции Российской Федерации) — доказанности всех обстоятельств совершения уголовно наказуемого деяния в рамках уголовного судопроизводства.

Как ранее отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, право каждого на судебную защиту при предъявлении ему уголовного обвинения, по смыслу статьи 46 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации и статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, — это не только право на публичное разбирательство его дела законным и беспристрастным судом в разумный срок, но и возможность получения реальной судебной защиты от необоснованного привлечения к уголовной ответственности, которая должна быть обеспечена государством; лишь на таких условиях уголовное судопроизводство способно соответствовать своему назначению (статья 6 УПК Российской Федерации) и не умалять и не ограничивать гарантии полноценной реализации права на судебную защиту (постановления от 27 мая 2008 года № 8-П, от 16 июня 2009 года № 9-П, от 8 июня 2015 года № 14-П и др.). Соответственно, сторона защиты, в том числе используя помощь адвоката (статья 48, часть 2, Конституции Российской Федерации), вправе выдвигать любые возражения относительно доказанности обвинения привлекаемого к уголовной ответственности лица в инкриминируемом ему уголовно наказуемом деянии, в том числе касающиеся совершенных этим лицом административных правонарушений, а на сторону обвинения возложена обязанность опровержения подобных возражений.

В силу этого обеспечение конституционно значимых интересов защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения и осуждения за преступление, предусмотренное статьей 212¹ УК Российской Федерации, предполагает, что фактические обстоятельства, установленные вступившими в законную силу судебными актами по делам об административных правонарушениях, сами по себе не определяют выводы суда о виновности лица, в отношении которого они были вынесены, в совершении предусмотренного данной статьей преступления, которая должна устанавливаться судом в предусмотренных уголовно-процессуальным законом процедурах на основе всей совокупности доказательств, включая не исследованные при рассмотрении дел о совершенных этим лицом административных правонарушениях. В противном случае применение статьи 212¹ УК Российской Федерации будет с неизбежностью связано с риском отступления от вытекающих из статей 10, 18, 19 (часть 1), 46 (часть 1), 120 (часть 1) и 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации принципов независимого, самостоятельного и справедливого отправления правосудия, имеющего глав-

ным своим предназначением обеспечение прав и свобод человека и гражданина.

5.5. Предусматривая уголовную ответственность за неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения публичного собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования, федеральный законодатель, будучи связан задачами уголовного законодательства, для осуществления которых Уголовным кодексом Российской Федерации определяется круг деяний, признаваемых преступлениями, и устанавливаются виды наказаний за их совершение (часть вторая статьи 2), обязан соблюдать конституционные принципы необходимости, пропорциональности, соразмерности, справедливости и правовой безопасности как при криминализации того или иного деяния, так и в вопросах его пенализации.

Конституционный Суд Российской Федерации не раз подчеркивал, что устанавливаемые за нарушение уголовного закона наказания должны определяться конституционными основами демократического правового государства, включая государственную защиту прав и свобод человека и гражданина, соблюдение конституционных гарантий прав личности, справедливость и равенство, запрет произвола со стороны органов государственной власти и должностных лиц, реализующих уголовно-правовые предписания, в том числе судей; разрешение вопроса о размере санкций за предусмотренные Уголовным кодексом Российской Федерации преступления является прерогативой федерального законодателя, который, осуществляя выбор тех или иных наказаний, должен руководствоваться конституционными требованиями необходимости и пропорциональности, обязывающими его дифференцировать их в зависимости от тяжести содеянного, размера и характера причиненного ущерба, степени вины правонарушителя и иных существенных факторов, влияющих на индивидуализацию уголовного принуждения; применение одинаковых мер уголовной ответственности за различные по степени общественной опасности преступления без надлежащего учета характеризующих обвиняемого обстоятельств, имеющих объективное и разумное обоснование, противоречит конституционному запрету дискриминации и выраженным в Конституции Российской Федерации идеям справедливости и гуманизма (постановления от 15 июля 1999 года № 11-П, от 27 мая 2008 года № 8-П, от 13 июля 2010 года № 15-П, от 11 декабря 2014 года № 32-П и др.).

Санкцией статьи 212¹ УК Российской Федерации за неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения публичного мероприятия предусмотрены наказания в виде штрафа, обязательных работ, исправительных работ, принудительных работ и лишения свободы. Их применение не может осуществляться в отрыве от закрепленных в Общей части данного Кодекса правил, в силу которых наказание лицу, признанному виновным в совершении преступления, должно быть справедливым и назначаться в пределах соответствующей санкции; более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания; при назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи; при наличии исключительных обстоятельств, связанных с целями и мотивами преступления, ролью виновного, его поведением во время или после совершения преступления, и других обстоятельств, существенно уменьшающих степень общественной опасности преступления, а равно при активном содействии участника группового

преступления раскрытию этого преступления наказание может быть назначено ниже низшего предела санкции за совершенное преступление или суд может назначить более мягкий вид наказания, чем предусмотрен санкцией за совершенное преступление (часть первая статьи 6, части первая и третья статьи 60 и часть первая статьи 64).

Перечисленные положения уголовного закона направлены на обеспечение индивидуализации уголовной ответственности и исключают произвольное усмотрение суда при определении вида и размера наказания, что не позволяет рассматривать включение в санкцию статьи 212¹ УК Российской Федерации уголовного наказания в виде лишения свободы как предполагающее обязательное применение данного вида наказания ко всем лицам, совершившим соответствующее преступление, и не согласующееся с требованиями дифференциации уголовной ответственности.

Вместе с тем при оценке наказания в виде лишения свободы в качестве санкции за неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения публичного мероприятия необходимо принимать во внимание статью 15 данного Кодекса, согласно которой в зависимости от характера и степени общественной опасности предусмотренные им деяния подразделяются на преступления небольшой тяжести, преступления средней тяжести, тяжкие преступления и особо тяжкие преступления (часть первая); при этом преступлениями небольшой тяжести признаются умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное данным Кодексом, не превышает трех лет лишения свободы (часть вторая), преступлениями средней тяжести – умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает пяти лет лишения свободы, и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание превышает три года лишения свободы (часть третья), тяжкими преступлениями – умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает десяти лет лишения свободы (часть четвертая), особо тяжкими преступлениями – умышленные деяния, за совершение которых данным Кодексом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше десяти лет или более строгое наказание (часть пятая).

Отнесение к категории средней тяжести преступления, ответственность за которое установлена статьей 212¹ УК Российской Федерации, приравнивает его по характеру и степени общественной опасности, в частности, к таким предусмотренным данным Кодексом преступлениям, как убийство матерью новорожденного ребенка (статья 106), доведение до самоубийства (статья 110), применение насилия в отношении представителя власти (часть первая статьи 318), самоуправство, совершенное с применением насилия или с угрозой его применения (часть вторая статьи 330), притом что за иные преступления с административной преюдицией наказание в виде лишения свободы либо вообще отсутствует (статьи 116¹ и 151¹), либо не превышает одного года (статьи 157, 158¹ и 314¹), двух лет (статья 264¹) или четырех лет (статья 215⁴) и лишь преступление, предусмотренное статьей 284¹ данного Кодекса, может наказываться лишением свободы на срок от двух до шести лет.

Вследствие этого, по смыслу правовой позиции, сформулированной Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 19 апреля 2016 года № 12-П, наказание, назначаемое лицу, впервые совершившему преступление, предусмотренное статьей 212¹ УК Российской Федерации, – с учетом предписаний частей первой и третьей статьи 60 данного Кодекса – не обязательно должно быть связано с лишением свободы; суд

вправе прибегнуть к нему, когда приходит к обоснованному выводу о невозможности исправления виновного без изоляции от общества.

Решая вопрос об уголовном наказании лица, совершившего преступление, предусмотренное статьей 212¹ УК Российской Федерации, суды обязаны основываться исключительно на оценке общественной опасности и противоправности соответствующего деяния, которая не может быть поставлена в зависимость от отношения этого лица – негативного (критического) или позитивного (одобрительного) – к принимаемым органами публичной власти решениям и проводимой ими политике, поскольку Конституция Российской Федерации, ее статьи 1 (часть 1), 13 (части 1–3), 15 (часть 2) и 19 (части 1 и 2), как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 8 апреля 2014 года № 10-П, обязывает к соблюдению установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования в равной степени всех граждан, какими бы ни были их политические и идеологические убеждения.

Избрание вида уголовного наказания и определение его размера в отношении конкретного лица, совершившего предусмотренное статьей 212¹ УК Российской Федерации преступление, должны быть обусловлены реальной степенью общественной опасности совершенного им деяния, что не подразумевает применение лишения свободы в случаях, когда нарушение установленного порядка организации либо проведения публичного мероприятия не было сопряжено с утратой им мирного характера, не подпадающей под признаки преступления, предусмотренного статьей 212 «Массовые беспорядки» УК Российской Федерации, или с причинением либо реальной угрозой причинения существенного вреда здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, окружающей среде, общественному порядку, общественной безопасности или иным конституционно охраняемым ценностям.

Иное означало бы несоблюдение вытекающих из статей 19 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации требований необходимости, соразмерности и справедливости, предъявляемых к ограничению прав и свобод человека и гражданина и обращенных, согласно ее статье 18, не только к федеральному законодателю, но и ко всем правоприменителям, в том числе к судам.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 71, 72, 74, 75, 78, 79, 87 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать статью 212¹ УК Российской Федерации не противоречащей Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования содержащиеся в ней положения:

позволяют подвергать уголовному преследованию за нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования лицо, ранее не менее трех раз в течение ста восьмидесяти дней привлекавшееся к административной ответственности за административные правонарушения, предусмотренные статьей 20.2 КоАП Российской Федерации, если это лицо в пределах срока, в течение которого оно считается подвергнутым административному наказанию за указанные административные правонарушения, вновь нарушило установленный порядок организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования;

предполагают, что привлечение лица к уголовной ответственности за преступление, предусмотренное данной статьей, возможно только в случае, если нарушение им установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования повлекло за собой причинение или реальную угрозу причинения вреда здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, окружающей среде, общественному порядку, общественной безопасности или иным конституционно охраняемым ценностям;

исключают возможность привлечения к уголовной ответственности за нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования лица, в отношении которого на момент совершения инкриминируемого ему деяния отсутствовали вступившие в законную силу судебные акты о привлечении не менее трех раз в течение ста восьмидесяти дней к административной ответственности за административные правонарушения, предусмотренные статьей 20.2 КоАП Российской Федерации;

допускают привлечение лица к уголовной ответственности за нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования на основании данной статьи только в случае, если совершенное им деяние носило умышленный характер;

означают, что фактические обстоятельства, установленные вступившими в законную силу судебными актами по делам об административных правонарушениях, сами по себе не определяют выводы суда о виновности лица, в отношении которого они были вынесены, в совершении предусмотренного данной статьей преступления, которая должна устанавливаться судом в предусмотренных уголовно-процессуальным законом процедурах на основе всей совокупности доказательств, включая не исследованные при рассмотрении дел о совершенных этим лицом административных правонарушениях;

подразумевают возможность назначения лицу наказания в виде лишения свободы лишь при том условии, что нарушение им установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования повлекло за собой утрату публичным мероприятием мирного характера (если соответствующее нарушение не подпадает под признаки преступления, предусмотренного статьей 212 «Массовые беспорядки» УК Российской Федерации) или причинение либо реальную угрозу причинения существенного вреда здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, окружающей среде, общественному порядку, общественной безопасности или иным конституционно охраняемым ценностям, притом что без назначения данного вида наказания невозможно обеспечить достижение целей уголовной ответственности за преступление, предусмотренное данной статьей.

2. Конституционно-правовой смысл положений статьи 212¹ УК Российской Федерации, выявленный в настоящем Постановлении, является обязательным для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений.

3. Федеральный законодатель правомочен – исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, – внести в статью 212¹ УК Российской Федерации изменения, направленные на уточнение нормативных оснований привлечения к уго-

ловной ответственности за предусмотренное данной статьей преступление и мер наказания за его совершение.

4. Вынесенные в отношении гражданина Дадина Ильдара Ильдусовича судебные акты, основанные на истолковании положений статьи 212¹ УК Российской Федерации, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру, если для этого нет иных препятствий.

5. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

6. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

---

7 июля
2016 года,
город Санкт-
Петербург

№ 1422-О

по запросу группы депутатов
Государственной Думы о проверке
конституционности пункта 1 статьи 30
Федерального закона «Об основных
гарантиях избирательных прав и права
на участие в референдуме граждан
Российской Федерации»

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, Г. А. Жилина, С. М. Казанцева, М. И. Клеандрова, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева,

заслушав заключение судьи Н. С. Бондаря, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение запроса группы депутатов Государственной Думы,

у с т а н о в и л :

1. В своем запросе в Конституционный Суд Российской Федерации группа депутатов Государственной Думы просит признать противоречащим статьям 3 (часть 3), 15 (части 1, 2 и 4), 19 (части 1 и 2), 32, 55 (часть 3), 130 и 131 Конституции Российской Федерации пункт 1 статьи 30 Федерального закона от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», согласно которому на всех заседаниях комиссии, а также при подсчете голосов избирателей, участников референдума и осуществлении участковой, территориальной комиссиями работы со списками избирателей, участников референдума, с бюллетенями, открепительными удостоверениями, протоколами об итогах голосования и со сводными таблицами вправе присутствовать члены вышестоящих комиссий и работники их аппаратов, кандидат, зарегистрированный данной либо вышестоящей комиссией, либо его уполномоченный представитель по финансовым вопросам или доверенное лицо, уполномоченный представитель или доверенное лицо избирательного объединения, список кандидатов которого зарегистрирован данной либо вышестоящей комиссией, или кандидат из указанного списка, член или уполномоченный представитель инициативной группы по проведению референдума; на заседании комиссии, на котором будет рассматриваться вопрос о регистрации кандидата, списка кандидатов, вправе присутствовать соответственно выдвинутый кандидат либо его уполномоченный представитель по финансовым вопросам, уполномоченный представитель избирательного объединения; для присутствия на заседаниях комиссии и при осуществлении ею работы с указанными избирательными документами, документами, связанными с подготовкой и проведением референдума, указанным лицам не требуется дополнительное разрешение; комиссия обязана обеспе-

читать оповещение и возможность свободного доступа указанных лиц на свои заседания и в помещение, в котором проводится подсчет голосов избирателей, участников референдума, осуществляется работа с указанными избирательными документами, документами, связанными с подготовкой и проведением референдума.

По мнению заявителей, данный пункт, как не содержащий положений, гарантирующих присутствие избирателей, представителей от общественных объединений при подсчете голосов, установлении итогов голосования в помещении избирательной комиссии, а также незамедлительное получение ими заверенной копии протокола об итогах голосования, не обеспечивает необходимые условия для того, чтобы избиратели могли — независимо от кандидатов на выборах — удостовериться в правильном учете поданных ими голосов, не позволяет им непосредственно выявлять и фиксировать допущенные при подсчете голосов и установлении итогов голосования нарушения избирательного законодательства и тем самым препятствует осуществлению эффективной судебной защиты нарушенных избирательных прав граждан, не имеющих реальной возможности собрать и представить суду в обоснование своей позиции по делу необходимые доказательства.

2. Согласно Конституции Российской Федерации носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации как демократическом правовом государстве с республиканской формой правления является ее многонациональный народ, который осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления; высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы (преамбула; статья 1, часть 1; статья 3, части 1—3); граждане Российской Федерации имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей (статья 32, часть 1), право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме (статья 32, часть 2).

Приведенным конституционным положениям корреспондируют статья 3 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и пункт «b» статьи 25 Международного пакта о гражданских и политических правах, согласно которым каждый гражданин должен иметь без какой-либо дискриминации и без необоснованных ограничений право и возможность голосовать и быть избранным на подлинных периодических выборах, проводимых на основе всеобщего и равного избирательного права при тайном голосовании и обеспечивающих свободное волеизъявление избирателей. Признаваемая и гарантируемая демократическими правовыми государствами возможность участия граждан в формировании органов народного представительства на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании находит свое нормативное воплощение также в положениях Всеобщей декларации прав человека (статья 21), Европейской хартии местного самоуправления (статья 3) и Конвенции о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах — участниках Содружества Независимых Государств (статья 1).

Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, право избирать своих представителей в органы государственной власти и органы местного самоуправления (активное избирательное право) и право быть избранными в эти органы (пассивное избирательное право) являются необходимой и существенной частью конституционного права граждан Российской Федерации участвовать в управлении делами государства и местного самоуправления и потому характеризуются общей направленностью на легитимацию выборных органов и должностных лиц публичной власти

путем непосредственного волеизъявления народа Российской Федерации либо населения публично-правового образования; будучи элементом конституционного статуса избирателя, избирательные права являются в то же время и элементом публично-правового института выборов — в них воплощаются как личный интерес каждого конкретного избирателя, в том числе в принятии непосредственного участия в управлении делами государства, так и публичный интерес, реализующийся в объективных итогах выборов и формировании на этой основе органов публичной власти.

Конституционной природой избирательных прав предопределяется, как это вытекает из ранее принятых решений Конституционного Суда Российской Федерации (постановления от 22 января 2002 года № 2-П, от 29 ноября 2004 года № 17-П, от 11 марта 2008 года № 4-П, от 7 июля 2011 года № 15-П, от 10 октября 2013 года № 20-П, от 19 декабря 2013 года № 28-П, от 15 апреля 2014 года № 11-П и др.), обязанность государства создавать условия, которые гарантировали бы адекватное выражение суверенной воли многонационального народа России посредством осуществления ее гражданами права на участие в управлении делами государства, и соответствующая обязанность законодателя устанавливать в рамках имеющейся у него дискреции с учетом необходимости поддержания баланса между законными интересами каждого гражданина и общества в целом наиболее эффективные нормативно-правовые механизмы, которые обеспечивали бы справедливые и равные условия реализации избирательных прав, включая точный учет каждого поданного голоса, и легитимацию органов публичной власти посредством применения рационально организованных процедур, отвечающих требованиям честности, прозрачности, безопасности и предотвращения возможных злоупотреблений; при этом в отношении граждан, обладающих активным избирательным правом, не должны устанавливаться необоснованные и чрезмерные ограничения, выходящие по своему характеру и объему за границы конституционно дозволенного, определяемого сохранением самого существа этого основного права.

Обеспечение гласности, транспарентности в рамках избирательного процесса, его открытости для контроля со стороны институтов гражданского общества, которая позволяла бы гражданам быть уверенными в том, что все избирательные процедуры осуществляются на основе соблюдения законности, а подсчет поданных ими голосов на выборах производится в строгом соответствии с состоявшимся волеизъявлением, и которая вместе с тем не нарушала бы нормальную работу государственных и муниципальных органов, призванных обеспечивать реализацию и защиту избирательных прав граждан в установленные сроки, служащие гарантией непрерывности осуществления публичной власти, является одним из важнейших факторов поддержания доверия во взаимоотношениях между гражданином и государством и определяет устойчивое функционирование конституционного механизма народовластия. Этому корреспондируют вытекающие из Конституции Российской Федерации, ее статей 2, 17 (часть 1), 18, 45 и 46 (части 1 и 2), гарантии судебной защиты избирательных прав граждан, конкретизируя которые федеральный законодатель должен стремиться к тому, чтобы обеспечивалась эффективная возможность восстановления нарушенных прав участников избирательного процесса.

2.1. Обращаясь к вопросам осуществления контроля со стороны граждан и иных институтов гражданского общества по поводу избирательных процедур, в частности применительно к возможности обжалования решений и действий (бездействия) избирательных комиссий, связанных с подсчетом голосов и установлением итогов голосования, результатов выборов, по заявлениям граждан, принимающих участие в выборах в качестве избирате-

лей, Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 22 апреля 2013 года № 8-П сформулировал следующие правовые позиции:

нормативное содержание активного избирательного права определяется необходимостью обеспечения адекватного выражения суверенной воли многонационального народа Российской Федерации, которая проявляется в объективных результатах выборов; при этом гражданин как избиратель вправе рассчитывать на то, что его голос в поддержку того или иного кандидата (списка кандидатов), одновременно выступающий слагаемым общей воли народа, будет учтен и зафиксирован уполномоченным органом в точном соответствии с состоявшимся актом волеизъявления; конституционное значение активного избирательного права не исчерпывается, таким образом, обеспечением лишь самого по себе свободного участия в голосовании на выборах – им предопределяются и последующие отношения, связанные в том числе с подсчетом голосов избирателей и установлением итогов голосования на том избирательном участке, на котором гражданин принимал участие в выборах в качестве избирателя, а также с определением результатов выборов, поскольку результаты выборов должны соответствовать зафиксированному в итогах голосования волеизъявлению избирателей;

в условиях демократического правового государства гражданину как избирателю во всяком случае не может быть отказано в праве на осуществление в тех или иных установленных законом формах, включая юрисдикционные, контроля над процедурами, связанными с подсчетом голосов и установлением итогов голосования, а также в возможности правомерного реагирования на выявленные нарушения, что предопределяет обязанность государства по созданию нормативно-правовых, организационных и иных условий эффективной реализации правомочия гражданина требовать устранения нарушений, допущенных при установлении итогов голосования; это предполагает, в частности, что федеральный законодатель при определении механизма судебной защиты избирательных прав должен обеспечить для избирателей право обжалования в судебном порядке решений и действий (бездействия) избирательных комиссий, связанных, прежде всего, с подсчетом голосов и установлением итогов голосования, с тем чтобы именно в ходе судебной процедуры они могли получить окончательную юридическую оценку доводов об обстоятельствах, свидетельствующих о соответствующих нарушениях, а при установлении фактов, подтверждающих невозможность определения действительного волеизъявления избирателей, суд имел бы возможность признать итоги голосования, результаты выборов недействительными на соответствующей территории; при этом федеральный законодатель вправе предусмотреть определенные условия и порядок реализации гражданами права на такое обжалование; во всяком случае граждане как избиратели не могут быть лишены возможности обращения в суд с заявлением о защите своих избирательных прав, нарушенных при установлении итогов голосования на том избирательном участке, на котором обратившиеся в суд граждане принимали участие в выборах в качестве избирателей.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 апреля 2013 года № 8-П сохраняет свою силу, а значит, сохраняют силу и приведенные правовые позиции, формулируя которые Конституционный Суд Российской Федерации, как это прямо следует из указанного Постановления, исходил из того, что содержательные характеристики контрольно-правового механизма, вводимого законодателем в целях обеспечения соответствия итогов голосования, результатов выборов реальному волеизъявлению избирателей, должны соотноситься с принципом обязательности итогов выборов, которому противоречило бы предоставление возможности неогра-

ниченному кругу лиц поставить их под сомнение по любым основаниям, в том числе связанным лишь с предположениями о допущенных в ходе установления итогов голосования нарушениях либо с намерением защитить субъективно понимаемый общественно-политический интерес — при отсутствии у обратившегося в суд лица достаточных оснований и необходимых доказательств для подтверждения своей позиции, согласно которой нарушения по своему характеру и масштабам не позволяют выявить действительную волю избирателей.

Вместе с тем Конституционный Суд Российской Федерации установил необходимость применения дифференцированного подхода к определению субъектов и условий обращения в суд в зависимости от того, что является предметом обжалования — итоги голосования или результаты выборов, равно как и в зависимости от территориального уровня установления итогов голосования. Обосновывая необходимость безусловного гарантирования для граждан, принимавших участие в выборах в качестве избирателей, возможности обжалования решений и действий (бездействия) избирательных комиссий, связанных с установлением итогов голосования на том избирательном участке, на котором эти граждане принимали участие в выборах, Конституционный Суд Российской Федерации — с учетом положений действовавшего законодательства, которые в части контрольных правомочий граждан, связанных с возможностями их непосредственного участия в деятельности избирательных комиссий, не претерпели каких-либо изменений с момента вынесения Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 22 апреля 2013 года № 8-П, — сделал вывод о том, что именно на этом территориальном уровне наиболее непосредственно проявляется электоральный интерес гражданина, связанный с правильным учетом поданного им голоса (его волеизъявления), и у него как избирателя могут быть реальные возможности по выявлению фактов, которые свидетельствуют о нарушениях, допущенных избирательной комиссией на той или иной стадии избирательного процесса.

2.2. По смыслу сформулированных Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 22 апреля 2013 года № 8-П правовых позиций, реализация гражданами, принимавшими участие в выборах в качестве избирателей, возможности обжаловать решения и действия (бездействия) избирательных комиссий, связанные с установлением итогов голосования на том избирательном участке, на котором эти граждане принимали участие в выборах, как таковая не обусловлена наличием у них права присутствовать лично или посредством представителей при подсчете голосов, установлении итогов голосования в помещении избирательной комиссии и не предопределяет непременно необходимость предоставления такой возможности — на этом территориальном уровне обстоятельства, указывающие на признаки допущенных нарушений избирательного законодательства при подсчете голосов и установлении итогов голосования, могут стать известными избирателям из различных, в том числе неформализованных, источников, а окончательную юридическую оценку доводы об этих обстоятельствах должны получать в ходе судебной процедуры, справедливой и беспристрастной.

Что касается судебного обжалования избирателями итогов голосования на иных территориальных уровнях, а также результатов выборов, как и оценки в этой связи их возможностей присутствовать при реализации избирательными комиссиями соответствующего уровня полномочий, связанных с подведением итогов выборов, то, как констатировал Конституционный Суд Российской Федерации в названном Постановлении, правомочия на судебное обжалование такого рода решений и действий (бездействия) изби-

рательных комиссий из Конституции Российской Федерации непосредственно не вытекают (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14 мая 2013 года № 718-О).

При этом на оценку пункта 1 статьи 30 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» не влияют имеющие факультативное значение для национального законодателя и отражающие многообразие подходов к правовому регулированию в данной сфере публичных отношений положения пункта 46 Пояснительного доклада к Своду рекомендуемых норм при проведении выборов, подготовленного Европейской комиссией за демократию через право (Венецианская комиссия Совета Европы) (Венеция, 18–19 октября 2002 года; Страсбург, 30 октября 2002 года), согласно которому при подсчете голосов допускается присутствие избирателей, зарегистрированных на соответствующем избирательном участке. Федеральный законодатель в соответствии с Конституцией Российской Федерации, ее статьями 15 (часть 4), 71 (пункты «в», «к»), 72 (пункт «б» части 1) и 76 (части 1 и 2), обладает необходимыми дискреционными полномочиями в отношении конкретных форм реализации правил, носящих рекомендательный характер, с учетом стоящих перед ним правотворческих задач в конкретно-исторических условиях развития избирательной системы Российской Федерации, а также принимая во внимание общую систему мер, обеспечивающих контроль за деятельностью избирательных комиссий.

Это не означает, однако, что законодательное регулирование организационно-правового механизма обеспечения гласности, транспарентности выборов, в том числе с точки зрения регулирования правомочий граждан и иных институтов гражданского общества по осуществлению контроля в сфере выборов, в частности, посредством предоставления возможности присутствия избирателей и иных лиц при работе избирательных комиссий, может осуществляться произвольно. Законодатель во всяком случае связан необходимостью обеспечения гарантий того, чтобы информация о деятельности избирательных комиссий, связанной с подсчетом голосов и установлением итогов голосования, определением результатов выборов, предоставлялась гражданам безотлагательно и отвечала требованиям полноты и достоверности, позволяла в своей совокупности реально оценить законность соответствующей деятельности избирательных комиссий, в том числе посредством обращения к судебным процедурам обжалования их решений и действий (бездействия).

3. В соответствии с изменениями, внесенными Федеральным законом от 2 апреля 2014 года № 51-ФЗ в федеральные законы «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», от 10 января 2003 года № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» и от 18 мая 2005 года № 51-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», законодателем в целях реализации Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 22 апреля 2013 года № 8-П предусмотрено право избирателей обратиться с жалобами на решения, действия (бездействие) участковой комиссии, связанные с установлением итогов голосования на том избирательном участке, на котором они принимали участие в выборах. При этом действующее избирательное законодательство, хотя оно и не относит избирателей к числу субъектов, правомочных присутствовать при подсчете голосов, установлении итогов голосования в помещении избирательной комиссии, предусматривает иные меры, позволяющие обеспечить транспарентность подсчета голосов и установления итогов голосо-

ния в качестве условия фиксации нарушений, их предотвращения и последующего оспаривания указанных итогов в судебном порядке.

Так, согласно пунктам 30 и 31 статьи 68 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» первый экземпляр протокола участковой комиссии об итогах голосования после подписания его всеми присутствующими членами участковой комиссии с правом решающего голоса и выдачи его заверенных копий лицам, имеющим право на получение этих копий, незамедлительно направляется в вышестоящую комиссию и возврату в участковую комиссию не подлежит; к нему приобщаются особые мнения членов участковой комиссии с правом решающего голоса, а также поступившие в указанную комиссию в день голосования и до окончания подсчета голосов избирателей, участников референдума жалобы (заявления) на нарушения закона, на основании которого проводятся выборы, принятые по указанным жалобам (заявлениям) решения участковой комиссии и составленные участковой комиссией акты и реестры; заверенные копии указанных документов и решений участковой комиссии прилагаются ко второму экземпляру протокола об итогах голосования; второй экземпляр протокола об итогах голосования предоставляется для ознакомления наблюдателям, иным лицам, указанным в пункте 3 статьи 30 данного Федерального закона (в том числе представителям средств массовой информации), а его заверенная копия вывешивается для всеобщего ознакомления в месте, установленном участковой комиссией; второй экземпляр протокола вместе с предусмотренной законом избирательной документацией, документацией референдума, включая бюллетени, списки членов участковой комиссии с правом совещательного голоса, иных лиц, указанных в пункте 3 статьи 30 данного Федерального закона, а также печать участковой комиссии передается в вышестоящую комиссию для хранения. Тем самым законодательством о выборах предусмотрены меры по формированию и хранению избирательной документации, передаче заверенных копий протоколов об итогах голосования и приобщенных к ним документов, в том числе представителям средств массовой информации, а также их обнародованию (вывешивание в установленном участковой комиссией месте для всеобщего ознакомления).

В силу пункта 36 статьи 68 названного Федерального закона при проведении выборов в органы государственной власти и органы местного самоуправления муниципальных районов и городских округов, а также при проведении референдума субъекта Российской Федерации, местного референдума в муниципальном районе и городском округе данные протоколов участковых комиссий об итогах голосования размещаются в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в порядке, определяемом Центральной избирательной комиссией Российской Федерации; абонентам информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» должны быть оперативно доступны (в режиме «только чтение») при использовании в ходе выборов, референдума Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Выборы» (отдельных ее технических средств) данные об участии избирателей, участников референдума в выборах, референдуме, о предварительных и об окончательных итогах голосования (пункт 5 статьи 74). Порядок и сроки размещения соответствующих данных на официальном сайте Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, на официальных сайтах избирательных комиссий субъектов Российской Федерации установлены Инструкцией по размещению данных Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Выборы» в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (утверждена постановлени-

ем Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 20 апреля 2016 года № 4/33-7).

Вместе с тем Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» предусмотрено право представителей средств массовой информации находиться в помещении для голосования в день голосования, в дни досрочного голосования, осуществлять наблюдение за голосованием и подсчетом голосов избирателей, производить фото- и видеосъемку, предварительно уведомив об этом председателя, заместителя председателя или секретаря соответствующей комиссии, а также получать копии протокола участковой комиссии об итогах голосования (в том числе составленного повторно) (пункт 11¹ статьи 30, пункт 29 статьи 68).

Согласно же Закону Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 «О средствах массовой информации» граждане имеют право на оперативное получение достоверных сведений о деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, организаций, общественных объединений, их должностных лиц через средства массовой информации (организации, учреждения, предприятия либо граждан, объединение граждан, осуществляющие производство и выпуск средства массовой информации), редакции которых осуществляют свою деятельность на основе профессиональной самостоятельности (абзац девятый статьи 2, часть первая статьи 19, часть первая статьи 38), а журналист (лицо, занимающееся редактированием, созданием, сбором или подготовкой сообщений и материалов для редакции средства массовой информации) обязан соблюдать запрет на проведение предвыборной агитации, агитации по вопросам референдума при осуществлении профессиональной деятельности (абзац одиннадцатый статьи 2, пункт 10 части первой статьи 49).

Кроме того, следует учитывать, что Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в соответствии с пунктом 5 статьи 7 Конвенции о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах – участниках Содружества Независимых Государств (Кишинев, 7 октября 2002 года) допускает установление законом возможности назначения как непосредственными участниками избирательного процесса (зарегистрированными кандидатами, избирательными объединениями), так и иными общественными объединениями (пункт 4 статьи 30) наблюдателей, что предполагает возложение на них публично значимых функций, связанных с реализацией и защитой общего интереса, направленного на придание выборам необходимой гласности и обеспечение демократического контроля гражданского общества за соблюдением конституционных и законодательных требований, предъявляемых к их проведению, включая процедуры подсчета голосов.

Таким образом, действующим избирательным законодательством предусмотрены различные способы как непосредственного выявления и фиксации гражданами, в том числе с использованием технических средств в рамках информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», обстоятельств, указывающих на наличие признаков нарушений избирательного законодательства при подведении итогов выборов, так и на основе гарантирования представителям средств массовой информации возможности – как незаинтересованным лицам, осуществляющим свою деятельность на основе профессиональной самостоятельности, – для обеспечения права граждан на оперативное получение достоверных сведений присутствовать в помещении для голосования в день голосования, в дни досрочного голосования, осуществлять наблюдение за голосованием и подсчетом голосов избирате-

лей, производить фото- и видеосъемку, получать копии протокола участковой комиссии об итогах голосования.

4. При оценке возможностей получения гражданами информации о проведении подсчета голосов и установлении итогов голосования в целях реализации права на судебную защиту не могут не учитываться также особенности порядка производства по административным делам по защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации, получившие отражение в Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации (глава 24), а также предусмотренные в нем правила доказывания и истребования доказательств (глава 6).

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 22 апреля 2013 года № 8-П, сформулированная им ранее правовая позиция о недопустимости в стадии возбуждения дела, в которой не проводится судебное заседание с участием сторон и решаются вопросы лишь процессуального характера, установления отсутствия нарушения оспариваемым нормативным правовым актом органа государственной власти прав и свобод заявителя и отказа по этому основанию в принятии к рассмотрению его заявления о признании соответствующего нормативного правового акта противоречащим закону, распространяется и на отношения, касающиеся обжалования решений и действий (бездействия) избирательных комиссий, связанных с подсчетом голосов и установлением итогов голосования, определением результатов выборов.

Согласно части 1 статьи 63 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в целях правильного разрешения административных дел суд вправе истребовать доказательства по ходатайству лиц, участвующих в деле, или по своей инициативе; копии документов, полученных судом, направляются им лицам, участвующим в деле, если у них эти документы отсутствуют. При этом, принимая во внимание, что статьей 34 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» предусмотрена обязанность редакции радио-, телепрограммы в целях обеспечения доказательств, имеющих значение для правильного разрешения споров, сохранять материалы собственных передач, вышедших в эфир в записи, и фиксировать в регистрационном журнале передачи, вышедшие в эфир, доказательства для разрешения споров об итогах голосования могут быть судом истребованы и у редакций средств массовой информации.

Соответственно, действующее федеральное законодательство не препятствует гражданам на основе ставших им известными, в том числе из неформализованных источников, фактов о допущенных нарушениях при подсчете голосов и определении результатов голосования обжаловать соответствующие решения и действия (бездействие) избирательных комиссий на том избирательном участке, где такие граждане приняли участие в голосовании.

Предположение же заявителей о том, что предусмотренные действующим законодательством способы осуществления общественного контроля над процедурами подсчета голосов и определением результата голосования не позволяют обеспечить для граждан эффективную реализацию права на судебную защиту избирательных прав, носит применительно к соответствующей стадии избирательного процесса абстрактный характер и не ставит под сомнение презумпцию конституционной добросовестности в деятельности органов публичной власти, призванных объективно и беспристрастно подходить к оценке заявлений о фактах нарушения избирательных прав при подсчете голосов и определении результатов голосования, оказывать гражданам при необходимости содействие в использовании предусмотренных действующим законодательством правовых средств защиты своих прав.

При этом к дискреционным полномочиям законодателя относится решение вопроса о расширении объема правовых средств, предназначенных для выявления и фиксации гражданами допущенных нарушений в деятельности избирательных комиссий, включая возможную дифференциацию в зависимости от уровня выборов, в частности с учетом особенностей конституционно-правовой природы муниципальных выборов как института самоорганизации населения конкретного муниципального образования, равно как и дальнейшее совершенствование — на основе складывающейся практики проведения выборов и судебной защиты избирательных прав граждан при подсчете голосов (определении результатов голосования) — правового регулирования избирательных отношений, направленного на повышение уровня гласности в работе избирательных комиссий путем усиления общественного контроля за их деятельностью, в том числе с учетом сложившихся в этой сфере международных стандартов, включая накопленный национальный опыт их реализации в прежней системе избирательного законодательства.

5. Таким образом, положения пункта 1 статьи 30 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», рассматриваемые в том числе в свете правовых позиций, выработанных Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 22 апреля 2013 года № 8-П, и внесенных в порядке его реализации изменений в действующее законодательство, не содержат неопределенности с точки зрения их соответствия Конституции Российской Федерации, а потому запрос группы депутатов Государственной Думы, как не отвечающий критерию допустимости такого рода обращений в Конституционный Суд Российской Федерации, установленному Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации», не подлежит дальнейшему рассмотрению Конституционным Судом Российской Федерации.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Признать запрос группы депутатов Государственной Думы не подлежащим дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку для разрешения поставленного заявителями вопроса не требуется вынесение предусмотренного статьей 71 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» итогового решения в виде постановления.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данному запросу окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию в «Собрании законодательства Российской Федерации», на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

---

7 июля
2016 года,
город Санкт-
Петербург

№ 1423-О

об отказе в принятии к рассмотрению
жалобы религиозной организации
«Церковь евангельских христиан
“Назарет”» на нарушение
конституционных прав и свобод
подпунктом 2 пункта 4 статьи 181²
Гражданского кодекса Российской
Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, Г. А. Жилина, С. М. Казанцева, М. И. Клеандрова, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева,

заслушав заключение судьи Г. А. Гаджиева, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы религиозной организации «Церковь евангельских христиан “Назарет”»,

у с т а н о в и л :

1. В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации религиозная организация «Церковь евангельских христиан “Назарет”» оспаривает конституционность подпункта 2 пункта 4 статьи 181² «Принятие решения собрания» ГК Российской Федерации, согласно которому в протоколе о результатах очного голосования участников собрания гражданско-правового сообщества должны быть указаны сведения о лицах, принявших участие в таком собрании.

Как следует из представленных материалов, Управление Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Татарстан отказало в удовлетворении заявления религиозной организации «Церковь евангельских христиан “Назарет”» о государственной регистрации изменений в ее учредительные документы со ссылкой на то, что представленные документы не соответствуют требованиям законодательства.

Советский районный суд города Казани, отказывая в признании данного решения незаконным, указал, что в протоколе общего собрания религиозной организации «Церковь евангельских христиан “Назарет”» отсутствовали сведения о составе участников этого собрания, что в силу подпункта 2 пункта 4 статьи 181² ГК Российской Федерации недопустимо (решение от 13 марта 2015 года). Суд апелляционной инстанции оставил без удовлетворения апелляционную жалобу заявителя на решение суда первой инстанции; в передаче кассационной жалобы на состоявшиеся судебные постановления для рассмотрения в заседании суда кассационной инстанции заявителю также было отказано.

По мнению заявителя, оспариваемое законоположение, устанавливающее общее для всех гражданско-правовых сообществ правило об указании в

протоколе общего собрания, в том числе по вопросу о внесении изменений и дополнений в устав, сведений о лицах, принявших участие в собрании, вынуждает членов религиозных организаций, в нарушение гарантированного статьей 29 (часть 3) Конституции Российской Федерации права не быть принужденным к выражению своих убеждений, раскрывать свою принадлежность к определенному вероисповеданию.

2. Статьи 19 (части 1 и 2), 28 и 29 (часть 3) Конституции Российской Федерации в их взаимосвязи гарантируют каждому свободу совести, свободу вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними, и при этом отвергают любые формы ограничения прав граждан по признакам религиозной принадлежности и не допускают принуждения к выражению своих мнений и убеждений.

Особенности гражданско-правового положения религиозных объединений, в том числе религиозных организаций — юридических лиц, зарегистрированных в таком качестве, согласно Федеральному закону «О свободе совести и о религиозных объединениях», регулируются именно названным Федеральным законом (статья 8) и ему должны соответствовать принимаемые в Российской Федерации законы и иные нормативные правовые акты, затрагивающие реализацию права на свободу совести и свободу вероисповедания, а также деятельность религиозных объединений (статья 1, пункт 2 статьи 2). При этом положения Гражданского кодекса Российской Федерации в силу пункта 2 его статьи 123²⁶ применяются к религиозным организациям, если иное не установлено Федеральным законом «О свободе совести и о религиозных объединениях» и другими законами.

2.1. Конституционный Суд Российской Федерации, обращаясь к вопросу о гражданско-правовом положении религиозных организаций, в ряде своих решений сформулировал следующие правовые позиции:

федеральный законодатель, реализуя полномочия, вытекающие из статей 71 (пункты «в», «о») и 76 Конституции Российской Федерации, вправе урегулировать гражданско-правовое положение религиозных объединений, в том числе условия признания религиозного объединения в качестве юридического лица, порядок его учреждения, создания и государственной регистрации, и определить содержание правоспособности религиозных объединений, исходя из того что вводимые им меры, относящиеся к учреждению, созданию и регистрации религиозных организаций, не должны искажать само существо свободы вероисповедания, права на объединение и свободы деятельности общественных объединений, а возможные ограничения, затрагивающие эти и иные конституционные права, должны быть оправданными и соразмерными конституционно значимым целям (Постановление от 6 декабря 2011 года № 26-П);

не существует юридических препятствий для того, чтобы религиозное объединение создавалось и действовало без государственной регистрации, однако при этом оно не будет обладать статусом юридического лица и пользоваться обусловленными им правами и льготами, предусмотренными Федеральным законом от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» для религиозных организаций (пункты 3 и 4 статьи 5, пункт 5 статьи 13, статьи 15–24), т. е. такими коллективными правами, которые граждане реализуют совместно с другими гражданами и именно через религиозную организацию, наделенную статусом юридического лица, но не каждый в отдельности или через религиозную группу (Определение от 9 апреля 2002 года № 113-О);

исходя из задачи обеспечения соответствия деятельности религиозных объединений, создаваемых в форме религиозных организаций, целям, для которых они создаются – для совместного исповедания и распространения веры, законодатель предъявляет особые требования к процедуре создания и условиям деятельности религиозных организаций (Определение от 25 января 2012 года № 115-О-О).

Положение подпункта 2 пункта 4 статьи 181² ГК Российской Федерации, требующее указывать в протоколе о результатах очного голосования на собрании гражданско-правового сообщества сведения о принявших участие в таком собрании, не ограничивает сферу своего действия юридическими лицами какой-либо конкретной организационно-правовой формы. Согласно разъяснениям, данным Пленумом Верховного Суда Российской Федерации, под решениями собраний в данном случае должны пониматься решения гражданско-правового сообщества, т. е. определенной группы лиц, наделенной полномочиями принимать на собраниях решения, с которыми закон связывает гражданско-правовые последствия, обязательные для всех лиц, имевших право участвовать в таком собрании, а также для иных лиц, если это установлено законом или вытекает из существа отношений; к решениям собраний относятся и решения коллегиальных органов управления юридического лица (собраний участников); при этом нормы главы 9¹ ГК Российской Федерации к решениям собраний применяются в части, не урегулированной специальными законами, или в части, конкретизирующей их положения, например о сведениях, указываемых в протоколе (пункты 3–5 статьи 181² ГК Российской Федерации) (пункты 103 и 104 постановления от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

Из этого следует, что оспариваемое положение Гражданского кодекса Российской Федерации применимо и к принимаемым общим собранием религиозной организации решениям, касающимся внесения изменений и дополнений в ее устав.

2.2. Предусматривая в Федеральном законе от 7 мая 2013 года № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» специальную форму для оформления решения собрания – протокол – и требования к его содержанию, т. е. к сведениям, указываемым в нем, Федеральный законодатель стремился обеспечить достоверность даты принятия решения, его содержания и установить лиц, ответственных за достоверность содержащихся в протоколе сведений (на это указывалось в пояснительной записке к проекту Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в часть первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации», отдельные положения которого в соответствии с постановлением Государственной Думы от 16 ноября 2012 года № 1150-6 были приняты затем в качестве самостоятельных законопроектов).

Несоблюдение требований к протоколу, согласно подпункту 4 пункта 1 статьи 181⁴ ГК Российской Федерации, может стать основанием к признанию его недействительным (хотя в случае оспаривания решения собрания само по себе оно не влечет безусловного вывода о ничтожности такого решения). При этом в оспаривании решения собрания по мотиву предполагаемых нарушений законных интересов отдельных участников или гражданско-правового сообщества в целом (таких, которые могут привести к существенным неблагоприятным последствиям в виде возникновения убытков, лишения права на получение выгоды от использования имущества гражданско-правового сообщества, ограничения или лишения участника воз-

возможности в будущем принимать управленческие решения или осуществлять контроль за деятельностью гражданско-правового сообщества) могут быть заинтересованы в первую очередь лица, не принимавшие участия в собрании или голосовавшие против принятия оспариваемого решения (абзац первый пункта 3 статьи 181⁴ ГК Российской Федерации); решение собрания может быть признано судом недействительным, если голосование лица, чьи права затрагиваются этим решением, могло повлиять на его принятие (пункт 4 статьи 181⁴ ГК Российской Федерации, пункт 109 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

Следовательно, оспариваемое законоположение направлено не на ущемление, а на наилучшую защиту законных интересов всех участников гражданско-правового сообщества, не исключая членов религиозной организации. Кроме того, учитывая, что согласно пункту 3 статьи 181² ГК Российской Федерации протокол собрания в обязательном порядке подписывается председательствующим на собрании и секретарем собрания (которые избираются из числа его участников), оспариваемое законоположение позволяет наиболее полно обеспечить принцип правового равенства между всеми участниками собрания религиозной организации независимо от их роли.

2.3. Подпункт 2 пункта 4 статьи 181² ГК Российской Федерации, требующий указывать в протоколе сведения о принявших участие в собрании, сам по себе не регулирует вопрос об объеме информации, подлежащей представлению в компетентные государственные органы в связи с государственной регистрацией изменений и дополнений, внесенных в устав религиозной организации, и тем более не предусматривает возможности раскрытия этой информации иным лицам, — он лишь устанавливает форму ее фиксации.

Порядок государственной регистрации изменений и дополнений, вносимых в устав религиозной организации, по смыслу Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» (статья 11), а также федеральных законов от 12 января 1996 года № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (статьи 13¹ и 23) и от 8 августа 2001 года № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (глава VI), определяется указанными законоположениями, которые в жалобе религиозной организации «Церковь евангельских христиан «Назарет» не оспариваются и которые, устанавливая, что в регистрирующий орган представляется в том числе решение правомочного органа о внесении изменений в учредительные документы, требований к форме такого решения и объему представляемых при этом сведений также не предъявляют.

В силу этого применение оспариваемой заявителем нормы, как и иных находящихся в системном единстве с нею норм, невозможно без обращения к подзаконным нормативным актам, уточняющим порядок исполнения обязанностей, возникающих в связи с государственной регистрацией изменений и дополнений, внесенных в устав религиозной организации. Так, административный регламент предоставления Министерством юстиции Российской Федерации государственной услуги по принятию решения о государственной регистрации некоммерческих организаций (утвержден приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 30 декабря 2011 года № 455) устанавливает, что при принятии решения о внесении изменений в учредительные документы и (или) изменении иных сведений, подлежащих внесению в Единый государственный реестр юридических лиц, протокол (выписка из протокола) заседания высшего, иного уполномоченного орга-

на управления некоммерческой организации в случае проведения заседания в форме общего собрания (заседания) должен, помимо прочих сведений, содержать сведения об общем количестве членов (участников, учредителей) высшего или иного уполномоченного органа управления некоммерческой организации на дату проведения заседания и о количестве фактически присутствующих на заседании членов (участников, учредителей), о соблюдении положений устава некоммерческой организации в части определения правомочности (кворума) заседания высшего или иного уполномоченного органа управления (пункт 43). При этом судебный контроль за законностью подзаконных нормативных правовых актов, в том числе административных регламентов, и устранение имеющейся в них неопределенности может быть осуществлен соответствующими судами в пределах и в порядке, предусмотренных законодательством Российской Федерации (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 10 марта 2016 года № 448-О).

2.4. Сведения о персональном составе участников собрания религиозной организации, вопреки утверждению заявителя, не относятся к информации, доступ к которой не ограничен. Такой вывод вытекает из самого подпункта 2 пункта 4 статьи 181² ГК Российской Федерации, рассматриваемого в свете положений Федерального закона «О персональных данных».

Названный Федеральный закон предусматривает, что обработка персональных данных допускается, когда она, в частности, необходима для исполнения полномочий федеральных органов исполнительной власти, участвующих в предоставлении государственных услуг, предусмотренных Федеральным законом от 27 июля 2010 года № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», и должна осуществляться с соблюдением определенных принципов и правил (часть 1 статьи 6): так, обработке подлежат только персональные данные, которые отвечают целям их обработки; обрабатываемые персональные данные не должны быть избыточными по отношению к заявленным целям их обработки (части 4–5 статьи 5); обработка персональных данных специальных категорий, в том числе касающихся религиозных убеждений, не допускается, за исключением ряда случаев, к каковым данный Федеральный закон относит необходимость обработки персональных данных для установления или осуществления прав субъекта таких данных или третьих лиц, а равно в связи с осуществлением правосудия (часть 1 и пункт 6 части 2 статьи 10); операторы и иные лица, получившие доступ к персональным данным, обязаны не раскрывать третьим лицам и не распространять персональные данные без согласия субъекта персональных данных, если иное не предусмотрено федеральным законом (статья 7).

Помимо этого статьи 19, 21, 23 и 24 Федерального закона «О персональных данных» закрепляют меры, направленные на обеспечение безопасности персональных данных при их обработке (защита от неправомерного или случайного доступа к ним, уничтожения, изменения, блокирования, копирования, предоставления, распространения и пр.), обязанности оператора по устранению нарушений законодательства, допущенных при обработке персональных данных, по уточнению, блокированию и уничтожению персональных данных, а также устанавливают ответственность за нарушение требований данного Федерального закона и полномочия органа, осуществляющего защиту прав субъектов персональных данных.

Как указывал Конституционный Суд Российской Федерации, правовое регулирование, предусматривающее защиту и ограниченное использование персональных данных и называющее конфиденциальность персональных данных в качестве общего требования, которое предполагает, что операторы

и иные лица, получившие доступ к персональным данным, т. е. любой информации, относящейся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных), обязаны не раскрывать третьим лицам и не распространять персональные данные без согласия субъекта персональных данных, если иное не предусмотрено федеральным законом, направлено на обеспечение выполнения органами государственной власти и органами местного самоуправления своих обязанностей, связанных с предоставлением гражданам государственных (муниципальных) услуг, и в то же время – на защиту прав и интересов лиц, нуждающихся в получении государственных (муниципальных) услуг (определения от 18 октября 2012 года № 1961-О и от 22 декабря 2015 года № 2906-О).

2.5. Таким образом, оспариваемое положение Гражданского кодекса Российской Федерации, действующее в системе норм данного Кодекса и иных нормативных правовых актов и не допускающее, вопреки утверждению заявителя, беспрепятственного распространения информации о религиозных убеждениях его участников, ставшей доступной компетентным государственным органам при исполнении ими своих функций, его конституционные права не нарушает.

Соответственно, данная жалоба, как не отвечающая критерию допустимости обращений в Конституционный Суд Российской Федерации, закрепленному в статьях 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», не может быть принята им к рассмотрению.

Заявитель, оспаривая конституционность подпункта 2 пункта 4 статьи 181² ГК Российской Федерации, указывает на его несогласованность с пунктом 5 статьи 3 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», в силу которого никто не обязан сообщать о своем отношении к религии, и статьей 10 Федерального закона «О персональных данных», посвященной обработке специальных категорий персональных данных. Иными словами, фактически он ставит вопрос о проверке правильности установления подлежащих применению в его деле правовых норм.

Между тем Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно подчеркивал, что истолкование и выбор подлежащих применению норм, в том числе в случаях конкуренции норм законов и норм, содержащихся в подзаконных актах, возлагается на суды общей юрисдикции и арбитражные суды; разрешение такого рода вопросов не входит в компетенцию Конституционного Суда Российской Федерации.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы религиозной организации «Церковь евангельских христиан “Назарет”», поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

---

7 июля
2016 года,
город Санкт-
Петербург

№ 1424-О

об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Журавлева Сергея Валентиновича на нарушение его конституционных прав пунктом «м» части первой статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, Г. А. Жилина, С. М. Казанцева, М. И. Клеандрова, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева,

заслушав заключение судьи В. Г. Ярославцева, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы гражданина С. В. Журавлева,

у с т а н о в и л :

1. В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации гражданин С. В. Журавлев оспаривает конституционность пункта «м» части первой статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации (утверждено Постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 23 декабря 1992 года № 4202-1 «Об утверждении Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и текста Присяги сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации»), согласно которому сотрудники органов внутренних дел могут быть уволены со службы в связи с осуждением за преступление после вступления в законную силу обвинительного приговора суда, а также прекращением уголовного преследования за истечением срока давности, в связи с примирением сторон, за исключением уголовных дел частного обвинения, вследствие акта об амнистии, в связи с деятельным раскаянием.

С. В. Журавлев был принят на службу в Государственную противопожарную службу Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий и по контракту от 21 января 2013 года проходил службу в должности командира отделения 12 пожарной части федерального государственного казенного учреждения «Отряд федеральной противопожарной службы по Смоленской области».

Приказом начальника указанного учреждения от 18 июня 2015 года № 36-нс заявитель был уволен со службы в Государственной противопожарной службе по основанию, предусмотренному пунктом «м» части первой статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации. Поводом к увольнению послужило то обстоятельство, что постановлением Вяземского городского суда Смоленской области от 12 октября

2006 года уголовное дело по обвинению С. В. Журавлева (на тот момент не достигшего совершеннолетия) и И. А. Галеева в совершении преступления, предусмотренного подпунктами «а», «б» части второй статьи 158 УК Российской Федерации (кража, совершенная группой лиц по предварительному сговору с незаконным проникновением в помещение либо иное хранилище), было прекращено в связи с примирением с потерпевшим (статья 25 УПК Российской Федерации).

С. В. Журавлев обратился в суд с иском к федеральному государственному казенному учреждению «Отряд федеральной противопожарной службы по Смоленской области» о восстановлении на службе, в удовлетворении которого ему было отказано решением Вяземского районного суда Смоленской области от 4 августа 2015 года, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Смоленского областного суда от 20 октября 2015 года.

Нарушение пунктом «м» части первой статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации своих конституционных прав, закрепленных статьями 19, 37 (часть 1), 45, 46 (часть 1 и 2), 54 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, заявитель усматривает в том, что оспариваемая норма допускает безусловное увольнение сотрудника федеральной противопожарной службы, уголовное преследование в отношении которого было прекращено до поступления на службу по нереабилитирующим основаниям (примирение сторон по делам публичного обвинения), несоразмерно ограничивая право таких лиц на свободное распоряжение своими способностями к труду и нарушая баланс конституционных ценностей.

2. Пункт «м» части первой статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации в той мере, в какой на его основании решается вопрос об увольнении со службы сотрудника, замещающего должность пожарного в Государственной противопожарной службе Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, который был осужден за совершение преступления, притом что его судимость была снята или погашена до поступления на службу, был предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации.

В Постановлении от 8 декабря 2015 года № 31-П Конституционный Суд Российской Федерации, опираясь на ранее сформулированные правовые позиции, пришел к выводу, что пункт «м» части первой статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации не противоречит Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования он не предполагает безусловное увольнение сотрудников, судимость которых была снята или погашена до поступления на службу, замещающих должности пожарных в подразделениях федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы, основными обязанностями которых являются тушение пожаров и проведение аварийно-спасательных работ, без учета факторов, позволяющих оценить риски наступления неблагоприятных последствий при продолжении такими сотрудниками службы, в том числе уголовно-правовых характеристик совершенного преступления, срока, прошедшего с момента его совершения, а также с момента снятия или погашения судимости, поведения сотрудника в этот период, включая отношение к исполнению своих служебных обязанностей, и других значимых обстоятельств.

Этот вывод был основан на характере осуществляемой пожарными деятельности и специфике выполняемых ими обязанностей, связанных ис-

ключительно с ликвидацией пожара и его последствий. Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации в указанном Постановлении, при определении возможности продолжения государственной службы наряду с морально-нравственными качествами сотрудника федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы существенное значение имеют характер и условия осуществляемой ими деятельности.

2.1. Командир отделения, как это следует из пунктов 6.1 и 6.11 Порядка организации службы в подразделениях пожарной охраны (утвержден приказом Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий от 5 апреля 2011 года № 167), является должностным лицом караула (дежурной смены) и непосредственным начальником (руководителем) личного состава отделения караула (дежурной смены). Наряду с непосредственным участием в тушении пожаров он обязан осуществлять контроль за дисциплиной подчиненного личного состава отделения; проводить занятия с личным составом отделения; контролировать несение службы личным составом отделения; осуществлять контроль за правилами ношения установленной формы одежды личным составом отделения; обеспечивать выполнение личным составом отделения нормативов по пожарно-строевой (пожарно-спасательной) подготовке; знакомиться с распорядительной документацией по организации караульной службы; предлагать начальнику караула отстранять от выполнения служебных обязанностей личный состав отделения в случаях нарушения дисциплины и правил охраны труда; вносить начальнику караула предложения о поощрении и наказании личного состава отделения, а также предложения по улучшению условий организации караульной службы и др. (пункт 6.12).

Таким образом, возложенные на командира отделения обязанности существенно отличаются от обязанностей пожарного, связанных исключительно с ликвидацией пожара и его последствий. Следовательно, нет оснований для распространения правовой позиции, выраженной в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2015 года № 31-П применительно к должности пожарного, на случаи увольнения сотрудника федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы с иным характером и условиями деятельности.

2.2. Выявляя конституционно-правовой смысл пункта «м» части первой статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации применительно к увольнению сотрудников, замещающих должности пожарных в подразделениях федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы, Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что применение данного Положения к правоотношениям по прохождению государственной службы в Государственной противопожарной службе Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий рассматривалось как временная мера, а специфику прохождения службы в ней предполагалось учесть в федеральном законе.

23 мая 2016 года был принят Федеральный закон № 141-ФЗ «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Статьей 98 указанного Федерального закона признана утратившей силу часть первая статьи 40 Федерального закона от 25 июля 2002 года № 116-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области пожарной безопасности», согласно которой на лиц рядового и начальствующего состава органов внут-

ренных дел, переходящих на службу в Государственную противопожарную службу Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, а также на лиц, вновь поступающих на службу в Государственную противопожарную службу, до принятия федерального закона, регулирующего прохождение службы в Государственной противопожарной службе Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, распространялось действие Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации.

Соответственно, с момента вступления в силу Федерального закона «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» на сотрудников федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы не распространяется действие Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации. Их служебные отношения регулируются указанным Законом, который с учетом принципов и специфики службы в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы предусмотрел правила ее прохождения, в частности установил ограничения и запреты, связанные с данной службой, и корреспондирующие им основания увольнения со службы (часть 3 статьи 83).

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктами 2 и 4 статьи 43, частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Журавлева Сергея Валентиновича, поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

---

7 июля
2016 года,
город Санкт-
Петербург

№ 1425-О

об отказе в принятии к рассмотрению
жалобы гражданина Столбова
Максима Сергеевича на нарушение
его конституционных прав пунктом «м»
части первой статьи 58 Положения
о службе в органах внутренних дел
Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, Г. А. Жилина, С. М. Казанцева, М. И. Клеандрова, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева,

заслушав заключение судьи В. Г. Ярославцева, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы гражданина М. С. Столбова,

у с т а н о в и л :

1. В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации гражданин М. С. Столбов оспаривает конституционность пункта «м» части первой статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации (утверждено Постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 23 декабря 1992 года № 4202-1 «Об утверждении Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и текста Присяги сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации»), согласно которому сотрудники органов внутренних дел могут быть уволены со службы в связи с осуждением за преступление после вступления в законную силу обвинительного приговора суда, а также прекращением уголовного преследования за истечением срока давности, в связи с примирением сторон, за исключением уголовных дел частного обвинения, вследствие акта об амнистии, в связи с деятельным раскаянием.

М. С. Столбов был принят на службу в Государственную противопожарную службу Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий 1 июня 2009 года и до 1 февраля 2011 года замещал должность пожарного. 1 февраля 2011 года с ним был заключен контракт о прохождении службы в Государственной противопожарной службе в должности начальника караула.

Приказом начальника Главного управления Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий по Приморскому краю от 11 августа 2014 года № 138-НС заявитель был уволен со службы в Государственной противопожарной службе по основанию, предусмотренному пунктом «м» части первой статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел

Российской Федерации. Поводом к увольнению послужило то обстоятельство, что приговором Яковлевского районного суда Приморского края от 29 июля 1999 года М. С. Столбов был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного статьей 213 «Хулиганство» УК Российской Федерации, и ему было назначено наказание в виде двух лет исправительных работ с удержанием из заработка ежемесячно 20 процентов в доход государства, от которого он был освобожден в связи с актом об амнистии.

М. С. Столбов обратился в суд с иском к Главному управлению Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий по Приморскому краю о восстановлении на службе и взыскании заработной платы за время вынужденного прогула. Решением Ленинского районного суда города Владивостока от 10 ноября 2014 года его требования были удовлетворены: М. С. Столбов был восстановлен на службе в должности начальника караула 20 пожарной части федерального государственного казенного учреждения «2 отряд федеральной противопожарной службы по Приморскому краю» с 11 августа 2014 года.

Данное решение было изменено определением судебной коллегии по гражданским делам Приморского краевого суда от 16 февраля 2015 года в части указания на дату восстановления на службе (с 12 августа 2014 года) и соответственно уменьшения взыскиваемой суммы; иные выводы суда первой инстанции признаны правильными.

Постановлением президиума Приморского краевого суда от 8 июня 2015 года решение суда первой инстанции и определение суда апелляционной инстанции были отменены, по делу было принято новое решение об отказе М. С. Столбову в удовлетворении его исковых требований.

После принятия Конституционным Судом Российской Федерации Постановления от 8 декабря 2015 года № 31-П по делу о проверке конституционности пункта «м» части первой статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. Л. Алборова М. С. Столбов обратился в суд с заявлением о пересмотре дела по новым обстоятельствам, в удовлетворении которого ему было отказано постановлением президиума Приморского краевого суда от 15 февраля 2016 года в связи с тем, что он не являлся заявителем, в отношении которого принято указанное Постановление Конституционного Суда Российской Федерации.

Нарушение пунктом «м» части первой статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации своих конституционных прав, закрепленных статьями 2, 7 (часть 2), 15 (часть 2), 17 (часть 1), 18, 19, 37 (часть 1) и 55 Конституции Российской Федерации, заявитель усматривает в том, что оспариваемая норма допускает увольнение сотрудника федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы, осужденного за совершение преступления задолго до поступления на службу, за пределами разумного срока, прошедшего с момента совершения преступления и поступления на службу, и без учета отношения сотрудника к исполнению своих служебных обязанностей, несоразмерно ограничивая право таких лиц на свободное распоряжение своими способностями к труду.

2. Пункт «м» части первой статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации в той мере, в какой на его основании решается вопрос об увольнении со службы сотрудника, замещающего должность пожарного в Государственной противопожарной службе Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, который был

осужден за совершение преступления, притом что его судимость была снята или погашена до поступления на службу, был предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации.

В Постановлении от 8 декабря 2015 года № 31-П Конституционный Суд Российской Федерации, опираясь на ранее сформулированные правовые позиции, пришел к выводу, что пункт «м» части первой статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации не противоречит Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования он не предполагает безусловное увольнение сотрудников, судимость которых была снята или погашена до поступления на службу, замещающих должности пожарных в подразделениях федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы, основными обязанностями которых являются тушение пожаров и проведение аварийно-спасательных работ, без учета факторов, позволяющих оценить риски наступления неблагоприятных последствий при продолжении такими сотрудниками службы, в том числе уголовно-правовых характеристик совершенного преступления, срока, прошедшего с момента его совершения, а также с момента снятия или погашения судимости, поведения сотрудника в этот период, включая отношение к исполнению своих служебных обязанностей, и других значимых обстоятельств.

Этот вывод был основан на характере осуществляемой пожарными деятельности и специфике выполняемых ими обязанностей, связанных исключительно с ликвидацией пожара и его последствий. Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации в указанном Постановлении, при определении возможности продолжения государственной службы наряду с морально-нравственными качествами сотрудника федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы существенное значение имеют характер и условия осуществляемой ими деятельности.

2.1. Начальник (руководитель) караула (дежурной смены), как это следует из пунктов 6.3 и 6.4 Порядка организации службы в подразделениях пожарной охраны (утвержден приказом Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий от 5 апреля 2011 года № 167), является прямым начальником личного состава караула (дежурной смены) и подчиняется руководству подразделения; наряду с непосредственным участием в тушении пожаров он обязан организовывать и контролировать несение службы личным составом караула (дежурной смены); обеспечивать выполнение плана профессиональной подготовки, расписания учебных занятий с личным составом караула (дежурной смены) в период дежурства, лично проводить занятия, контролировать своевременность, качество подготовки и проведение учебных занятий помощником начальника караула и командирами отделений; обеспечивать соблюдение дисциплины личным составом караула (дежурной смены); обеспечивать запрет на допуск в служебные помещения посторонних лиц, кроме лиц, имеющих на это право; разрабатывать и корректировать документы караульной службы в части, касающейся предварительного планирования действий по тушению пожаров и проведению аварийно-спасательных работ; запрашивать и получать необходимую информацию о состоянии оперативной обстановки в районе (подрайоне) выезда подразделения, знакомиться с распорядительной и иной документацией по организации оперативно-служебной деятельности; требовать от личного состава караула (дежурной смены) выполнения должностных обязанностей; изучать деловые и моральные качества личного состава караула (дежурной смены); вносить начальнику (руководителю) подразделения

предложения о поощрении (наказании) личного состава караула (дежурной смены) и др.

Таким образом, возложенные на начальника (руководителя) караула (дежурной смены) обязанности существенно отличаются от обязанностей пожарного, связанных исключительно с ликвидацией пожара и его последствий. Следовательно, нет оснований для распространения правовой позиции, выраженной в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2015 года № 31-П применительно к должности пожарного, на случаи увольнения сотрудника федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы с иным характером и условиями деятельности.

2.2. Выявляя конституционно-правовой смысл пункта «м» части первой статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации применительно к увольнению сотрудников, замещающих должности пожарных в подразделениях федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы, Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что применение данного Положения к правоотношениям по прохождению государственной службы в Государственной противопожарной службе Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий рассматривалось как временная мера, а специфику прохождения службы в ней предполагалось учесть в федеральном законе.

23 мая 2016 года был принят Федеральный закон № 141-ФЗ «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Статьей 98 указанного Федерального закона признана утратившей силу часть первая статьи 40 Федерального закона от 25 июля 2002 года № 116-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области пожарной безопасности», согласно которой на лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел, переходящих на службу в Государственную противопожарную службу Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, а также на лиц, вновь поступающих на службу в Государственную противопожарную службу, до принятия федерального закона, регулирующего прохождение службы в Государственной противопожарной службе Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, распространялось действие Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации.

Соответственно, с момента вступления в силу Федерального закона «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» на сотрудников федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы не распространяется действие Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации. Их служебные отношения регулируются указанным Законом, который с учетом принципов и специфики службы в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы предусмотрел правила ее прохождения, в частности установил ограничения и запреты, связанные с данной службой, и корреспондирующие им основания увольнения со службы (часть 3 статьи 83).

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктами 2 и 4 статьи 43, частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Столбова Максима Сергеевича, поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

7 июля
2016 года,
город Санкт-
Петербург

№ 1426-О

об отказе в принятии к рассмотрению
жалобы гражданина Гомзина Алексея
Владимировича на нарушение его
конституционных прав положениями
статьи 222 Уголовного кодекса
Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, Г. А. Жилина, С. М. Казанцева, М. И. Клеандрова, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева,

заслушав заключение судьи Ю. Д. Рудкина, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы гражданина А. В. Гомзина,

у с т а н о в и л :

1. В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации гражданин А. В. Гомзин оспаривает конституционность положений статьи 222 УК

Российской Федерации, устанавливающей уголовную ответственность в том числе за незаконные приобретение, передачу, сбыт, хранение, перевозку или ношение огнестрельного оружия, его основных частей, боеприпасов, за исключением гражданского огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия, его основных частей и патронов к нему, огнестрельного оружия ограниченного поражения, его основных частей и патронов к нему (часть первая), а также за те же деяния, совершенные при отягчающих (часть вторая) или особо отягчающих обстоятельствах (часть третья). Согласно примечанию к данной статье лицо, добровольно сдавшее предметы, в ней указанные, освобождается от уголовной ответственности по данной статье; не может признаваться добровольной сдачей предметов, указанных в данной статье, а также в статьях 222¹, 223 и 223¹ этого Кодекса, их изъятие при задержании лица и при производстве следственных действий по их обнаружению и изъятию.

Из представленных материалов следует, что постановлением Йошкар-Олинского городского суда Республики Марий Эл от 19 декабря 2013 года прекращено уголовное дело в отношении А. В. Гомзина, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного частью первой статьи 222 УК Российской Федерации, на основании примечания к данной статье – в связи с добровольной выдачей боеприпасов. Как установил суд, А. В. Гомзин, приказом Министра внутренних дел Российской Федерации от 31 октября 2008 года за достигнутые успехи в период прохождения службы в органах внутренних дел награжденный пистолетом Макарова, укомплектованным двумя магазинами с 16 патронами, во время обыска в его жилище, проводимого в рамках производства по уголовному делу о покушении на мошенничество, имея процессуальный статус свидетеля, добровольно передал сотрудникам полиции наградное оружие и 40 патронов к нему. Суд пришел к выводу, что обвиняемый незаконно хранил лишь 24 пистолетных патрона, поскольку на хранение и ношение наградного оружия и 16 патронов к нему имелось разрешение, в связи с чем постановил вернуть А. В. Гомзину эти 16 патронов.

В апелляционном порядке указанное постановление не обжаловалось. В передаче кассационных жалоб, поданных адвокатом в интересах А. В. Гомзина, для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции отказано постановлениями судьи Верховного Суда Республики Марий Эл от 19 марта 2014 года и судьи Верховного Суда Российской Федерации от 30 сентября 2014 года. С последним решением согласился заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации (письмо от 23 апреля 2015 года).

По мнению заявителя, положения статьи 222 УК Российской Федерации противоречат статьям 2, 6 (часть 2), 15 (часть 1), 17, 18, 19 (части 1 и 2), 21, 23, 35 (части 1 и 2), 45 и 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой ими устанавливается уголовная ответственность за хранение боеприпасов к наградному оружию в количестве большем, чем было выдано соответствующим органом исполнительной власти, притом что в системе действующего правового регулирования запрет на хранение боеприпасов в количестве, превышающем емкость двух магазинов (обойм, барабанов), не предусмотрен регламентирующими оборот оружия нормативными актами, допускающими возможность расходования и пополнения боеприпасов к наградному оружию.

2. Право граждан на приобретение, хранение и ношение оружия не относится к числу конституционно закрепленных, но, будучи производным от прав, гарантируемых статьями 19, 21, 34 и 35 Конституции Российской Федерации, не исключает возможность обладания оружием на закон-

ных основаниях, имеет конституционное значение и в силу ее статей 71 (пункт «м») и 76 (часть 1) подлежит конкретизации федеральным законодателем, который, обладая широкой дискрецией как в определении видов оружия, условий и порядка их приобретения, так и в установлении мер ответственности за правонарушения в сфере оборота оружия, тем не менее должен учитывать, что ограничения, затрагивающие конституционные права, должны быть оправданными и соразмерными конституционно одобряемым целям (статья 55, часть 3, Конституции Российской Федерации).

Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 29 июня 2012 года № 16-П указал, что оборот такого специфического вида имущества, как оружие, представляющее собой технические средства, способные причинить существенный вред жизни и здоровью людей, имуществу и природе, не только создает повышенную опасность для этих охраняемых Конституцией Российской Федерации ценностей, но и сопряжен с угрозой посягательства на другие конституционно значимые ценности, в том числе основы конституционного строя, нравственность, права и законные интересы граждан, безопасность государства, а потому от федерального законодателя требуется установление механизма их защиты в рамках правового режима оборота оружия.

2.1. Правоотношения, возникающие при обороте оружия, боеприпасов и патронов к оружию на территории Российской Федерации, урегулированы Федеральным законом от 13 декабря 1996 года № 150-ФЗ «Об оружии», положения которого, как следует из его преамбулы, направлены на защиту жизни и здоровья граждан, собственности, обеспечение общественной безопасности, охрану природы и природных ресурсов, обеспечение развития связанных с использованием спортивного оружия видов спорта, укрепление международного сотрудничества в борьбе с преступностью и незаконным распространением оружия. Данный Федеральный закон устанавливает особый режим оборота оружия – устройств и предметов, конструктивно предназначенных для поражения живой или иной цели, а также боеприпасов – предметов вооружения и метаемого снаряжения, предназначенных для поражения цели и содержащих разрывной, метательный, пиротехнический или вышибной заряды либо их сочетание, и патронов – устройств, предназначенных для выстрела из оружия, объединяющих в одно целое при помощи гильзы средства инициирования, метательный заряд и метаемое снаряжение (часть первая статьи 1), в частности предусматривает лицензионно-разрешительный порядок приобретения оружия гражданами Российской Федерации (статья 13), с тем чтобы не допустить обладания соответствующими видами оружия лицами, которые в силу тех или иных причин (состояние здоровья, отсутствие должной подготовки, невозможность обеспечения учета и сохранности оружия и др.) не могут надлежащим образом гарантировать его безопасное хранение и применение, а также чтобы обеспечить строго целевое использование оружия.

Федеральный закон «Об оружии» относит оружие, предназначенное для использования гражданами Российской Федерации в целях самообороны, для занятий спортом и охоты, в культурных и образовательных целях, к категории гражданского оружия (часть первая статьи 3), наряду с которой он выделяет и особую категорию – наградное оружие, т. е. гражданское, боевое короткоствольное ручное стрелковое и холодное оружие, полученное гражданами Российской Федерации в качестве награды на основании указа Президента Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации, наградных документов глав иностранных государств и глав правительств иностранных государств, а также на основании приказов руководителей государственных военизированных организаций (часть

первая статьи 20¹), предусматривая для такого оружия специальный правовой режим оборота. При этом Правительству Российской Федерации делегировано право устанавливать виды, типы, модели боевого короткоствольного ручного стрелкового и холодного оружия, которым могут награждаться граждане Российской Федерации, а также порядок награждения указанным оружием (часть третья статьи 20¹ Федерального закона «Об оружии»).

Во исполнение названного полномочия Правительство Российской Федерации постановлением от 5 декабря 2005 года № 718 «О награждении оружием граждан Российской Федерации» утвердило Правила награждения граждан Российской Федерации гражданским, боевым короткоствольным ручным стрелковым и холодным оружием, а также Перечень видов, типов, моделей боевого короткоствольного ручного стрелкового и холодного оружия, которым могут награждаться граждане Российской Федерации. Данные Правила определяют, что награждение оружием является одной из форм поощрения граждан за заслуги перед государством, воинскую доблесть, достижения в области обеспечения законности, правопорядка, общественной безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина (пункт 2); хранение, ношение, передача и транспортирование награжденного боевого короткоствольного ручного стрелкового оружия осуществляются с соблюдением правил, установленных в отношении гражданского короткоствольного оружия самообороны (пункт 4).

Вместе с тем из взаимосвязанных положений Федерального закона «Об оружии», запрещающих хранение патронов к гражданскому оружию лицам, не владеющим на законном основании таким гражданским оружием (пункт 9 статьи 6), и разрешающих хранение гражданского и служебного оружия и патронов к нему лицам, получившим в органах внутренних дел разрешения на хранение или хранение и ношение оружия (часть первая статьи 22), следует, что законные основания владения конкретным видом оружия (что подтверждает выполнение гражданином требований, обеспечивающих учет и сохранность оружия, его безопасное хранение, применение и др.) наделяют лицо и правом на приобретение и хранение боеприпасов к данному оружию. Тем самым право на хранение боеприпасов к определенному виду оружия рассматривается как составная часть (продолжение) права на владение и пользование данным видом оружия.

Так, согласно названным Правилам при вручении наградного оружия награжденному передается заверенная в установленном порядке копия правового акта о награждении оружием и экземпляр приходно-расходного документа на выдачу оружия и патронов к нему (пункт 13), которые награжденный обязан представить в 2-недельный срок со дня получения наградного оружия в орган внутренних дел по месту жительства для регистрации и получения разрешения на хранение и ношение указанного оружия, а также другие документы, предусмотренные Федеральным законом «Об оружии» (подпункт «а» пункта 19); наградное оружие комплектуется патронами с пулями без стальных сердечников, пиротехнических составов и иного специального метаемого снаряжения, а комплектование патронами с оболочечными пулями и стальным сердечником допускается только в случае, если для конкретной модели наградного оружия другие патроны не применяются, причем не допускается комплектовать наградное оружие патронами, запрещенными к обороту данным Федеральным законом, не предусмотренными для соответствующей модели наградного оружия либо имеющими специальное назначение (пункт 30).

При этом согласно пункту 31 названных Правил в разрешении на хранение и ношение наградного оружия, выдаваемом органами внутренних дел, на каждую единицу выдаваемого наградного оружия количество патро-

нов указывается из расчета на два снаряженных магазина (обоймы, барабана), что определяет максимальное количество боеприпасов, которые вправе хранить награжденное лицо.

2.2. Правила оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 21 июля 1998 года № 814 «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации».

В соответствии с данными Правилами хранение оружия и патронов разрешается юридическим и физическим лицам, получившим в органах внутренних дел разрешения на хранение, или хранение и использование, или хранение и ношение оружия (пункт 54); награжденные гражданским огнестрельным оружием приобретают патроны к нему взамен израсходованных, в том числе для проведения тренировочных стрельб и контрольного отстрела, в порядке, установленном МВД России (пункт 23). Согласно же пункту 32 Правил, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 5 декабря 2005 года № 718, награжденные боевым короткоствольным ручным стрелковым оружием приобретают патроны к нему взамен израсходованных, в том числе для проведения тренировочных стрельб на стрелковых объектах, за плату через наградные фонды или МВД России; приобретение патронов к такому наградному оружию взамен израсходованных осуществляется награжденным после подтверждения в установленном порядке факта их использования либо при признании патронов непригодными для дальнейшего использования органом внутренних дел по месту жительства награжденного.

Однако ведомственный порядок подтверждения факта использования боеприпасов, а также порядок приобретения лицами, награжденными боевым оружием, боеприпасов за плату взамен израсходованных на данный момент МВД России не определен. При этом законодательство не предоставляет награжденным боевым оружием и право приобретать в специализированных магазинах боеприпасы к нему, как это предусмотрено для лиц, имеющих разрешение на хранение и ношение охотничьего огнестрельного оружия с нарезным стволом, предназначенного для стрельбы аналогичными патронами. Соответственно, лица, награжденные боевым короткоствольным ручным стрелковым оружием, вправе приобретать боеприпасы исключительно взамен израсходованных либо признанных непригодными, что исключает возможность превышения количества хранимых боеприпасов по сравнению с указанным в разрешении на хранение и ношение наградного оружия.

Закрепление в нормативных актах Правительства Российской Федерации порядка хранения и пополнения боеприпасов к наградному оружию основано на положениях Федерального закона «Об оружии» и направлено на обеспечение их контролируемого оборота. Такая конкретизация правил оборота боеприпасов к наградному оружию призвана создать гарантии правовой определенности для награжденных и не допустить произвольное или необоснованное ограничение их прав, тем более путем применения к ним самых строгих – уголовно-правовых – мер принуждения.

3. Исходя из Конституции Российской Федерации и в предусмотренных ею пределах федеральный законодатель, реализуя свои полномочия, определяет содержание положений уголовного закона, устанавливает преступность тех или иных общественно опасных деяний, их наказуемость, а также порядок привлечения виновных лиц к уголовной ответственности, учитывая при этом степень распространенности таких деяний, значимость охраняемых законом ценностей, на которые они посягают, и существен-

ность причиняемого ими вреда, а также невозможность их преодоления с помощью иных правовых средств. Введение законом уголовной ответственности за то или иное деяние является свидетельством достижения им такого уровня общественной опасности, при котором для восстановления нарушенных общественных отношений требуется использование государственных сил и средств (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2005 года № 7-П).

Соответственно, меры, устанавливаемые в уголовном законе в целях защиты конституционно значимых ценностей, должны определяться исходя из требования адекватности порождаемых ими последствий (прежде всего для лица, в отношении которого они применяются) тому вреду, который причинен в результате преступного деяния, или опасности причинения вреда, с тем чтобы обеспечивались соразмерность наказания совершенному преступлению. Именно поэтому Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривает, что наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, т. е. соответствовать характеру и степени опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного (часть первая статьи 6).

Уголовная ответственность за незаконный оборот огнестрельного оружия, его основных частей и боеприпасов (за исключением гражданского огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия, его основных частей и патронов к нему, огнестрельного оружия ограниченного поражения, его основных частей и патронов к нему) предусмотрена частями первой – третьей статьи 222 УК Российской Федерации. Объективная сторона этого преступления характеризуется совершением хотя бы одного из следующих незаконных действий: приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение указанных в данной статье предметов.

При этом, поскольку диспозиция статьи 222 УК Российской Федерации носит бланкетный характер, наличие или отсутствие признака незаконности перечисленных в ней действий следует оценивать с позиции требований как Федерального закона «Об оружии», так и принятых в его развитие подзаконных нормативных актов, а также в контексте взаимосвязи законности и противоправности отдельных действий, включенных в запрещенное уголовным законом деяние. Из этого же исходит и Пленум Верховного Суда Российской Федерации, ориентирующий суды в постановлении от 12 марта 2002 года № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» на разграничение видов ответственности владельцев оружия (пункт 8), а также на необходимость устанавливать при решении вопроса о привлечении к ответственности за преступления, предусмотренные статьями 222–225 УК Российской Федерации, и указывать в приговоре правила, которые были нарушены (абзац первый пункта 10).

Тем самым положения статьи 222 УК Российской Федерации подлежат применению с учетом не только противоправности, но и общественной опасности содеянного и во взаимосвязи с нормами Общей части этого Кодекса, в том числе определяющими его задачи и принципы, основание уголовной ответственности (статьи 2–8), а также понятие преступления, которым признается лишь запрещенное этим Кодексом виновно совершенное общественно опасное деяние, и устанавливающими, что не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного этим Кодексом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности (статья 14). Кроме того, в обязанность судов входит обеспечение дифференциации ответственности исходя из полной и всесторонней оценки деяния, с тем что-

бы обеспечить как реализацию задач и принципов уголовного закона, так и вытекающую из назначения уголовного судопроизводства защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (статья 6 УПК Российской Федерации).

Таким образом, сами по себе положения статьи 222 УК Российской Федерации не предполагают признания уголовной противоправности в действиях, совершенных в установленных законом пределах лицом, награжденным боевым оружием, и конституционные права заявителя не нарушают. Проверка же законности и обоснованности решений правоприменительных органов по его делу в компетенцию Конституционного Суда Российской Федерации, как она определена в статье 125 Конституции Российской Федерации и статье 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», не входит.

Этим, однако, не исключается право федерального законодателя в порядке реализации своих дискреционных полномочий конкретизировать – с учетом особенностей наградного боевого оружия и патронов к нему – порядок подтверждения факта израсходования соответствующих боеприпасов и порядок их приобретения.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гомзина Алексея Владимировича, поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

---

7 июля
2016 года,
город Санкт-
Петербург

№ 1428-О

по жалобе граждан Анохиной Анастасии Владимировны, Бадова Дениса Владимировича и других на нарушение их конституционных прав положениями пункта 1 части 4 статьи 6, части 1 статьи 7 и части 1¹ статьи 8 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», а также части 5 статьи 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, Г. А. Жилина, С. М. Казанцева, М. И. Клеандрова, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева,

заслушав заключение судьи С. Д. Князева, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы граждан А. В. Анохиной, Д. В. Бадова и других,

у с т а н о в и л :

1. В своей коллективной жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации граждане А. В. Анохина, Д. В. Бадов, В. А. Бочкарева и А. Г. Корнеева оспаривают конституционность следующих положений Федерального закона от 19 июня 2004 года № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» (в редакции, действовавшей до принятия Федерального закона от 9 марта 2016 года № 161-ФЗ):

пункта 1 части 4 статьи 6, согласно которому участники публичных мероприятий не вправе скрывать свое лицо, в том числе использовать маски, средства маскировки, иные предметы, специально предназначенные для затруднения установления личности;

части 1 статьи 7, согласно которой уведомление о проведении публичного мероприятия (за исключением собрания и пикетирования, проводимого одним участником) подается его организатором в письменной форме в орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации или орган местного самоуправления в срок не ранее 15 и не позднее 10 дней до дня проведения публичного мероприятия;

части 1¹ статьи 8, согласно которой органы исполнительной власти субъекта Российской Федерации определяют единые специально отведенные или приспособленные для коллективного обсуждения общественно значимых вопросов и выражения общественных настроений, а также для массового

присутствия граждан для публичного выражения общественного мнения по поводу актуальных проблем преимущественно общественно-политического характера места (далее – специально отведенные места); порядок использования специально отведенных мест, нормы их предельной заполняемости и предельная численность лиц, участвующих в публичных мероприятиях, уведомление о проведении которых не требуется, устанавливаются законом субъекта Российской Федерации, при этом указанная предельная численность не может быть менее ста человек.

В жалобе оспаривается также конституционность части 5 статьи 20.2 КоАП Российской Федерации, согласно которой нарушение участником публичного мероприятия установленного порядка проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования, за исключением случаев, предусмотренных частью 6 данной статьи, влечет наложение административного штрафа в размере от десяти тысяч до двадцати тысяч рублей или обязательные работы на срок до сорока часов.

Как следует из представленных материалов, А. В. Анохина, Д. В. Бадов, В. А. Бочкарева и А. Г. Корнеева, а также гражданка А. М. Алиева (не является заявителем жалобы в Конституционный Суд Российской Федерации) 11 апреля 2014 года в составе группы из пяти человек в сквере имени А. С. Пушкина города Самары, отнесенном в соответствии с законодательством Самарской области к числу специально отведенных мест, провели без предварительного уведомления пикетирование в рамках международной акции «День молчания» (ежегодная студенческая акция ненасильственного протеста, посвященная проблемам замалчивания дискриминации, физического и морального насилия, преступлений на почве ненависти и негативного отношения по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности) под девизом «Мы молчим, чтобы нас услышали!», участники которой заклеивают себе рот скотчем. Сотрудники органов внутренних дел (полиции), посчитав, что для проведения пикетирования группой лиц, в том числе в специально отведенном месте, необходимо предварительное уведомление компетентных органов, и расценив заклеенные скотчем рты пикетчиков в качестве средства маскировки, предназначенного для сокрытия лиц участников публичного мероприятия и затруднения определения их личностей, усмотрели в действиях пикетчиков – несмотря на то, что они по первому требованию прекратили проведение акции, отклеили скотч и предъявили свои документы – нарушение установленного порядка проведения публичного мероприятия и составили в отношении всех его участников протоколы об административном правонарушении, предусмотренном частью 5 статьи 20.2 КоАП Российской Федерации.

Постановлением судьи Самарского районного суда города Самары от 16 июля 2014 года дело об административном правонарушении в отношении А. В. Анохиной было прекращено в связи с отсутствием в ее действиях состава административного правонарушения с указанием на то, что законодательством не предусмотрена процедура согласования проведения публичных мероприятий в специально отведенных местах при соблюдении предельной численности лиц, участвующих в публичных мероприятиях, а заклеивание рта скотчем не является маской, средством маскировки или иным предметом, затрудняющим установление личности, тем более что после проведения акции всеми ее участниками по требованию сотрудников полиции были предъявлены документы, удостоверяющие личность.

По протесту прокурора Самарского района города Самары данное постановление было отменено решением Самарского областного суда от 18 сентября 2014 года, а дело направлено на новое рассмотрение. Постановлением Самарского районного суда города Самары от 27 октября 2014 года, оставленным без изменения вышестоящими судами (решение Самарского об-

ластного суда от 25 декабря 2014 года, постановление заместителя председателя Самарского областного суда от 29 мая 2015 года, постановление судьи Верховного Суда Российской Федерации от 25 ноября 2015 года), А. В. Анохина была признана виновной в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 5 статьи 20.2 КоАП Российской Федерации, и ей назначен административный штраф в размере десяти тысяч рублей. В обоснование вывода о ее виновности суды отметили, что без уведомления в специально отведенном месте могут быть проведены только собрание и одиночное пикетирование, для проведения которых не требуется уведомление в соответствии с частью 1 статьи 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», а использование А. В. Анохиной скотча для заклеивания рта в совокупности с надетым на голову капюшоном привело к нарушению требования закона, запрещающего участникам публичных мероприятий скрывать свое лицо посредством использования средств, затрудняющих установление их личности.

Д. В. Бадов, В. А. Бочкарева и А. Г. Корнеева постановлениями районных судов города Самары, оставленными без изменения апелляционной и кассационной судебными инстанциями, также были признаны виновными в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 5 статьи 20.2 КоАП Российской Федерации, но в отличие от А. В. Анохиной — только в связи с тем, что участвовали в пикетировании, проводившемся без подачи предварительного уведомления. При этом суды отклонили их ссылки на официальные ответы Самарской губернской Думы, Главного правового управления администрации губернатора Самарской области и Департамента по вопросам общественной безопасности Самарской области, в которых разъяснялось, что отсутствует необходимость предварительного уведомления о проведении публичного мероприятия в специально отведенном месте, если количество его участников составляет менее 150 человек, так как, согласно Закону Самарской области от 6 апреля 2005 года № 105-ГД «О порядке подачи уведомления о проведении публичного мероприятия и обеспечении отдельных условий реализации прав граждан на проведение публичных мероприятий в Самарской области», предельная численность лиц, участвующих в публичных мероприятиях в специально отведенных местах, уведомление о проведении которых не требуется, не должна превышать 150 человек (часть 2 статьи 3³).

Что касается пятого участника пикетирования — А. М. Алиевой, то производство по делу об административном правонарушении, которое по ее ходатайству рассматривалось по месту жительства в Оренбургской области, постановлением Бузулукского районного суда Оренбургской области от 11 августа 2014 года было прекращено в связи с отсутствием в ее действиях состава административного правонарушения, предусмотренного частью 5 статьи 20.2 КоАП Российской Федерации: как указано в постановлении, из положений Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» вытекает, что уведомление о проведении в специально отведенном месте пикетирования группой граждан, состоящей из пяти человек, не требуется, а заклеивание рта скотчем не затрудняло установление личностей участников публичного мероприятия.

Кроме того, решением Самарского областного суда от 25 декабря 2014 года, оставленным без изменения апелляционным определением Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 2015 года, заявителям было отказано в удовлетворении требований о признании недействующими отдельных положений Закона Самарской области «О порядке подачи уведомления о проведении публичного мероприятия и обеспечении отдельных условий реализации прав граждан

на проведение публичных мероприятий в Самарской области», допускающих, по их мнению, вопреки части 1¹ статьи 8 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», возможность проведения в специально отведенном месте без предварительного уведомления не любого публичного мероприятия, если численность его участников не превышает установленного законом предела, а лишь одиночного пикетирования и собрания. При этом Верховный Суд Российской Федерации констатировал, что оспариваемые положения Закона Самарской области не содержат какого-либо запрета на проведение публичных мероприятий, не вводят каких-либо дополнительных ограничений, нового или иного правового регулирования, отличного от положений Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», в том числе «не предполагают возможности проведения в специально отведенном месте без уведомления не любого публичного мероприятия с определенной данным Законом предельной численностью, а лишь одиночного пикета и собрания».

Опираясь на данную правовую позицию, заявители обратились с надзорными жалобами на принятые в отношении них судебные решения по делам об административном правонарушении, предусмотренном частью 5 статьи 20.2 КоАП Российской Федерации, в Верховный Суд Российской Федерации, однако получили отказы в их удовлетворении (постановления от 25 ноября 2015 года и от 14 декабря 2015 года) на том основании, что проведение коллективного пикетирования во всех без исключения случаях требует подачи предварительного уведомления.

По мнению заявителей, оспариваемые положения части 1 статьи 7 и части 1¹ статьи 8 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» по смыслу, придаваемому правоприменительной практикой, вследствие неопределенности своего нормативно-правового содержания обязывают граждан подавать уведомление о проведении в специально отведенном месте публичного мероприятия численностью менее 100 человек (кроме одиночного пикетирования и собрания) и тем самым не препятствуют произвольному ограничению права на свободу мирных собраний, а потому не соответствуют Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (часть 1), 31 и 55 (часть 3). Тем же статьям Конституции Российской Федерации, а также ее статье 54 (часть 3) противоречат, по мнению А. В. Анохиной, пункт 1 части 4 статьи 6 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» и часть 5 статьи 20.2 КоАП Российской Федерации, как позволяющие привлекать к административной ответственности участников публичного мероприятия за сокрытие своего лица по формальным основаниям и вне зависимости от мотивов и целей их действий.

2. Закрепленное статьей 31 Конституции Российской Федерации право граждан Российской Федерации собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование является — как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации (постановления от 18 мая 2012 года № 12-П, от 14 февраля 2013 года № 4-П и от 13 мая 2014 года № 14-П; определения от 2 апреля 2009 года № 484-О-П, от 4 апреля 2013 года № 485-О и др.) — одним из основополагающих и неотъемлемых элементов правового статуса личности в Российской Федерации как демократическом правовом государстве, в числе основ конституционного строя которого признаются идеологическое и политическое многообразие и многопартийность и на котором лежит обязанность обеспечивать защиту, включая судебную, прав и свобод человека и гражданина (статья 1, часть 1; статья 2; статья 13, части 1 и 3; статья 45, часть 1; статья 46, части 1 и 2; статья 64, Конституции Российской Федерации). Во взаимосвязи с иными правами и

свободами, гарантированными Конституцией Российской Федерации, прежде всего ее статьями 29, 30, 32 и 33, данное конституционное право обеспечивает гражданам реальную возможность посредством проведения публичных мероприятий (собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирования) оказывать влияние на деятельность органов публичной власти и тем самым способствовать поддержанию мирного диалога между гражданским обществом и государством, что не исключает протестного характера таких публичных мероприятий, который может выражаться в критике как отдельных действий и решений органов государственной власти и органов местного самоуправления, так и проводимой ими политики в целом. Как следствие, предполагается, что реагирование публичной власти на организацию и проведение собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирования должно быть нейтральным и во всяком случае – независимо от политических взглядов их инициаторов и участников – нацеленным на обеспечение условий (как на уровне законодательного регулирования, так и в правоприменительной деятельности) для правомерного осуществления гражданами и их объединениями права на свободу мирных собраний, в том числе путем выработки четких правил их организации и проведения, не выходящих за рамки допустимых ограничений прав и свобод граждан в демократическом правовом государстве.

Природой закрепленного в статье 31 Конституции Российской Федерации права, заложенными в нем политическими и публично-правовыми началами предопределяется обязанность государства осуществлять регулирующее воздействие на отношения, связанные с организацией и проведением мирных собраний, с тем чтобы на основе соблюдения баланса частных и публичных интересов гарантировать гражданам и их объединениям реальную возможность заявлять и отстаивать свою позицию и выдвигать гражданские инициативы по значимым, с их точки зрения, общественно-политическим вопросам и тем самым оказывать влияние на деятельность органов публичной власти как непосредственно, так и путем формирования общественного мнения в целях привлечения внимания к соответствующим проблемам и обеспечения своевременного и адекватного реагирования на них со стороны публично-властных институтов.

Исходя из провозглашенной в преамбуле Конституции Российской Федерации цели утверждения гражданского мира и согласия и учитывая, что в силу самой своей сути публичные мероприятия (соборания, митинги, демонстрации, шествия и пикетирование) могут затрагивать права и законные интересы широкого круга лиц – как участников публичных мероприятий, так и лиц, в них непосредственно не участвующих, – государственная защита гарантируется только праву на проведение мирных публичных мероприятий, которое, тем не менее, может быть ограничено федеральным законом в соответствии с критериями, предопределяемыми требованиями статей 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, на основе принципа юридического равенства и вытекающего из него принципа соразмерности, т. е. в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Законодательные, организационные и иные меры, предпринимаемые органами публичной власти в целях надлежащего обеспечения права на свободу мирных собраний, не должны приводить к чрезмерному государственному контролю за деятельностью организаторов и участников публичных мероприятий, сопряженному с необоснованными ограничениями свободного проведения собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирования. В то же время, принимая во внимание характер гарантиро-

ванного статьей 31 Конституции Российской Федерации права, предполагающий исключительно мирный способ выражения гражданами своих взглядов и их доведения до соответствующих адресатов, в случаях, когда организаторы или участники публичного мероприятия ведут себя деструктивно, в частности явно намереваются совершить или, более того, совершают какие-либо действия, угрожающие общественному порядку и (или) общественной безопасности, государство – во исполнение своей конституционной обязанности по защите прав и свобод человека и гражданина – должно использовать для недопущения и пресечения проявлений, не отвечающих существу права на мирные собрания, все законные средства.

Таким образом, гарантированное Конституцией Российской Федерации право граждан Российской Федерации собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование не является абсолютным и может быть ограничено федеральным законом в целях защиты конституционно значимых ценностей при обязательном соблюдении принципов необходимости, пропорциональности и соразмерности, с тем чтобы вводимые им ограничения не посягали на само существо данного конституционного права и не препятствовали открытому и свободному выражению гражданами своих взглядов, мнений и требований посредством организации и проведения мирных публичных акций.

Соответственно, такой федеральный закон должен обеспечивать возможность полноценной реализации права на свободу мирных собраний и одновременно – соблюдение надлежащего общественного порядка и безопасности без ущерба для здоровья и нравственности граждан на основе баланса интересов организаторов и участников публичных мероприятий, с одной стороны, и третьих лиц – с другой, исходя из необходимости государственной защиты прав и свобод всех лиц (как участвующих, так и не участвующих в публичном мероприятии), в том числе путем введения разумных мер предупреждения и предотвращения нарушений общественного порядка и безопасности, прав и свобод граждан, а также установления эффективной публично-правовой ответственности за действия, их нарушающие или создающие угрозу их нарушения.

3. Вопрос об оценке конституционности положений Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», предусматривающих обязанность подачи организатором публичного мероприятия уведомления о его проведении, в том числе применительно к специально отведенным местам, уже был предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации, который в постановлениях от 18 мая 2012 года № 12-П, от 14 февраля 2013 года № 4-П и от 13 мая 2014 года № 14-П сформулировал следующие правовые позиции.

Процедура предварительного уведомления органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органа местного самоуправления о проведении публичного мероприятия преследует цель заблаговременно довести до соответствующих органов публичной власти необходимую информацию о форме, месте (маршруте движения), времени начала и окончания публичного мероприятия, предполагаемом количестве его участников, способах (методах) обеспечения общественного порядка и организации медицинской помощи, а также об организаторах и лицах, уполномоченных выполнять распорядительные функции по организации и проведению публичного мероприятия; в противном случае органы публичной власти, не имея достоверного представления о планируемом публичном мероприятии, его характере и масштабах, лишаются реальной возможности исполнить возложенную на них статьей 2 Конституции Российской Федерации обязанность по соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина и принять необходимые меры, в том числе профилактические и организационные, на-

правленные на обеспечение безопасных как для самих участников публичного мероприятия, так и для иных лиц условий проведения публичного мероприятия.

Наделение федеральным законодателем органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации полномочием по определению специально отведенных для проведения публичных мероприятий мест вытекает из Конституции Российской Федерации, ее статьи 72 (пункт «б» части 1), относящей защиту прав и свобод человека и гражданина, а также обеспечение законности, правопорядка и общественной безопасности к сфере совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, и статьи 76 (часть 2), по смыслу которой предполагается наличие у субъектов Российской Федерации права принятия по предметам совместного ведения собственных — соответствующих федеральным законам — законов и иных нормативных правовых актов, благодаря чему субъекты Российской Федерации получают возможность наряду с основными гарантиями прав граждан, закрепленными федеральным законом, установить в своем законе или ином нормативном правовом акте дополнительные гарантии этих прав, направленные на их конкретизацию, создание вспомогательных механизмов их реализации, с учетом региональных особенностей и с соблюдением конституционных требований о непротиворечии законов субъектов Российской Федерации федеральным законам и о недопустимости ограничения прав и свобод человека и гражданина в форме иной, нежели федеральный закон; во всяком случае, осуществляя такое регулирование, законодатель субъекта Российской Федерации не должен вводить процедуры и условия, которые искажают само существо тех или иных конституционных прав, и снижать уровень их федеральных гарантий, закрепленных на основе Конституции Российской Федерации федеральными законами, а также вводить какие-либо ограничения конституционных прав и свобод, поскольку таковые — в определенных Конституцией Российской Федерации целях и пределах — может устанавливать только федеральный законодатель.

В соответствии с Федеральным законом «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» при определении специально отведенных мест и установлении порядка их использования должны обеспечиваться возможность достижения целей публичных мероприятий, транспортная доступность специально отведенных мест, возможность использования организаторами и участниками публичных мероприятий объектов инфраструктуры, соблюдение санитарных норм и правил, безопасность организаторов и участников публичных мероприятий, других лиц; в случае направления организаторами нескольких публичных мероприятий уведомлений об их проведении в специально отведенных местах в одно и то же время очередность использования таких мест определяется в зависимости от времени получения соответствующего уведомления органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органом местного самоуправления (часть 1² статьи 8); после определения органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации в установленном порядке специально отведенных мест публичные мероприятия проводятся, как правило, в указанных местах; это не исключает проведение публичного мероприятия вне специально отведенных мест, причем и в таком случае в согласовании проведения публичного мероприятия может быть отказано, лишь если уведомление подано лицом, которое в соответствии с законом не вправе быть организатором публичного мероприятия, либо если в уведомлении в качестве места проведения публичного мероприятия указано место, где данным Федеральным законом или законом субъекта Российской Федерации проведение публичных мероприятий запрещается (часть 2¹ статьи 8 и часть 3 статьи 12).

Положения Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», предусматривающие обязанность органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по определению специально отведенных мест, как следует из их содержания во взаимосвязи с иными его установлениями, имеют целью создание дополнительных гарантий для беспрепятственной реализации гражданами и их объединениями права на свободу мирных собраний, в том числе без предварительного направления в органы публичной власти соответствующего уведомления при условии, что количество предполагаемых участников публичного мероприятия не превышает предельную численность, установленную законом субъекта Российской Федерации; они предоставляют всем заинтересованным лицам альтернативные возможности при выборе места проведения публичного мероприятия, позволяют органам публичной власти заблаговременно принять необходимые меры для обеспечения в специально отведенных местах общественного порядка и безопасности граждан и вместе с тем не препятствуют организаторам публичного мероприятия избрать иное место его проведения; содержащиеся в них требования ориентируют органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации на такое использование предоставленных им полномочий при определении пространственно-территориального расположения специально отведенных мест, которое наиболее полно отвечает природе и предназначению публичных мероприятий.

Приведенные правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации сохраняют свою силу и подлежат учету всеми правоприменительными органами, включая суды, при применении положений Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», касающихся уведомления о проведении публичного мероприятия, в том числе оспариваемых заявителями положений части 1 статьи 7 и части 1¹ статьи 8. В силу этих правовых позиций данные законоположения не препятствуют — в системе действующего правового регулирования — проведению в специально отведенных местах без предварительного уведомления публичных мероприятий любой формы (вида), если количество участников таких мероприятий не превышает предельной численности лиц, установленной законом субъекта Российской Федерации, которая не может быть менее ста человек, что, в свою очередь, исключает наступление административной ответственности по части 5 статьи 20.2 КоАП Российской Федерации за проведение соответствующих публичных мероприятий без подачи уведомления в орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации или орган местного самоуправления.

Иное в нарушение статьи 125 (часть 6) Конституции Российской Федерации и части третьей статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» означало бы возможность применения названных законоположений в интерпретации, расходящейся с выявленным Конституционным Судом Российской Федерации конституционно-правовым смыслом таких законоположений, и тем самым — отступление от принципа верховенства, высшей юридической силы и прямого действия Конституции Российской Федерации (статья 4, часть 1; статья 15, часть 1).

4. Согласно Федеральному закону «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» участники публичных мероприятий не вправе скрывать свое лицо, в том числе использовать маски, средства маскировки, иные предметы, специально предназначенные для затруднения установления личности (пункт 1 части 4 статьи 6); организатор публичного мероприятия обязан требовать от участников публичного мероприятия не скрывать свое лицо, в том числе не использовать маски, средства маскировки, иные предметы, специально предназначенные для затруднения уста-

новления личности; лица, не подчинившиеся законным требованиям организатора публичного мероприятия, могут быть удалены с места его проведения (пункт 11 части 4 статьи 5); совершение участниками публичного мероприятия противоправных действий, в том числе связанных с сокрытием своего лица, и неисполнение организатором публичного мероприятия предусмотренных законом обязанностей, в том числе касающихся требования от участников публичного мероприятия не скрывать свое лицо, являются основаниями для прекращения публичного мероприятия (пункты 2 и 3 статьи 16).

Из содержания данных законоположений следует, что закрепленный в них запрет сокрытия участником публичного мероприятия своего лица, в том числе с помощью масок, средств маскировки, иных предметов, специально предназначенных для затруднения установления личности, распространяется на все формы (виды) публичных мероприятий, независимо от места их проведения, численности участников, преследуемых целей, обсуждаемых вопросов, выражаемых мнений и т. д. Его установление в законодательстве Российской Федерации, равно как и в законодательстве других европейских стран (Австрия, Бельгия, Дания, Германия, Норвегия, Финляндия, Франция, Швейцария, Швеция и др.), продиктовано потребностями идентификации участников публичного мероприятия в интересах поддержания безопасности и общественного порядка, защиты прав и свобод граждан, в особенности при проведении массовых публичных акций. Обладая очевидным предупредительным эффектом, оказывающим заметное сдерживающее воздействие на поведение участников публичных мероприятий, такой запрет объективно препятствует появлению у них ощущения возможности безнаказанного совершения противоправных действий и способствует обеспечению условий для неотвратимого наступления ответственности за нарушение установленного порядка проведения публичного мероприятия, а потому не может рассматриваться в качестве не согласующегося с конституционно значимыми целями (статья 17, часть 1; статья 55, часть 3, Конституции Российской Федерации).

Вместе с тем при оценке положения пункта 1 части 4 статьи 6 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» важно учитывать, что сокрытие участниками публичного мероприятия своего лица (его части) может быть вызвано различными соображениями, не обязательно связанными с намерениями затруднить установление личности; запрет применения участниками публичного мероприятия средств, специально предназначенных для затруднения установления личности (маски, балаклавы, чулки и т. п.), сам по себе не препятствует использованию ими предметов (вещей), объективно имеющему своим следствием сокрытие лица, если оно обусловлено погодными (шарфы, платки, капюшоны и т. п.), медицинскими (бинты, марлевые повязки, респираторы и т. п.) или иными подобными причинами. Кроме того, поскольку данный Федеральный закон разрешает участникам публичных мероприятий использовать при их проведении плакаты, транспаранты и иные средства наглядной агитации (пункты 4 и 6 статьи 2, пункт 3 статьи 4), они, соответственно, не лишены возможности размещать на своем лице отдельные элементы наглядной агитации, в частности наносить рисунки (надписи), наклеивать аппликации (стикеры), применять другие агитационные аксессуары.

В силу этого при квалификации тех или иных действий участников публичного мероприятия в качестве подпадающих под предусмотренный пунктом 1 части 4 статьи 6 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» запрет на сокрытие своего лица необходимо обращать внимание на мотивы и цели таких действий, исполь-

зыемые способы и средства, наступившие последствия, их влияние на безопасность и общественный порядок, включая реагирование на замечания организатора публичного мероприятия и представителей правоохранительных органов.

Что касается части 5 статьи 20.2 КоАП Российской Федерации, то, по смыслу части 1 статьи 1.5, части 1 статьи 2.1 и статьи 2.2 названного Кодекса, предусмотренная ею административная ответственность участника публичного мероприятия за сокрытие своего лица невозможна без установления его вины в совершении административно-противоправного деяния, которая, вопреки утверждению заявителей, не предполагает сугубо формального подхода и императивно обязывает субъектов (органов, должностных лиц) административной юрисдикции к выяснению всех обстоятельств, с которыми было сопряжено сокрытие участником публичного мероприятия своего лица, тем более если оно не повлекло за собой существенных препятствий для идентификации его личности.

5. Таким образом, положения пункта 1 части 4 статьи 6, части 1 статьи 7, части 1¹ статьи 8 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» и части 5 статьи 20.2 КоАП Российской Федерации (как в оспариваемой заявителями, так и в действующей редакции) не содержат признаков неопределенности правового регулирования порядка проведения публичных мероприятий в специально отведенных местах без предварительного уведомления органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органа местного самоуправления и исключают привлечение к административной ответственности участников публичного мероприятия, скрывающих свое лицо, без исследования преследуемых целей, используемых средств (способов), наступивших последствий, а также иных обстоятельств, свидетельствующих о виновности таких лиц в совершении соответствующего административного правонарушения.

Проверка же законности и обоснованности судебных решений, принятых по делам заявителей, в том числе в части установления и оценки фактических обстоятельств, к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации, как она определена в статье 125 Конституции Российской Федерации и статье 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», не относится и должна осуществляться судами общей юрисдикции в предусмотренном законом порядке.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктами 2 и 3 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы граждан Анохиной Анастасии Владимировны, Бадова Дениса Владимировича и других, поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой, и поскольку по предмету обращения Конституционным Судом Российской Федерации ранее было вынесено постановление, сохраняющее свою силу.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

---

7 июля
2016 года,
город Санкт-
Петербург

№ 1435-О-Р

по ходатайству гражданина Мошкина
Михаила Игоревича о разъяснении
Определения Конституционного Суда
Российской Федерации от 15 января
2016 года № 186-О

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, Г. А. Жилина, С. М. Казанцева, М. И. Клеандрова, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева,

заслушав заключение судьи Ю. М. Данилова, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение ходатайства гражданина М. И. Мошкина,

у с т а н о в и л :

1. В Определении от 15 января 2016 года № 186-О по жалобе гражданина М. И. Мошкина на нарушение его конституционных прав статьями 165, 183 и 399 УПК Российской Федерации Конституционный Суд Российской Федерации на основании правовой позиции, которая ранее была сформулирована им в Постановлении от 17 декабря 2015 года № 33-П по делу о проверке конституционности пункта 7 части второй статьи 29, части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 УПК Российской Федерации в связи с жалобой граждан А. В. Баляна, М. С. Дзюбы и других, выявил конституционно-правовой смысл положений статей 165 «Судебный порядок получения разрешения на производство следственного действия» и 183 «Основания и порядок производства выемки» УПК Российской Федерации, указав, в частности, что исследованию органами, осуществляющими уголовное преследование, и принудительному изъятию в ходе обыска не подлежат такие материалы адвокатского производства, касающиеся доверителя адвоката, которые содержат сведения, не выходящие за рамки оказания собственно профессиональной юридической помощи как по уголовному делу, в котором адвокат является защитником, так и по иным делам, находящимся в производстве адвоката, т. е. материалы, не связанные непосредственно с совершенными в ходе производства по данному делу нарушениями со стороны как адвоката, так и его доверителя, имеющими уголовно-противоправный характер либо состоящими в хранении орудий преступления или предметов, которые запрещены к обращению или оборот которых ограничен на основании закона, или с другими преступлениями, совершенными третьими лицами.

При этом Конституционный Суд Российской Федерации признал жалобу М. И. Мошкина не подлежащей дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку для разрешения поставленного заявителем вопроса не требуется вынесение предусмотренного статьей 71 Федерального конституционного закона «О Конститу-

ционном Суде Российской Федерации» итогового решения в виде постановления.

В связи с тем что названное Постановление было посвящено предмету, аналогичному тому, которого касалась жалоба М. И. Мошкина, поступившая в Конституционный Суд Российской Федерации до вынесения этого Постановления, в пункте 2 резолютивной части Определения от 15 января 2016 года № 186-О Конституционный Суд Российской Федерации указал, что все состоявшиеся в отношении М. И. Мошкина правоприменительные решения, основанные на положениях статей 165 и 183 УПК Российской Федерации в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным Конституционным Судом Российской Федерации, связанные с производством выемки документов в помещении некоммерческого партнерства «Подольская городская коллегия адвокатов», подлежат пересмотру в установленном порядке, если для этого нет иных препятствий.

В соответствии с этим М. И. Мошкин 1 марта 2016 года подал заявление на имя Председателя Верховного Суда Российской Федерации о внесении представления в Президиум Верховного Суда Российской Федерации о возобновлении производства по его делу ввиду новых обстоятельств. Однако, как указано в подписанном судьей Верховного Суда Российской Федерации письме от 18 марта 2016 года, это заявление было оставлено без рассмотрения в связи с отсутствием оснований для возобновления производства ввиду новых обстоятельств, предусмотренных пунктом 1 части четвертой статьи 413 УПК Российской Федерации (согласно данной норме в качестве таковых может выступать признание Конституционным Судом Российской Федерации закона, примененного судом в данном уголовном деле, не соответствующим Конституции Российской Федерации).

Кроме того, в письме судьи Верховного Суда Российской Федерации содержится ссылка на статью 401¹⁷ УПК Российской Федерации, согласно которой не допускается внесение новых или повторных кассационных жалоб по тем же или иным правовым основаниям, теми же или иными лицами в тот же суд кассационной инстанции, если ранее эти жалобы в отношении одного и того же лица рассматривались судом в судебном заседании или были оставлены без удовлетворения постановлением судьи (постановлением судьи Московского областного суда от 6 октября 2014 года и постановлением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 15 мая 2015 года М. И. Мошкину было отказано в передаче его жалоб на решения по делу для рассмотрения в судебном заседании судов кассационной инстанции).

В своем ходатайстве М. И. Мошкин просит Конституционный Суд Российской Федерации разъяснить Определение от 15 января 2016 года № 186-О, ответив на следующие вопросы:

подлежат ли правоприменительные решения, вынесенные на основании статей 165 и 183 УПК Российской Федерации в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным Конституционным Судом Российской Федерации в названном Определении, пересмотру ввиду новых обстоятельств в порядке пункта 1 или пункта 3 части четвертой статьи 413 этого Кодекса, а если нет, то в каком порядке они подлежат пересмотру?

что следует считать установленным порядком для пересмотра правоприменительных решений, вынесенных судами общей юрисдикции в отношении М. И. Мошкина, и может ли ответ заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации об отсутствии оснований для пересмотра дела, датированный числом ранее вынесения названного Определения, являться «иным препятствием» для дальнейшего пересмотра?

2. По смыслу статьи 83 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», официальное разъяснение Конституционным Судом Российской Федерации вынесенного им решения дается только в рамках содержания разъясняемого решения и лишь по тем требующим дополнительного истолкования вопросам, которые были предметом рассмотрения в судебном заседании; ходатайство о даче разъяснения не подлежит удовлетворению, если поставленные в нем вопросы не требуют какого-либо дополнительного истолкования решения по существу, предполагают необходимость формулирования новых правовых позиций или же связаны с несогласием заявителя с толкованием решения Конституционного Суда Российской Федерации правоприменительными органами, включая судебные, при разрешении уголовного дела.

В Определении от 15 января 2016 года № 186-О Конституционный Суд Российской Федерации подтвердил сформулированные им в вынесенном в связи с жалобой граждан А. В. Баляна, М. С. Дзюбы и других Постановлении от 17 декабря 2015 года № 33-П, предмет которого, по сути, совпадает с предметом обращения М. И. Мошкина, правовые позиции относительно охраны адвокатской тайны в ходе производства следственных действий, связанных с изъятием документов в помещении, используемом для осуществления адвокатской деятельности.

При изучении жалобы М. И. Мошкина, по которой было принято это Определение, Конституционный Суд Российской Федерации, несмотря на идентичность существа предмета обжалования, не нашел возможным присоединить ее к жалобам А. В. Баляна, М. С. Дзюбы и других для рассмотрения в одном производстве, поскольку она поступила значительно позже принятия к рассмотрению указанных жалоб. В то же время, поскольку жалоба М. И. Мошкина соответствовала требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» и поступила в Конституционный Суд Российской Федерации до вынесения Постановления от 17 декабря 2015 года № 33-П, лицо, обратившееся с ней в Конституционный Суд Российской Федерации, по смыслу статьи 125 Конституции Российской Федерации и Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», не могло быть лишено гарантий, предусмотренных частью второй статьи 100 данного Федерального конституционного закона.

В связи с тем что в указанном Постановлении был выявлен конституционно-правовой смысл пункта 7 части второй статьи 29, части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 УПК Российской Федерации, который исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике, и содержалось предписание о пересмотре вынесенных по делам заявителей правоприменительных решений, Конституционный Суд Российской Федерации включил в резолютивную часть Определения от 15 января 2016 года № 186-О и пункт о пересмотре правоприменительных решений по делу М. И. Мошкина.

При этом названное Определение, принятое Конституционным Судом Российской Федерации в связи с Постановлением от 17 декабря 2015 года № 33-П, с учетом статьи 125 (части 4 и 6) Конституции Российской Федерации, части второй статьи 74 и части второй статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» подлежит применению в нормативном единстве с данным Постановлением.

В силу пункта 12 части первой статьи 75 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации в зависимости от характера рассматриваемого вопроса и применительно к конкретным

правоотношениям может быть определен порядок его вступления в силу, а также порядок, сроки и особенности исполнения; в случае, если такие специальные условия в постановлении не оговорены, действует общий порядок, предусмотренный Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации». Поскольку ни в Постановлении от 17 декабря 2015 года № 33-П, ни в Определении от 15 января 2016 года № 186-О такие условия сформулированы не были, в данном случае действует общий порядок исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации, предусмотренный Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации».

3. Из статьи 125 (части 4 и 6) Конституции Российской Федерации, части третьей статьи 79 и части второй статьи 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» и основанных на них правовых позиций, выраженных в определениях Конституционного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2004 года № 78-О и от 11 ноября 2008 года № 556-О-Р, следует, что постановление Конституционного Суда Российской Федерации, которым в результате выявления конституционно-правового смысла правовой нормы устраняется ее действие в неконституционном истолковании, обладает обратной силой в отношении дел заявителей, обратившихся в Конституционный Суд Российской Федерации, т. е. имеет те же последствия, что и постановление, которым норма признается не соответствующей Конституции Российской Федерации. Дела этих заявителей во всяком случае подлежат пересмотру компетентными органами – независимо от того, предусмотрены ли соответствующие основания для пересмотра дела в иных, помимо Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», актах.

Любое постановление Конституционного Суда Российской Федерации, в том числе такое, в котором выявляется конституционно-правовой смысл той или иной нормы, исключаящий любое иное ее истолкование, является окончательным, не может быть пересмотрено другими органами или преодолено путем повторного принятия отвергнутой неконституционной нормы либо посредством ее применения в истолковании, расходящемся с ее конституционно-правовым смыслом, а также обязывает всех правоприменителей, включая суды общей юрисдикции и арбитражные суды, действовать согласно правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации.

Соответственно, и определение Конституционного Суда Российской Федерации, подлежащее применению в нормативном единстве с постановлением, в котором подтверждается конституционность правовой нормы лишь в данном им истолковании, и содержащее – в связи с тем что заявитель обратился в Конституционный Суд Российской Федерации до вынесения такого постановления – указание на пересмотр его дела, наравне с постановлением, в котором норма признается неконституционной, обладает обратной силой в отношении обратившихся в Конституционный Суд Российской Федерации граждан, объединений граждан (организаций). Дела, послужившие для заявителей, по чьим жалобам были приняты такие определения, поводом для обращения в Конституционный Суд Российской Федерации, во всяком случае подлежат пересмотру компетентными органами; такой пересмотр также должен осуществляться независимо от того, имеются или отсутствуют основания для пересмотра, предусмотренные другими, помимо Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», нормативными правовыми актами.

Иное означало бы грубое нарушение положений Конституции Российской Федерации и Федерального конституционного закона «О Конститу-

ционном Суде Российской Федерации», определяющих полномочия Конституционного Суда Российской Федерации, последствия его решений, полномочия и обязанности судов общей юрисдикции в связи с исполнением таких решений Конституционного Суда Российской Федерации, применительно к конкретному делу, в связи с которым было направлено обращение в Конституционный Суд Российской Федерации.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в главе 49 предусматривает процедуру возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, в том числе в связи с признанием Конституционным Судом Российской Федерации закона, примененного судом в данном уголовном деле, не соответствующим Конституции Российской Федерации (пункт 1 части четвертой статьи 413, часть пятая статьи 415).

При этом – исходя из юридического значения подтверждения конституционности правовой нормы именно в выявленном конституционно-правовом смысле, как исключающего любое иное, т. е. неконституционное, ее истолкование, а следовательно, и применение в неконституционной интерпретации, – то обстоятельство, что положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации связывают необходимость пересмотра дела заявителя только с установленной Конституционным Судом Российской Федерации неконституционностью нормы, не может служить препятствием для использования этой процедуры и применительно к случаям принятия постановления Конституционного Суда Российской Федерации, в котором выявляется ее конституционно-правовой смысл.

Таким образом, выводы Конституционного Суда Российской Федерации, в том числе содержащиеся в резолютивной части Определения от 15 января 2016 года № 186-О, о разъяснении которого ходатайствует М. И. Мошкин, неясностей не содержат и не нуждаются в каком-либо дополнительном истолковании.

Этим не исключается правомочие федерального законодателя прямо закрепить порядок исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации в связи с конкретными делами лиц, по чьим жалобам они были вынесены, в случае принятия Конституционным Судом Российской Федерации решения, в котором выявляется конституционно-правовой смысл оспариваемых нормативных положений.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьей 6, частью четвертой статьи 71, частью первой статьи 79 и частью третьей статьи 83 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Признать ходатайство гражданина Мошкина Михаила Игоревича не подлежащим дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку для разрешения поставленных заявителем вопросов не требуется официальное разъяснение Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 2016 года № 186-О.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данному ходатайству окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».